

Познавательный журнал для хороших людей

НАУКА

из первых рук

www.scfh.ru

3 Специальный выпуск 3 • 2018

НОВОСИБИРСКИЙ –
ИЛИМСКИЙ –
ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ

«РАСКОПКИ»
В ЧИСТОЙ ЗОНЕ

СТРАНСТВУЮЩИЙ
РЫЦАРЬ

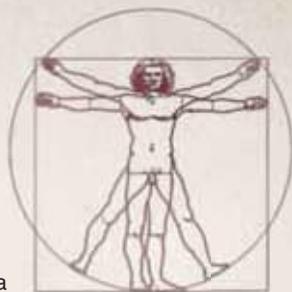
«ГОРОД И ПСЫ» :
КИТАЙСКИЙ
ВАРИАНТ

**Археологи —
народ бродячий**...

А.ОЛСТ.

Познавательный журнал
для хороших людей

Редакционная коллегия

главный редактор
акад. *Н.Л. Добрецов*
заместитель главного редактора
акад. *В.И. Бухтияров*
заместитель главного редактора
акад. *В.В. Власов*
заместитель главного редактора
чл.-корр. *Н.В. Полосьмак*
заместитель главного редактора
акад. *В.Ф. Шабанов*
ответственный секретарь
Л.М. Панфилова
акад. *И.В. Бычков*
акад. *М.А. Грачев*
акад. *А.П. Деревянко*
акад. *А.В. Латышев*
к. ф.-м. н. *Н.Г. Никулин*
акад. *В.Н. Пармон*
акад. *Н.П. Похиленко*
чл.-корр. *М.П. Федорук*
акад. *М.И. Эпов*

Редакционный совет

акад. *Л.И. Афтанас*
акад. *Б.В. Базаров*
чл.-корр. *Е.Г. Бережко*
акад. *В.В. Болдырев*
акад. *А.Г. Дегерменджи*
проф. *Э. Краузе (Германия)*
акад. *Н.А. Колчанов*
акад. *А.Э. Конторович*
акад. *М.И. Кузьмин*
акад. *Г.Н. Кулипанов*
д. ф.-м. н. *С.С. Кутателадзе*
проф. *Я. Липковски (Польша)*
акад. *Н.З. Ляхов*
акад. *В.И. Молодин*
д. б. н. *М.П. Мошкин*
чл.-корр. *С.В. Нетесов*
д. х. н. *А.К. Петров*
проф. *В. Сойфер (США)*
чл.-корр. *А.М. Федотов*
д. ф.-м. н. *М.В. Фокин*
д. т. н. *А.М. Харитонов*
акад. *А.М. Шалагин*
акад. *В.К. Шумный*
д. и. н. *А.Х. Элерт*

Над номером работали

к. б. н. *Л. Овчинникова*
Л. Панфилова
Т. Морозова
к. б. н. *М. Перелечаева*
А. Харкевич
к. ф. н. *Е. Игнатова*
А. Мистрюков

«Естественное желание хороших
людей – добывать знание»

Леонардо да Винчи

Периодический научно-популярный журнал

Издается с января 2004 года

Периодичность: 6 номеров в год

Учредители:

Сибирское отделение Российской
академии наук (СО РАН)

Институт физики полупроводников
им. А. В. Ржанова СО РАН

Институт археологии и этнографии
СО РАН

Лимнологический институт СО РАН

Институт геологии и минералогии
им. В. С. Соболева СО РАН

Институт химической биологии
и фундаментальной медицины СО РАН

Институт нефтегазовой геологии
и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН

ООО «ИНФОЛИО»

Издатель: ООО «ИНФОЛИО»

Адрес редакции и издателя:
630090, Новосибирск,
ул. Золотодолинская, 11
Тел.: +7 (383) 330-27-22, 330-21-77
Факс: +7 (383) 330-26-67
e-mail: lidia@info-press.ru
e-mail: zakaz@info-press.ru

www.scfh.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-37577
от 25 сентября 2009 г.

ISSN 2310-2500

Дата выхода в свет 26.09.2018

Перепечатка материалов только
с письменного разрешения редакции

© Сибирское отделение РАН, 2018

© ООО «ИНФОЛИО», 2018

© Институт физики полупроводников
им. А. В. Ржанова СО РАН, 2018

© Институт археологии и этнографии
СО РАН, 2018

© Лимнологический институт СО РАН,
2018

© Институт геологии и минералогии
им. В. С. Соболева СО РАН, 2018

© Институт химической биологии
и фундаментальной медицины
СО РАН, 2018

© Институт нефтегазовой геологии
и геофизики им. А. А. Трофимука
СО РАН, 2018

3. 2018
научно-популярный журнал

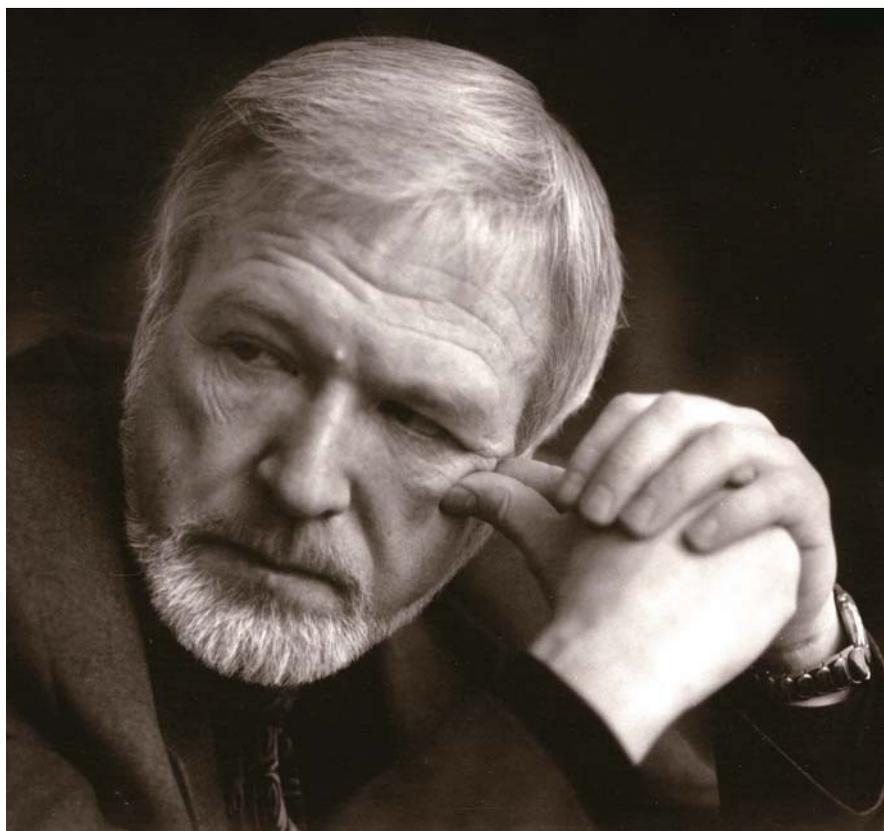
*Специальный
выпуск*

НАУКА

из первых рук

АРХЕОЛОГИ —
народ бродячий...

Археолог Вячеслав Иванович Молодин встречает свой 70-летний юбилей не в заморских теплых странах или каминном зале Дома ученых, а в палаточном лагере, раскинувшись на опушке осиновой рощи на берегу пересохшей протоки речки Омки, как ласково называют в Барабе этот приток Иртыша. Это не случайность и не каприз широко известного в России и за рубежом, увенчанного престижными наградами академика. Для Вячеслава Ивановича «поле», в котором он провел, по приблизительным подсчетам, чуть ли не 20 полноценных лет, – это образ жизни.

Маршруты его экспедиций пролегли по необъятной территории Западной Сибири, вплоть до Арктики, по горам Алтая и степям Хакасии и Монголии, просторам Забайкалья и тайги Восточной Сибири, а также за пределами нашей страны – по Аляске, Кубе, Японии и Сирии. Но одной из самых устойчивых его привязанностей всегда была Бараба и Западно-Сибирский археологический отряд, которым он руководит уже более 45 лет, разделяя с его участниками все радости и трудности экспедиционного бытия.

Не менее поразительна широта и разносторонность научных интересов ученого. Как аспирант академика А. П. Окладникова, Вячеслав Молодин занялся исследованием слабо изученного дописьменного периода истории Западной Сибири, что привело к созданию концепции историко-культурного развития на территории лесостепного Обь-Иртышья на протяжении как минимум последних 10 тысячелетий, которая в последние годы приобрела новое звучание благодаря применению методов палеогенетики.

В это же время он проводит раскопки на Илимском и Казымском острогах, на палеолитической стоянке Шестаково в Кемеровской области, в Айдашинской пещере в Красноярском крае, тагарских курганов на юге Хакасии... Потом был Горный Алтай – от Денисовой

пещеры до плато Укок, где в уникальных погребениях пазырькской культуры в линзах льда были обнаружены знаменитые алтайские мумии. За мультидисциплинарные исследования, посвященные историко-культурному развитию Южного Алтая, В. И. Молодин вместе с Н. В. Полосьмак в 2005 г. был награжден Государственной премией РФ.

Благодаря широте научных взглядов Вячеслава Ивановича с археологами сегодня тесно сотрудничают не только генетики, но и геофизики, геологи, химики, микробиологи и представители других естественных наук. Яркими примерами работ интеграционного характера, проведенных по его инициативе и с его участием, стали исследования городища Чича-1 на юге Барабинской лесостепи и «замерзших» захоронений пазырькской культуры в Северо-Западной Монголии. А не так давно ученый возглавил мультидисциплинарную российско-французскую лабораторию по изучению первобытного искусства, созданную в НГУ.

За прошедшие годы академик Молодин подготовил 13 докторов и 37 кандидатов наук, создал широко известную в стране и за рубежом оригинальную научную школу. Сегодня в научном «багаже» юбиляра не только десятки монографий и сотни научных статей, но и публикации по вопросам высшего образования и проблемам сохранения историко-культурного наследия, а также популярные книги, раскрывающие удивительный мир археологии во всем его многообразии.

Желаем Вячеславу Ивановичу на долгие годы сохранить молодость ума и крепость тела, дальнейших научных свершений, творческого вдохновения и неиссякаемого духа поиска. И как можно больше счастливых мгновений в кругу семьи и друзей, за рабочим столом и у экспедиционного костра. Ведь, как поется, мы, археологи, «народ бродячий, потому что нам нельзя иначе».

Академик РАН А. П. Деревянко,
член-корр. РАН Н. В. Полосьмак,
член-корр. РАН М. В. Шуньков.

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Герой специального выпуска нашего журнала, выдающийся российский археолог и историк Вячеслав Иванович Молодин, – давний наш друг и постоянный автор. В этот номер, посвященный юбилею академика В.И. Молодина, мы включили его избранные статьи, опубликованные в журнале в разные годы, и специально написанные для этого выпуска статьи его учеников и коллег.

Имя археолога В.И. Молодина вряд ли нуждается в представлении: оно прочно связано с такими выдающимися и ставшими широко известными не только специалистами открытиями в отечественной археологии, как уникальные «замерзшие» захоронения пазырыкской культуры скифского времени на плато Укок в Горном Алтае и древнее городище Чича в Новосибирской области – настоящая «новосибирская Троя» – сюда стекались миграционные потоки с севера и с юга, вызванные «малым ледниковым периодом» в Западной Сибири.

Академик В.И. Молодин один из первых оценил важность применения в археологии методов естественно-научных дисциплин. Уже на раскопках Чичи благодаря сотрудничеству с геофизиками археологам удалось определить и реконструировать улицы огромного по тем временам города-порта и мощную систему его обороны. Очень много сил Вячеслав Иванович отдал созданию в новосибирском Академгородке лаборатории палеогенетики полного цикла. Благодаря сотрудничеству генетиков и археологов удалось провести палеогенетический анализ более чем 30-летних полевых исследований. В результате была разработана оригинальная концепция миграционных процессов и сопровождающих их сложных этнокультурных взаимодействий народов юга Западной Сибири и Горного Алтая от периода верхнего палеолита до позднего средневековья.

Заслуги академика Молодина отмечены рядом российских и международных высоких наград, включая

Государственную премию в области науки и технологий (2005) – главную научную премию России, обновленную в 2004 г., и Демидовскую премию (2016) – старейшую и одну из самых престижных для ученых отечественных премий, так как выдвижение на нее идет путем опроса коллег-специалистов. О широте и поразительной результативности научных интересов Вячеслава Ивановича свидетельствуют почти полторы тысячи научных трудов, включающих 62 монографии, многие из которых были переведены и опубликованы за рубежом.

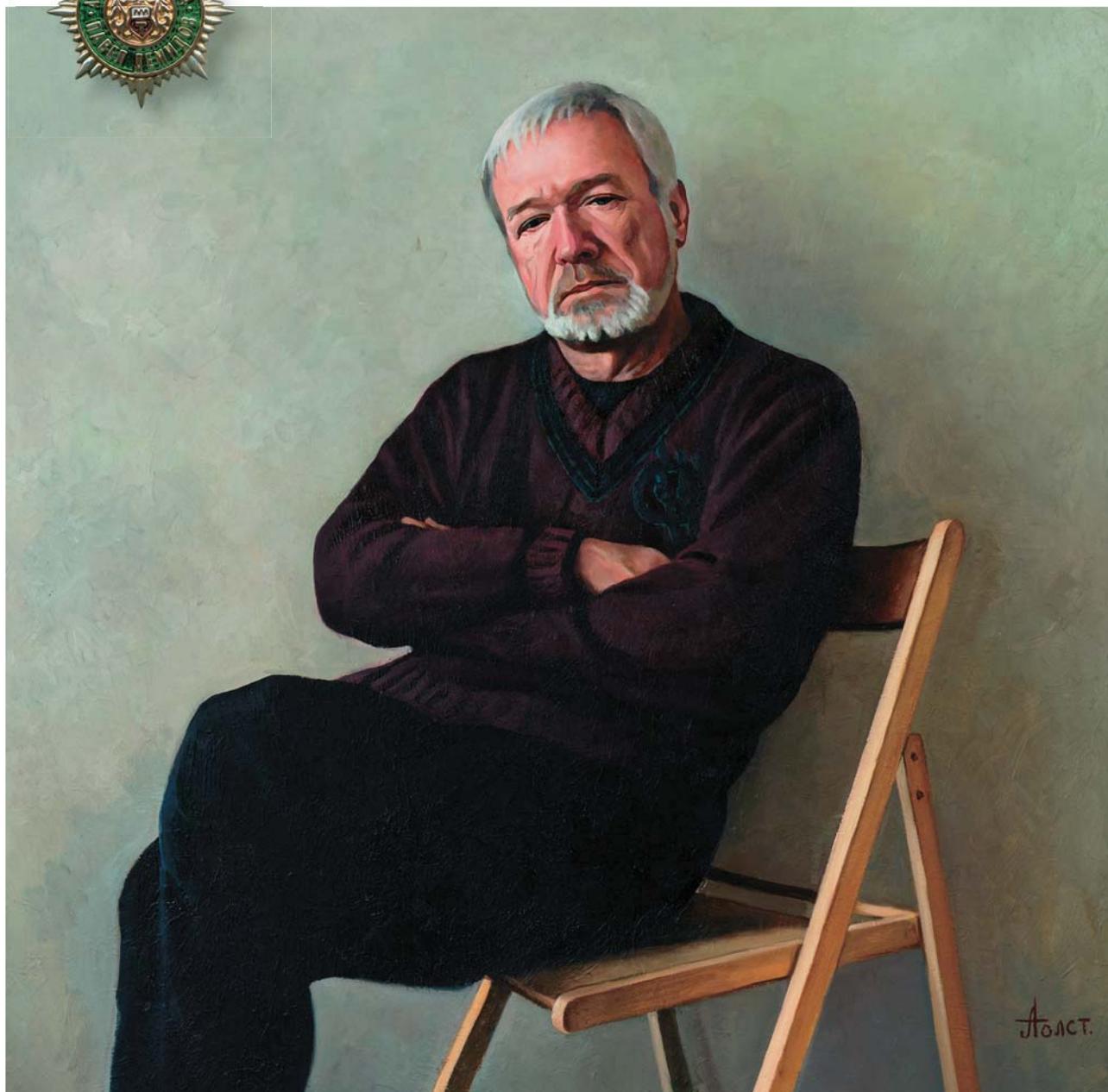
Редакция журнала «НАУКА из первых рук» во главе с главным редактором академиком Н.Л. Добрецовым, члены редакционной коллегии и редакционного совета журнала желают Вячеславу Ивановичу дальнейших успехов в познании прошлого, которое, как считал еще лорд Байрон, является «лучшим пророком для будущего».

Редакция журнала «НАУКА из первых рук»
и главный редактор, академик РАН Н.Л. Добрецов

Демидовская П Р Е М И Я:

« ...содействовать преуспеянию наук
словесности и промышленности
в своем **ОТЕЧЕСТВЕ**»

«Честь и хвала тому, кто употребляет избыток своего достоинства на оживление полезных трудов, ... на доставление пособий тем, которые посвящают себя постоянным усилиям и скромной славе учености».

Из речи президента Императорской Академии наук графа С. С. Уварова на общем собрании Академии, посвященном первому вручению Демидовской премии (1832)

Демидовская премия сегодня является самой престижной неправительственной российской наградой, присуждаемой по совокупности научных работ. Недаром ее иногда называют «российской нобелевкой»: решение о награждении выносят не чиновники, а экспертная комиссия из коллег-ученых, способных компетентно и объективно оценить научные заслуги кандидата. В 2016 г. Демидовской премией был награжден известный российский археолог, академик РАН В. И. Молодин. В интервью журналу «НАУКА из первых рук» лауреат рассказал о роли археологии и исторической науки в жизни общества, о своей эволюции как ученого и о том, чем современная археология отличается от краеведения

МОЛОДИН Вячеслав Иванович – действительный член РАН, профессор, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Лауреат Международной премии им. А. П. Карпинского (2000), Государственной премии РФ в области науки и техники (2005), Демидовской премии (2016). Автор и соавтор более 1400 научных работ

Портрет академика РАН В. И. Молодина.
Художник А. Г. Толстикова. 2011.
Холст, масло

Ключевые слова: Демидовская премия, археология, мультидисциплинарные исследования, палеогенетика, пазырыкская культура.
Key words: Demidov prize, archaeology, multidisciplinary research, paleogenetics, Pazyryk culture

Демидовская премия имеет в России давнюю историю, и ее всегда получали не просто хорошие ученые, а специалисты экстра-класса. Попасть в их ряды – это, конечно, великая честь для меня, но это и признание значения археологии и исторической науки в целом для страны, для общества. Возьмите, к примеру, тот факт, что в Сибири первые письменные источники появились с приходом русских людей, т. е. не ранее XVII в. А человек здесь обосновался, судя по работам наших специалистов по палеолиту, около 800 тыс. лет назад. Это означает почти миллион лет бесписьменной истории! Реконструировать этот огромный исторический период можно только при помощи археологических данных.

Однако понимание этой важности, как и своей ответственности перед наукой и обществом, приходит не сразу. В молодости нас переполняет романтика поиска, страсть к новому. Но чувства эволюционируют. Появляется, не побоюсь этого слова, некий прагматизм – умение исходя из накопленного опыта выбирать объекты, исследование которых поможет закрыть какие-то «белые пятна» в истории. Пусть даже то, чем ты занимаешься, не всегда будет твоим выбором.

Так, в 1973 г. мне пришлось неожиданно возглавить экспедицию в зону затопления Усть-Илимской ГЭС, чтобы продолжить раскопки Илимского острога. Я не был специалистом по деревянному зодчеству, был плохо знаком с методикой раскопок, но провести работы требовалось максимально быстро. Среди собранного обширного археологического материала меня особенно поразили православные нательные кресты, обнаруженные на заброшенном илимском кладбище. Художественные особенности этих уникальных артефактов вместе с текстами надписей и молитв, покрывающих кресты, многое рассказали об истории русской православной культуры.

Главную роль в становлении профессиональных интересов любого ученого играет учитель. Для меня таким человеком стал академик А. П. Окладников. Сразу после защиты моей кандидатской по эпохе бронзы он посоветовал мне сделать книгу на основе диссертации и предложил новую тему для исследования – Бараба (Барабинская степь) от момента появления человека до прихода русских. Так областью моих научных интересов на последующие годы стала история населения Сибири от неолита до позднего средневековья.

Демидовская премия была учреждена в 1832 г. известным уральским горно-промышленником и меценатом в П. Н. Демидовым. В 1832–1865 гг. эту награду получили 58 ученых, среди которых химик Д. И. Менделеев, хирург Н. И. Пирогов, путешественник Ф. П. Врангель и др.

Согласно завещанию Демидова, премия присуждалась в течение 25 лет после его смерти. История Демидовских премий возобновилась через 126 лет благодаря инициативе вице-президента РАН Г. А. Месяца и губернатора Свердловской области Э. Э. Росселя, организовавших Демидовский фонд. Премия вручается ежегодно, к денежному вознаграждению (эквиваленту 10–15 тыс. долларов), прилагается малахитовая шкатулка с именной серебряной медалью

В руках у студента Константина Самойлова – только что извлеченный из земли знаменитый «меч каролингов». Выкованный в Германии в XII – начале XIII в., меч был обнаружен в 1975 г. при раскопках памятника эпохи бронзы в Барабинской лесостепи, всего в 400 км от Новосибирска. Третий справа – Вячеслав Молодин, руководитель археологической экспедиции

6

В институте, которым руководил Окладников, у меня с самого начала были уникальные условия для работы: свои планы, свой экспедиционный отряд, машина, деньги на раскопки, хоть и небольшие. Но эта творческая свобода не была бесконтрольной: Алексей Павлович постоянно давал мне очень непростые поручения, связанные с интересами всего института, – такие, как те самые раскопки на Илимском острове.

Позже начались ставшие знаменитыми раскопки памятников древней пазырькской культуры на плато Укок на Горном Алтае, где была открыта целая серия погребальных комплексов, в том числе и нетронутые захоронения, удивительно сохранившиеся благодаря вечной мерзлоте. Занималась этими раскопками экспедиция, работавшая в рамках международной программы, и в 1991–1996 гг. я был ее соруководителем, хотя эта работа лежала вне области моих непосредственных научных интересов.

В 1993 г. Н. В. Полосьмак исследовала курган Ак-Алаха-3, где было найдено богатое погребение с мумией знатной женщины, тело которой было покрыто великолепными татуировками. Позднее журналисты окрестили эту находку «алтайской принцессой». А в 1995 г. посчастливилось и мне. В могильнике Верх-Кальджин-II наш отряд обнаружил непо потревоженное захоронение молодого воина, мумия которого также прекрасно сохранилась. В этом кургане были найдены поразительные предметы, прежде всего роскошная шуба-дубленка.

Замерзшие могилы, где сохранены изделия из дерева, ткани, кожи, меха и войлока, а также мумифицированные останки людей и животных, – это редкая удача для археолога. Попадая в руки ученых, такие предметы дают уникальную информацию, позволяющую на новом уровне реконструировать прошлое, от которого нас отделяют тысячелетия. Этому во многом способствуют и современные исследовательские технологии.

Быть сегодня археологом – это не просто взять лопату, палатку и поехать «в поле» на раскопки. Надо иметь огромный багаж знаний, быть специалистом широкого профиля, чтобы знать, какую совершенно новую информацию можно извлечь из археологических артефактов. Возьмем древнюю керамику – самый массовый археологический материал. Раньше к ней подходили сугубо «механически»: описывали орнамент и форму, искали соответствие тем или иным культурам, а затем делали выводы по аналогии. Сегодня же мы можем, к примеру, изучить состав формовочной массы, определить примеси. Таким образом удастся выяснить место происхождения сырья, а в некоторых случаях даже проследить направление миграций.

При изучении древних артефактов мы сотрудничаем с учеными из самых разных областей, от химиков и физиков до биологов и медиков, чтобы получить как можно больше объективной информации. Современная археология может быть только такой, в противном случае – это краеведение, а не фундаментальная наука.

Так, совместно с Институтом цитологии и генетики СО РАН мы организовали палеогенетическую лабораторию. В России этот метод развит пока слабо, хотя в ряде научных центров уже могут провести палеогенетический анализ. Проблемы начинаются при интерпретации результатов, потому что вся эта генетическая информация имеет смысл лишь в рамках исторического, археологического контекста. Мультидисциплинарный подход в археологии – это не механическое использование методов других наук, а попытка коллективной интерпретации, эффективность которой зависит от умения слушать друг друга, от широты знаний каждого из участников диалога. Мне кажется, ребята из нашей лаборатории этому научились.

Огромное наше преимущество в том, что мы работаем в новосибирском Академгородке. Взаимоотношения между учеными в Сибирском отделении РАН уникальные, и число междисциплинарных проектов постоянно растет. Например, в этом году мы нашли погребушку в виде головы медвежонка – удивительная и трогательная вещь. Более того: она до сих пор «гремит», но что там внутри, мы не знаем. Но скоро узнаем: по договоренности с академиком П. В. Логачевым, директором Института ядерной физики СО РАН, игрушку «просветят», не разрушив уникальное изделие.

Сейчас к нам идут грамотные, интересные молодые люди, которые глубоко интересуются археологией, умеют и хотят работать. Общение с такой молодежью дает силы и вместе с тем понимание, что ты сам еще далеко не все знаешь, что многое – впереди.

Литература

- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
Молодин В. И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000. 189 с.
Молодин В. И. Меч каролингов. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. 144 с.
Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
Молодин В. И. За перевалом Сайлюгем // НАУКА из первых рук. 2011. №2 (38). С. 98–111

А. Г. Толстикова, В. Ю. Афиани
ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА (Часть 2),
Москва, 2017
ISBN 978-5-9909105-2-2

Документально-художественная книга «Четыре портрета» (часть 2) посвящена выдающимся отечественным ученым второй половины XX в.: археологу, академику РАН В. И. Молодину, химикам-органикам, академиком РАН Г. А. Толстикову и И. И. Моисееву, историку-архивисту, профессору С. О. Шмидту. В форме диалога герои книги рассказывают о самых ярких, часто драматических эпизодах своей жизни, связанных с научной деятельностью.

В числе иллюстраций использованы живописные портреты, написанные с персонажей книги ее автором, профессиональным химиком и художником, член-корр. РАН, академиком РАН А. Г. Толстикова. По мнению искусствоведа, академика РАН М. В. Вяжевич, одной из самых удачных работ художника является портрет академика Молодина. При взгляде на него оживают рыцарские образы средневекового искусства с их особой отстраненностью и одновременно «открытостью», что сочетается с ясностью и спокойной простотой в изображении личности

НОВОСИБИРСКИЙ —

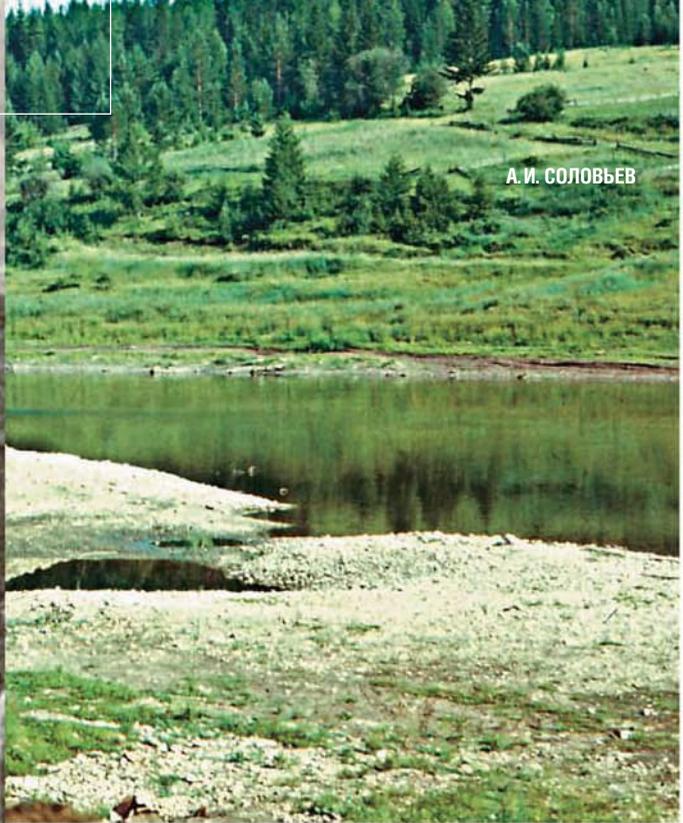
Как известно, даже одно событие или встреча могут серьезно повлиять на цепь всех последующих событий. В студенческие годы они способны заставить сменить ориентиры и, нарушив привычный порядок вещей, резко изменить течение жизни и направить ее в новое русло. Для Александра Соловьева, студента гумфака НГУ, такой точкой поворота стала его первая археологическая экспедиция под руководством «шефа» Вячеслава Молодина

Первый раскоп: еще не ясно, где находился сам Илимский острог. Усть-Илим, 1974 г.

ИЛИМСКИЙ — ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ

А. И. СОЛОВЬЕВ

Май 1974 г. Прошла, пестря флажками и бантами под шелест знамен в тени портретов членов Политбюро, праздничная демонстрация. Затихли звуки торжественных маршей и броских лозунгов о светлом будущем спаянного международной солидарностью рабочего класса. У стен главного корпуса НГУ отшумела традиционная маевка. Сгорели в жарком костре куклы Мирового империализма и душителя свободы Аугусто Пиночета, произнесли свои пламенные и зажигательные речи очаровательные дочери Луиса Корвалана. Студенты, солидарные с народом Чили и другими угнетенными популяциями мира, спели песни Серхио Ортега и проскандировали почти рэповские речевки: «Все на своем пути сметая, придет в Палестину 9 Мая!», «Ударим БАМом империализму!». Отдали долг и Великому Кормчему с его культурной революцией.

Десятое общежитие живет своей жизнью. Из хозблоков ползут дразнящие аппетит ароматы, а из-за прикрытых дверей вместе с песнями Пахмутовой и ливерпульской четверки доносятся жестковатые по тем временам сочинения Градского и гэдээровского «Пудиса». А несколько признанных аудиогуру иногда добавляют к ним тяжелые гитарные рифы будущих монстров рока *Deep Purple*, хоралы *Uriah Heep* или сумрачный баритон Джима Моррисона из *The Doors*.

Пятикурсники слоняются по общежитию, обсуждая перспективы будущего распределения, или носятся по окрестностям в поисках выгодных вариантов (желающих преподавать в сельской школе почему-то немного). За ними внимательно наблюдают четверокурсники и самые продвинутые представители третьего курса.

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Участвовал в археологических работах в Горном Алтае, Обь-Иртышской лесостепи, Приобье, Приангарье. Автор и соавтор более 120 научных статей и 8 монографий

Ключевые слова: экспедиция, раскопки, лагерь, Илимский острог, начальник отряда, команда.

Key words: expedition, field works, camp, Ilim fortress, head of the team, company

© А. И. Соловьев, 2018

Они впитывают информацию, примеряя на себя наиболее предпочтительные варианты, которые позволяют ускользнуть или, по крайней мере, ослабить крепость объятий народного образования. В этом жизненно определяющем деле лучше всего чувствуют себя те, кто специализируется по истории партии – в них могут нуждаться местные, районные, заводские и прочие рабочие комитеты. Вся остальная студенческая масса пока только учится...

В учебных корпусах отзвучали последние лекции. В аудиториях непривычная тишина. Луч солнца падает на белый листок приказа, гласящего, что для прохождения археологической практики студенческие группы прикрепят к отрядам Северо-Азиатской комплексной экспедиции под руководством сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР: м. н. с. В. В. Бурилова, ст. лаб. Д. Ю. Березина и м. н. с. В. И. Молодина.

Две первых фамилии в среде гумфака были на слуху: с этими выпускниками НГУ студенты уже неоднократно ездили в поле. Валерий Васильевич Бурилов, крепкий и широкоплечий, был завзятым полевиком, с натурой широкой и вольной, как река Ангара, где работал его отряд. Дмитрий Березин – парень интеллигентного облика, был потомком известной морской династии и обладал легким характером, стальными мускулами и добрым чувством юмора. А вот третий «начальник» был студентам незнаком.

Наш строгий декан отправил меня в «вольное плавание», дав совет самому определиться, куда и с кем ехать. И здесь уже особых колебаний не было. Ну конечно же, Илимский острог – тот самый, где пребывал в ссылке А. Н. Радищев, «бунтовщик, хуже Пугачева». Да и сам острог – небольшая приграничная сторожевая крепость – мог оказаться сродни форпостам Древней Руси, что было бы весьма интересно. В библиотеке отыскалось несколько старых фотографий высоких квадратных бревенчатых башен под четырехскатными крышами с двуглавыми орлами, арками проездных ворот и частями покосившегося чостокола. К тому моменту, когда я узнал, что Вячеслав Молодин – талантливый, целеустремленный выпускник педагогического института, только что с блеском закончил аспирантуру и осенью выходит на защиту, я уже твердо знал, кто будет моим начальником в экспедиции. На мое счастье, все доброе, что я услышал о нем, полностью подтвердилось в дальнейшем.

Надо сказать, в те времена я не особенно представлял свою будущую специализацию, но менее всего для меня она высвечивалась в русле археологии: детское увлечение древностями осталось где-то далеко, в тех самых городах, куда, как известно, и «уходит детство».

Впереди – Илим

Настало лето, и вот она, моя первая археологическая экспедиция. Позади «живое» знакомство с начальником, инструктаж, перелет в Красноярск и далее, в Железногорск. Ночевка на куче вещей в центре небольшого здания местного аэровокзальчика, долгое, в течение суток ожидание автотранспорта, который должен был забросить нас к месту работ, длинная и утомительная поездка на автобусе ЛАЗ. Несмотря на открытые люки, дружный и очень хороший хор девушек, жара в салоне и резкие толчки на ухабах сводили на нет все прелести открывавшегося пейзажа.

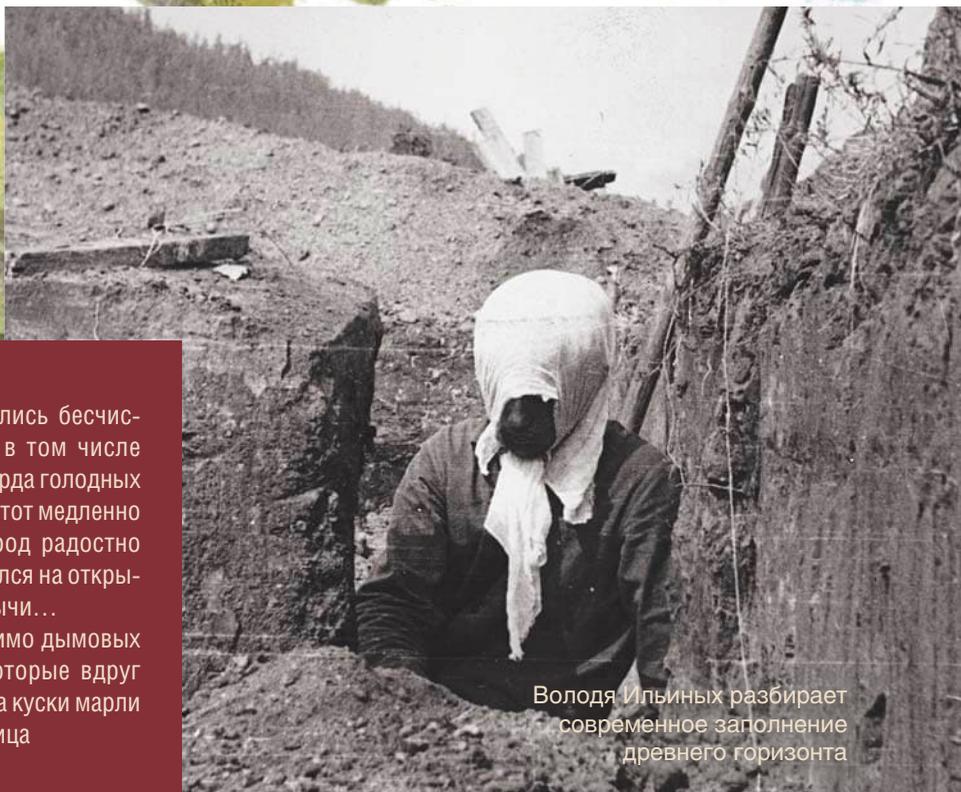

Но вот, когда мы уже привыкли к почти что морской болтанке, автобус довольно резко остановился. И когда осела волна дорожной пыли, стало ясно, что путешествию пришел конец. Быстро и бестолково выбрасываем свои тощие рюкзаки, пару коробок тушенки, ящик со специями, пищевыми концентратами и продуктами на первый случай, а также экспедиционное барахло: выдавшие виды палатки и спальники, потрепанные брезенты, лопаты, по большей части без черенков, выючный ящик с канцелярией и мелким шанцевым инструментом, пару неизвестно чем заполненных баулов и сверток бурой крафтовой бумаги. Автобус, утробно рыкнув и выбросив сизое облачко дыма, бодро укатил прочь.

Непривычная тишина, нарушаемая лишь шорохом легкого ветра да стрекотом насекомых, опустилась на маленький отряд. Мы стояли на обочине пыльной

грунтовой дороги, тянувшейся по обширной долине вдоль гор, покрытых хвойным лесом. С той стороны, откуда мы приехали, смутно виднелись перила какого-то древнего бревенчатого моста, а в другом направлении проселок, взбегая на пологий склон, терялся на взлобке дальней вершины. С правой стороны от дороги поднимался горный склон, а слева виднелось обширное, поросшее травой поле, которое вдали замыкалось еще одной цепочкой пологих гор.

Ограниченность пространства, пределы которого были гораздо ближе привычной для жителя равнин линии горизонта, вызвала странное ощущение. Казалось, мы стремительно, словно в ловчую яму, провалились в иной, крохотный и замкнутый мир, очень далекий от того, что ушел от нас вместе с автобусом, запахом бензина и машинного масла.

Володя Ипных разбирает современное заполнение древнего горизонта

В дебрях растительности размножились бесчисленные поколения членистоногих, в том числе и «волки» насекомого мира – густая орда голодных кровопийц. И когда пробил час, весь этот медленно чахнувший без пищи крылатый сброд радостно взмыл вверх и в безумной давке ринулся на открытые участки тел своей законной добычи... Спасаться от мошки и комаров, помимо дымовых костров, помогали черные очки, которые вдруг приобрели заметную популярность, да куски марли и головные платки, надвинутые на лица

Наш лагерь – вид со стороны дороги. Усть-Илим, 1974 г.

Никаких башен вокруг не было видно. Только буйство бурьяна, лебеды, пушицы и полыни вперемежку с островами конопли и крапивы. Между тем пора было искать место для лагеря. Повинуясь команде, мы врезались в царство флоры. Не прошло и пары минут, как все скрылось в вихре пыльцы и разнокалиберных и ужасно кусачих насекомых, которые с яростью саблезубого тигра вцепились в нежданных «гостей». Добравшись до островков конопли и крапивы, мы обнаружили, что их плотные стебли окружают обугленные руины разрушенных строений. Пожар уничтожил кровли и стены, оставив лишь металлическое и трудновоспламеняемое барахло, которое не стали спасать хозяева: спутанная проволока, дырявые и мятые ведра, расколотые чугунные плиты, сковородки, ухваты и много еще чего из остатков скарба сельского жителя.

Здесь когда-то стоял поселок, жители которого были переселены из зоны затопления будущей Усть-Илимской ГЭС, а жилые и хозяйственные строения, как это не раз случалось в лихие исторические години, были «преданы огню». Всю его территорию

вместе с руинами тут же освоила прыткая растительность, жадно пускающая корни на любом свободном клочке земли.

Но вот трава расступилась, и показалась небольшая прогалина, за ней угадывался обрыв, под которым искрилась река. Свежий ветерок, потянувший снизу, понемногу сдувал крылатую голодную рать. Старшие товарищи быстро соорудили костер, бросили в него травы, и спасительный густой горький белый дым растекся над пространством. Практикантов отправили собирать горючий материал, а сами «старики» вместе с начальником стали разбивать лагерь, искать удобный спуск к реке, организовывать на берегу место для кухонного костра и «пищблока». Найденные скамейка да пара досок, уложенных поверх чурок, стали на все последующее время нашим столовым гарнитуром.

В маленькой двухместной палатке были устроены хозблок и камералка. В трех шестиместных разместились: девическая и мужская половина студентов НГУ, а также старшие коллеги и наставники, студенты Новосибирского пединститута, которые уже не раз бывали

в экспедиции вместе с руководителем. Нам предложили бросить поверх травы на дне палаток какие-нибудь доски, чтобы не спать на голой земле и чтобы не отсырели спальные мешки, собрать которых могли служить еще казакам В. К. Арсеньева во время их странствий по дебрям Уссурийской тайги. Девушкам, разумеется, жилые апартаменты были предоставлены уже в готовом виде.

Друзья-товарищи

Женская часть нашего отряда состояла из Натальи Полосьмак, Марины Кузнецовой, которую с легкой руки начальника стали называть Мусей; Ольги Старцевой, Любы Фадеевой, Галины Тумуровой, Ларисы Гласковой и Али Медведевой. Аля вскоре вызвалась постоянно дежурить

Члены Илимского экспедиционного отряда, студенты НГУ: *первый ряд* – Лариса Гласкова, Наталья Полосьмак, Марина Кузнецова, Люба Фадеева, Аля Медведева; *второй ряд* – Володя Догаев, Володя Ильиных, Саша Соловьев, Володя Голобоких, Ольга Старцева и Галина Тумурова

Сильная половина практикантов из НГУ: Владимир Ильиных, Владимир Догаев, Владимир Голобоких, Александр Соловьев, Виктор Добжанский. Усть-Илим, 1974 г.

на кухне, избавив подруг от не самой светлой сферы полевой практики, а всех членов отряда от пищевых экспериментов неопытных коллег.

Обитателями нашей студенческой палатки стали пятеро. Владимир Догаев, бывший пограничник с несколькими вальяжными манерами и хорошо поставленным голосом (впоследствии он стал заметным в Новосибирске театральным деятелем), работал без особого огонька, но в критической ситуации проявлял себя с самой лучшей стороны. Владимир Голобоких (тогда «элитный» житель Академгородка, а ныне гражданин США) незадолго до этого перевелся на гуманитарный факультет с экономического. Доказывая преимущество политэкономии над заурядной историей, а тем более археологией, он иногда извлекал из недр сумки толстенный том «Капитала» Маркса. Полной ему противоположностью был Владимир Ильиных (ныне доктор исторических наук), родом из Краснозерского района, кипучая энергия которого постоянно требовала выхода.

И, наконец, Виктор Добжанский, будущий профессор Кемеровского госуниверситета, который был

фактически ровесником нашему начальнику и грезил русской и славянской археологией. Несмотря на внешнюю суровость, он оказался удивительно светлым, добрым и отзывчивым человеком.

«Старики» – студенты истфака пединститута – были фактически первым составом Новосибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции, временно переименованного в связи с работами в зоне затопления в Илимский. Александр Арапов, очень хозяйственный и мастеровитый, среди друзей был известен как Шура Таежник. Александр Липатов, от которого исходило ощущение доброты, надежности и силы и который вполне мог найти свое место в кино, в каком-нибудь сериале из истории Древнего Рима или Древней Руси. Прекрасный музыкант, он на своем неизменном баяне сходу мог подобрать аккомпанемент к любой песне, так тепло и душевно звучавшей у костра. Виктор Корякин, крепкий и очень лиричный, был из тех людей, которых любят дети и животные. Очень приятный в общении студент Сергей Тихонов, отвечавший за снабжение нашего отряда, показал себя прекрасным дипломатом.

К «старичкам» относилась и Надюша Нечипуренко (Липатова) – тонкая, стройная девушка с мягкими чертами лица и тугим узлом волос на затылке. Очень доброжелательная, с легким характером и всегда готовая рассмеяться, она могла при случае твердо настоять

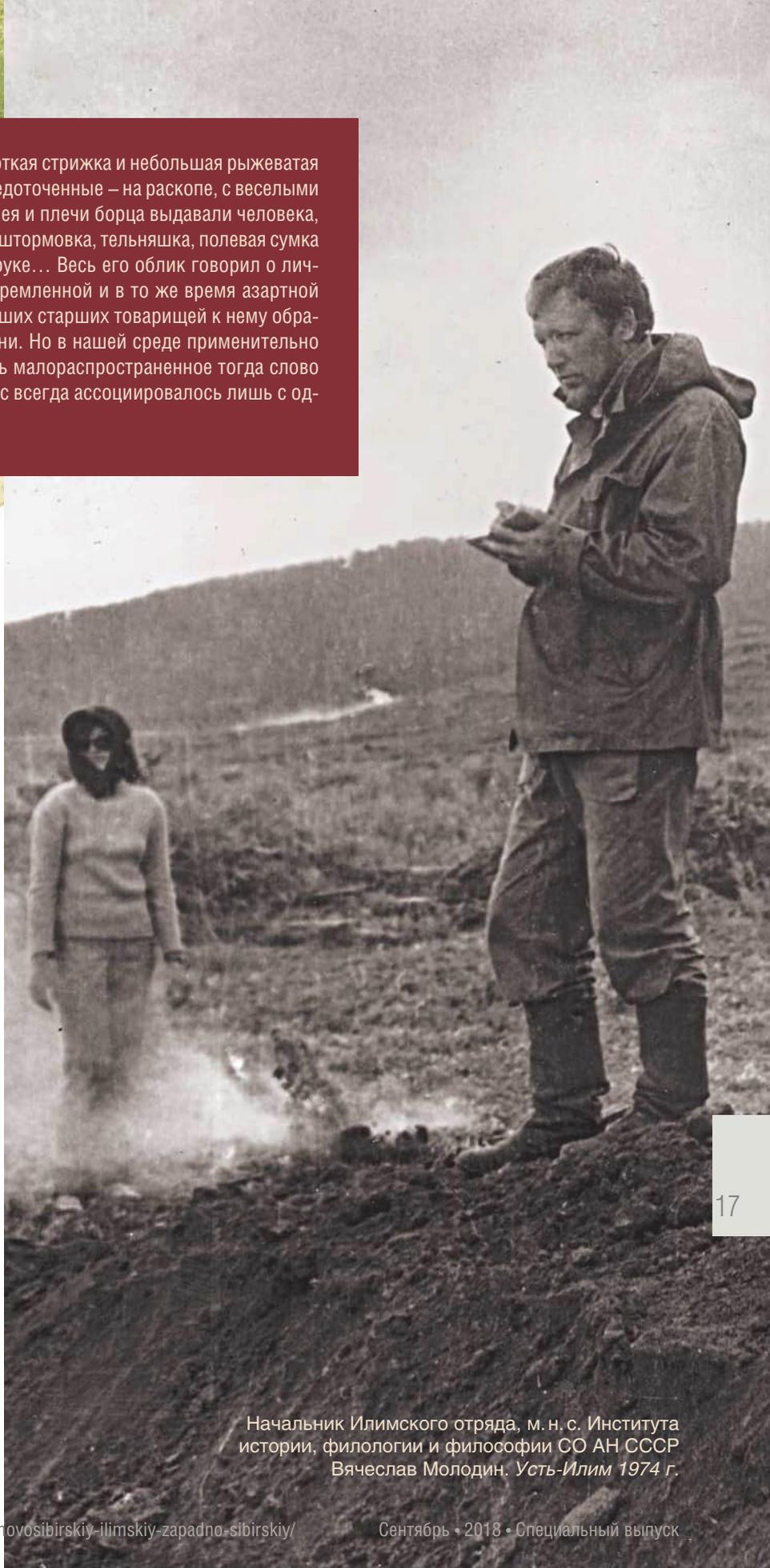
Начальник – Вячеслав Молодин. Короткая стрижка и небольшая рыжеватая борода, серые глаза, строгие и сосредоточенные – на раскопе, с веселыми и озорными искорками – в лагере. Шея и плечи борца выдавали человека, отдавшего свой долг спорту. Зеленая штормовка, тельняшка, полевая сумка через плечо, дневник и карандаш в руке... Весь его облик говорил о личности, безусловно, волевой, целеустремленной и в то же время азартной и увлекающейся. В кругу друзей и наших старших товарищей к нему обращались по-дружески, просто по имени. Но в нашей среде применительно к начальнику как-то сразу прижилось малораспространенное тогда слово «шеф», которое с тех самых пор у нас всегда ассоциировалось лишь с одним-единственным человеком

на своем. Закончив институт с красным дипломом, она посвятила себя преподаванию в школе, и еще не раз в будущем ее ученики приезжали к нам в экспедицию. Надя прекрасно пела и была одним из авторов ставшей популярной среди археологов песни «Шумят березы тихо над раскопами». Вечерами у костра мы часто слышали замечательное трио Нади, нашего начальника и Александра в сопровождении бессменного баяна.

Магия «поля»

Во время краткого инструктажа мы узнали, что единственная сохранившаяся Спасская башня острога в прошлом году была разобрана и увезена, поэтому точной привязки к искомому объекту пока нет. Затем мы получили шанцевый инструмент, к заметной части которого были только что приделаны разнокалиберные рукояти, и, дабы не терять зря время, были направлены на место будущих раскопок, где уже начинались работы.

Отыскать раскоп оказалось несложно. На него указывало медленно плывшее над травой белое облако дыма, испускаемое кострами по периметру вскрываемой площади. Внутри двигались фигуры с лопатами, медленно, сантиметр за сантиметром, срезая тонкие пласты грунта, которые после просмотра удалялись. До сих пор попадалась

Начальник Илимского отряда, м. н. с. Института истории, филологии и философии СО АН СССР Вячеслав Молодин. Усть-Илим 1974 г.

Светловолосая Марина Кузнецова, которую вскоре с легкой руки начальника стали называть Мусей, и ее подруга Наталья Полосьмак в полном защитном облачении.
Справа: подарок Шефу – букет цветов

18

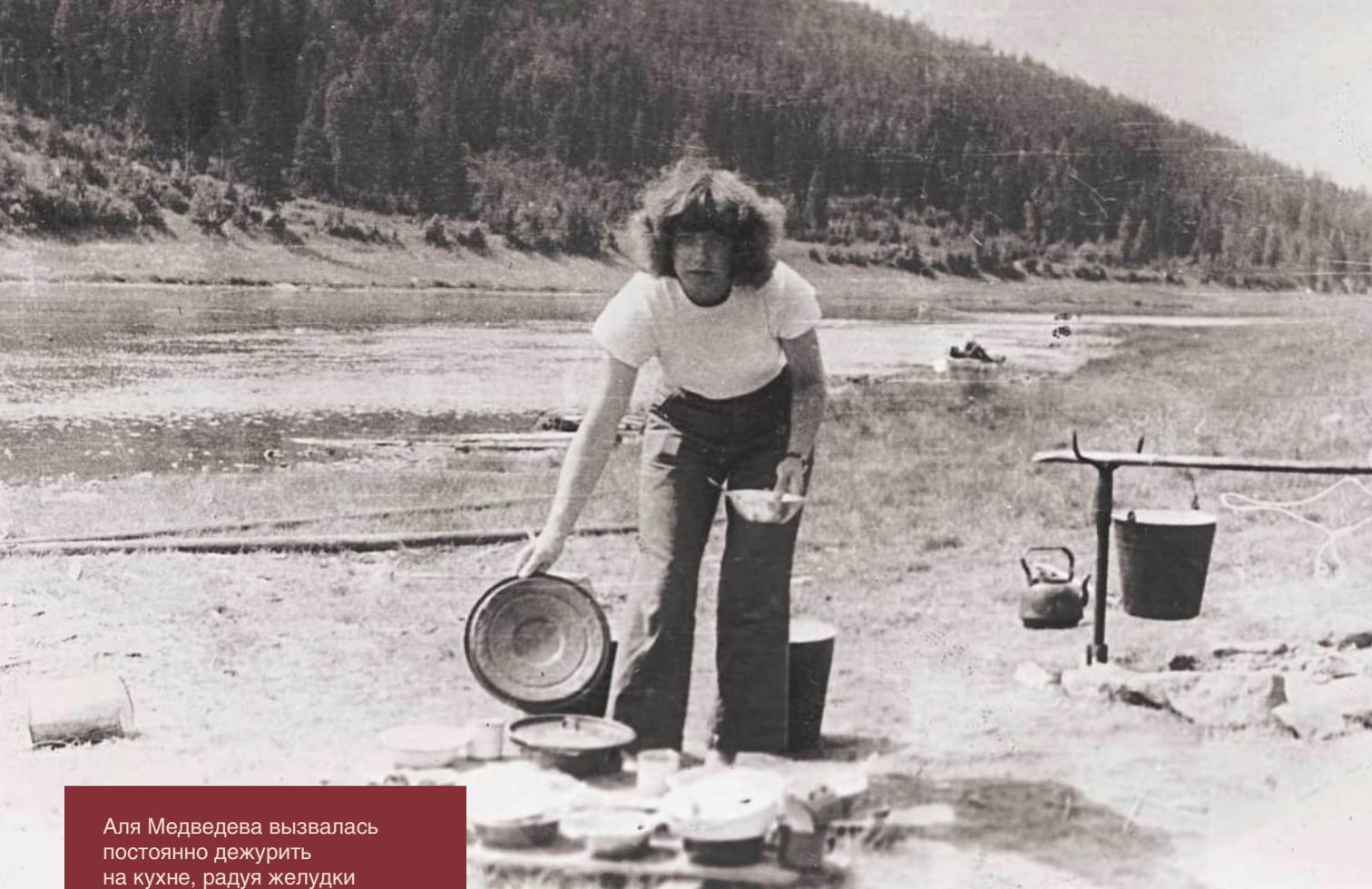

всякая мелочь: гвозди, фрагменты битой посуды, осколки чугунок... Правда, среди находок была и пара монет с двуглавыми орлами, что возбуждало любопытство.

На раскопе с двумя деревянными портновскими линейками и строительным уровнем появилась Надя, которой ассистировал Володя Ильных. По одной линейке выставляли уровень, а другой измеряли расстояние от ее конца до находки. Надя громко озвучивала непонятную тогда для нас цифирь в сопровождении таких же непонятных комментариев. Они же натягивали рулетки к находкам от стенок раскопа или крестообразной стенки, рассекавшей на квадраты вскрываемую площадку, и тоже при этом называли цифири. Шеф, стоявший на краю раскопа, все эти данные записывал и что-то рисовал на большом куске миллиметровки.

Между тем стали неотвратимо проявляться последствия гудящей атаки, которую по дороге к раскопу вновь обрушили на нас крылатые аборигены. Глаза начали превращаться в узкие щели, лица полнеть от впрыснутого яда, приобретая явные монголоидные

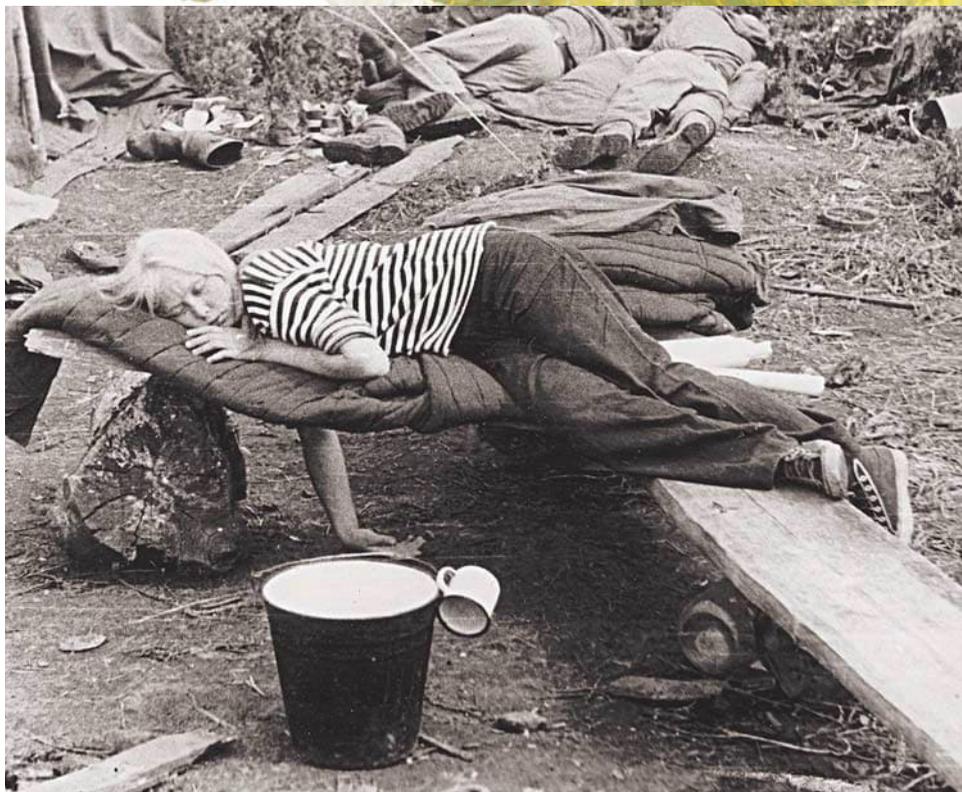

Аля Медведева вызвалась постоянно дежурить на кухне, радуя желудки экспедиционников.
Усть-Илим, 1974 г.

Летний зной гнал из палаток,
в полдень сон опускался
на лагерь

черты. Положение дел исправили пляжные очки, да куски марли и головные платки, надвинутые на лица. Впрочем, понемногу мы перестали обращать внимание на мошку и комаров, а вскоре и совсем забыли об их существовании.

Когда все манипуляции с измерительными инструментами были окончены, Шеф распорядился вынести кусок разбитой плиты, лежавшей в раскопе. Мы потянули за край, перевернули ее, и... На гладкой поверхности показалась забитая землей славянская вязь «Лета... года скончался сын подканцеляриста Никифора...», которая обрывалась изломом. Ниже были заметны фрагменты еще нескольких слов, одно из которых можно было истолковать как «погробен».

Шеф объяснил, что мы нашли надмогильную плиту и вышли на участок острога, который, как оказалось, прилегал к часовне XVII в. Но ни часовни, ни погоста на схематичном плане, скопированном из чертежных книг того времени, обозначено не было. Определить расположение воеводского дома, найти который было одной из целей нашей экспедиции, все еще было невозможно. Азарт поиска быстро нарастал...

Потом были разбиты еще раскопы, в которых найдены дом с подклетью, остатки часовни, участки кладбища. Под проселочной дорогой была обнаружена солидная труба из лиственничных бревен, закрепленных вокруг квадратных рам, с забутованными глиной и щебнем щелями. Но все эти находки по-прежнему не давали возможности сделать привязку к схематичному плану: неуловимый острог и воеводский дом продолжали ускользать от археологов...

Наконец, после унылого и затяжного дождя мы с Виктором Добжанским набрали на участок осевшего берегового обрыва, из которого торчало несколько крупных бревен. Так была обнаружена часть внешней стены, за которой скрывался фундамент башни. Далее были раскопки, разбор стянутых прочной мерзлотой слоев щепы, строительного мусора и перегородя, который

Вот они – стены Илимского острога,
за ними – фундамент башни

оттаивал зелеными лужицами, освежая атмосферу крепким запахом скотного двора.

Затем была найдена еще одна труба, меньшего диаметра, устье которой вышло в бревенчатый отсек между башней и стеной. Была «умелая» работа Саши Арапова, в результате которой из недр трубы излился могучий поток желто-зеленой влаги, накопленной за столетия в подземных резервуарах и быстро заполнившей расчищенный отсек. Было и полное риска подземное «путешествие» нашего Шефа по жерлу большой трубы. Не каждый бы рискнул на это далеко не простое и безопасное мероприятие – нас мороз продрал по коже, когда из темных глубин ее утробы донесся его голос, далекий и потусторонний.

Были и походы на скалу Радищева. И, конечно же, увлекательные беседы и душевные песни у костра под темным, бездонным илимским небом, с искрами, взлетающими к россыпи звезд... И добрые отношения между людьми, которых так не хватало в том далеком городском мире.

Эта магия поиска, радость открытий, а главное, дружба и тепло человеческого общения, которые разливались в отряде, ставшем в то время для меня почти что второй семьей, и стали главной причиной, что привела меня в конце концов в археологию. Положа руку на сердце, могу сказать, что именно эта удивительная и неповторимая атмосфера отряда влекла меня несравненно больше и была намного важнее, чем какие-то личные научные достижения.

Дух Илимского отряда

А дальше были раскопки средневековых памятников и поселений эпохи бронзы в Коченевском районе Новосибирской области, тагарских курганов в Хакасии, стоянок каменного века в Кузбассе, палеолитических памятников афанасьевских некрополей на Алтае, ставшей впоследствии такой знаменитой Денисовой пещеры в долине Ануя... А также средневековых погребений и поселений в Обь-Иртышье и на Ангаре, в Барабинской лесостепи и Приобье, «мерзлотных» курганов пазырыкской культуры, о которых мне в детстве рассказывала мама, на плато Укок и городских центров в Японии... Новосибирский археологический отряд незаметно стал Западно-Сибирским. Ушел в свой поход по жизни его первый состав, команда менялась, но в ней по-прежнему витал дух удивительного времени того самого, незабвенного Илимского отряда.

На следующий полевой сезон для продолжения работ на Илеме наш Шеф получил машину, а вместе с ней приобрел замечательного водителя и своего, наверное, самого большого и верного друга Олега Сентябова, который с тех самых пор стал бессменным спутником во всех его экспедиционных странствиях и, вместе с Шефом, своего рода лицом Западно-Сибирского отряда. Вместе со «стариками» поехали на Илим и студенты нашей маленькой университетской команды: Виктор Добжанский и Наталья Полосьмак, будущий член-корр., которая разделила с нашим Шефом весь его дальнейший жизненный путь. Тогда же в состав отряда влилась студентка пединститута Людмила Лаптева (с 1977 г. – Мыльникова). Именно они на многие последующие годы стали основой отряда, а д. и. н. Л. Н. Мыльникова и сейчас – «правая рука» академика Молодина в его экспедиционных исследованиях.

С высоты минувших лет становится ясно, что жизненным стержнем, вокруг которого объединялись люди и благодаря которому до сих пор существует Западно-Сибирский отряд, был наш Шеф – Вячеслав Иванович Молодин, деливший с нами все радости и тяготы экспедиционной жизни. Именно с ним, в бытность его аспирантом, ездили до конца учебы в вузе ребята первого состава. Именно он незаметно заложил тот дух коллективизма, равенства и взаимовыручки, который мы захватили на нашей илимской практике и который живой нитью протянулся через все десятилетия экспедиционной жизни отряда.

Одной из ярких черт нашего начальника была широта интересов. Соответственно деятельность его отряда была связана с научным поиском в самых разных областях, буквально от палеолита до этнографии

Слева вверху: завершение сезона на памятнике Сопка-2.

Слева направо: Галина Галямина, Владимир Чибиряк, Елена Шумакова, Марина Чемякина, Дмитрий Березин, Ольга Новикова, В. И. Молодин, Олег Сентябов, лайка Илим, спаниель Пит. Венгеровский район, Новосибирская область, 1985 г.

Вверху: В. И. Молодин и В. В. Бобров обсуждают проблемы стратиграфии на палеолитической стоянке Шестаково. Кемеровская область, 1977 г.

Справа: на раскопках погребений пазырыкской культуры. Плато Укок, Горный Алтай, 1993 г.

Одной из ярких черт нашего начальника была широта интересов. Соответственно деятельность его отряда была связана с научным поиском в самых разных областях, буквально от палеолита до этнографии. Еще на Илиме, бродя среди развалин заброшенного поселка, мы собирали этнографический материал русского населения Приангарья, относившийся к быту конца XIX – начала XX в. Именно отсюда Шеф привез в музей института великолепную деревянную скульптуру Иисуса Христа.*

Везде, где разбивал свой лагерь отряд В. И. Молодина, он проводил мониторинг окрестностей и всех известных археологических памятников, поиск, а по возможности и исследование новых объектов исторического наследия. При этом Шеф никогда не учил нас специально, не читал нам тематических лекций (на моей памяти такое было всего пару раз), но всегда терпеливо и подробно отвечал на все вопросы, невзирая на степень их дилетантизма. Он сразу же доверял нам самостоятельную работу на объектах. И надо сказать, что сам В. И. никогда не пренебрегал голосами «снизу»: он всегда

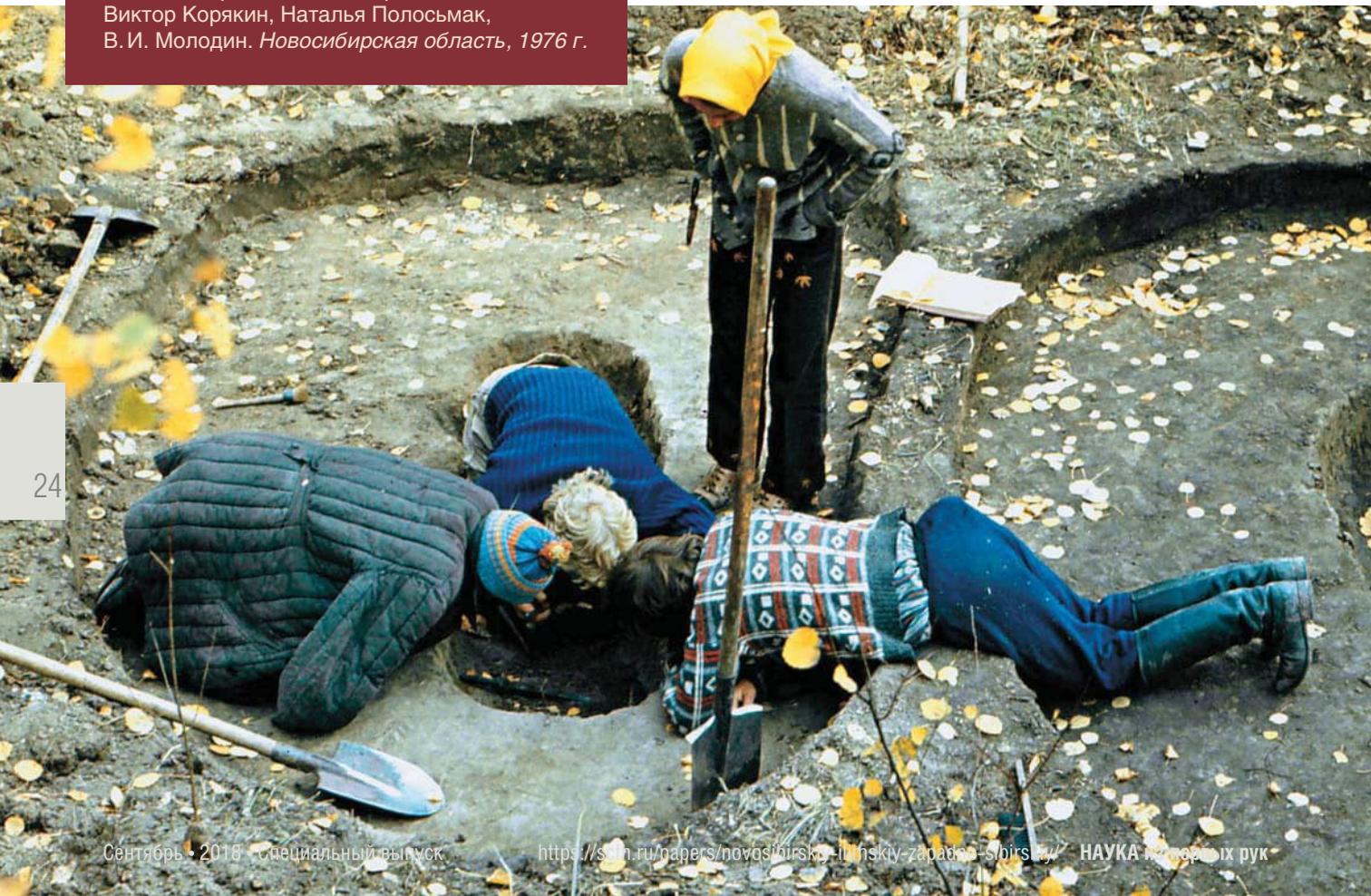
вслушивал мнение «народа» и пробовал найти в нем зерно истины и рационализма.

Мы учились в общении с ним, впитывая информацию, которая затем всплывала при решении загадок, часто преподносившихся раскопками, при обсуждении стратегии и методики исследования, анализе полученного материала, при встречах и беседах с известными специалистами самого высокого научного уровня, с которыми сводила нашего начальника экспедиционная жизнь и исследовательская деятельность, от академика А. П. Деревянко и других выдающихся российских исследователей и заканчивая учеными Японии, Кореи, США и Германии.

Наш начальник всегда был очень увлеченным человеком. Археология как наука, неотъемлемой частью которой являются экспедиции, стала, без обиняков, его настоящей жизнью. И во времена нашего студенчества, и многие годы спустя мы не возвращались из поля раньше начала ноября. Если уже было затруднительно копать, занимались разведкой, благо трава в это время жухла и ложилась, и все затянутые ею памятники ре-

Один из самых интересных памятников эпохи позднего средневековья – Кыштовка-2. У «окна в прошлое»: Виктор Добжанский, Виктор Корякин, Наталья Полосьмак, В. И. Молодин. Новосибирская область, 1976 г.

* Подробности этой удивительной находки ищите в книге В. И. Молодина «Меч Каролингов» (Новосибирск: Инфолио-Пресс, 2006)

Дорога, которая шла через острог, мало изменилась за последние века. После дождя она была доступна лишь конному да пешему. На фото: Марина Кузнецова, В. И. Молодин, Виктор Корякин.

Справа внизу: одна из последних находок. Бараба, Венгеровский р-н, 2018 г.

льефно выступали над поверхностью земли. В ту пору Шеф умел создать такой душевный подъем и творческий порыв, что объем проводимых работ и сейчас вызывает у меня удивление. В такие моменты даже водители, у которых и своих забот было полно, вместе с археологами хватались за лопату.

За минувшие десятилетия сменилось несколько поколений членов нашего экспедиционного отряда. Через его ряды прошла не только целая плеяда специалистов, но и люди, чья жизнь не была связана с наукой, но которые в течение нескольких лет посвящали не один свой день непростым экспедиционным будням. И все, кто побывал у В. И. в поле (это подтверждается личными впечатлениями от встреч, уже спустя годы), сохранили в душе добрую память и заряд творческой, живой энергии вместе с частичкой тепла от огня, зажженного в те далекие времена аспирантом Вячеславом Молодиным. Огня, который горит до сих пор.

Литература

Молодин В.И. *Древнее искусство Западной Сибири*. Новосибирск: Наука, 1992. 192 с.

Молодин В.И., Савинов Д.Г. Елагин В.С. и др. *Бараба в тюркское время*. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.

Молодин В.И. *Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия*. Новосибирск: ИНФОЛИО-Пресс, 2000. 189 с.

В публикации использованы фото из архива автора и рисунки Лены Шумаковой

«Раскопки» в чистой зоне,

Не секрет, что в современной науке много нового и перспективного рождается на стыке разных направлений. Междисциплинарный подход, объединяя далекие научные дисциплины, дает удивительные результаты, благодаря чему даже, казалось бы, всесторонне исследованный объект может вдруг заиграть новыми красками. И спустя время научное сообщество начинает воспринимать новый научный «тандем» уже как нечто естественное и даже очевидное. Одним из таких ярких примеров является палеогенетика – область науки, не так давно родившаяся на стыке молодой, бурно развивающейся молекулярной генетики и классической археологии, история которой насчитывает не одно столетие

ПИЛИПЕНКО Александр Сергеевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий межинститутским сектором молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН (Новосибирск), старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета. Автор и соавтор более 70 научных работ

Ключевые слова: палеогенетика, древняя ДНК, древние популяции человека, генофонд, митохондриальная ДНК, Y-хромосома, миграции, анализ степени родства индивидов, новосибирский Академгородок, ИЦиГ СО РАН, ИАЭТ СО РАН.
Key words: paleogenetics, ancient DNA, ancient human populations, gene pool, mitochondrial DNA, Y-chromosome, migrations, kinship analysis, Akademgorodok (Novosibirsk), ICG SB RAS, IAET SB RAS

или

Палеогенетика

В Новосибирском Академгородке

Название дисциплины говорит само за себя: объектом исследования *палеогенетики* является «древняя» ДНК, сохраняющаяся в биологических останках разного возраста. Одно из последних выдающихся достижений в этой области – открытие нового подвида древних людей, сделанное на основе анализа ископаемых останков возрастом около 50 тыс. лет, обнаруженных в Денисовой пещере на Горном Алтае. Но путь нового междисциплинарного научного направления к таким сенсациям был непростым, хотя и относительно недолгим.

Первые успешные работы по получению и анализу структуры древней ДНК из останков вымерших животных и египетской мумии вызвали настоящий взрыв интереса не только в научном сообществе, но и во всем мире (Higuchi *et al.*, 1984; Paabo *et al.*, 1985). В последующие несколько лет палеогенетики исследовали самые разные объекты, от останков не так давно умерших известных личностей и вымерших животных из музейных коллекций до окаменелых костей динозавров и насекомых из янтаря возрастом десятки миллионов лет.

Палеогенетик Александр Пилипенко осваивает археологическую науку.
Венгеровский район,
Новосибирская обл., 2009 г.

© А. С. Пилипенко, 2018

Однако эта волна оптимизма быстро сменилась горьким разочарованием, когда стал очевиден масштаб проблемы загрязнения древней ДНК современной, не говоря уже о ее деградации с течением времени, в результате чего даже в самых благоприятных условиях ДНК не может сохраняться дольше миллиона лет. Многие открытия были «закрыты» или подвергнуты жесткой критике, а самой палеогенетике на протяжении большей части 1990-х гг. пришлось всеми силами доказывать свое право на существование. И лишь создание четкой системы критериев достоверности полученных результатов, включающих оценку степени деградации древней ДНК, введение ряда строгих мер по предотвращению загрязнения образцов ДНК из ископаемого материала на всех этапах работы, начиная от момента обнаружения, а также усовершенствование технологии подготовки образцов для секвенирования позволили палеогенетике уже в нашем веке буквально родиться заново как полноценной науке с хорошим методологическим заделом.

Первые шаги палеогенетики в Сибири

История становления палеогенетических исследований в новосибирском Академгородке началась с исследования мумий. Когда в середине 1990-х гг. на горном плато Укок были обнаружены погребальные комплексы пазырыкской культуры, где в вечной мерзлоте прекрасно сохранились не только ткани и изделия из кожи и дерева, но и тела погребенных, руководство Института археологии и этнографии СО РАН приняло решение провести максимально широкое изучение уникальных находок с использованием всех доступных на тот момент методов естественных наук.

Так, в результате сотрудничества археологов из Института археологии и этнографии СО РАН и молекулярных генетиков из Института цитологии и генетики СО РАН в ходе реализации Международной программы комплексных исследований «Пазырык» в середине 1990-х гг. состоялось первое палеогенетическое исследование, в результате которого из мягких тканей пазырыкских мумий была выделена митохондриальная ДНК. Куратором и научным руководителем этих исследований со стороны ИАЭТ СО РАН стал академик В. И. Молодин, который вместе с Н. В. Полосьмак был одним из главных авторов открытия уникальных погребений. Со стороны ИЦИГ СО РАН работала группа под руководством М. И. Воеводы и А. Г. Ромашенко.

Вечная мерзлота на плато Укок обеспечила исключительную сохранность древней ДНК из мумифицированных останков. Но для дальнейших работ нужно было освоить палеогенетический анализ гораздо более

Большая часть материалов в палеоантропологических коллекциях представлена костными останками, из них наиболее пригодными для проведения молекулярно-генетического анализа признаются зубы и длинные кости конечностей. Очень высокая сохранность ДНК характерна для пирамиды височной кости черепа. Останки мягких тканей и волосы лишь изредка сохраняются в особенно благоприятных условиях среды (в мерзлоте, очень сухом климате), поэтому неудивительно, что именно мумии первоначально привлекали внимание палеогенетиков. Сейчас мягкие ткани, в отличие от костей и волос, не считают хорошими источниками для выделения древней ДНК

массового, но намного менее сохранного (в отношении ДНК) материала – ископаемых костных (скелетных) останков, что требовало освоения сложных молекулярно-генетических методов и создания особых условий для работы. Однако отсутствие соответствующей материально-технической базы в конце 1990-х – начале 2000-х гг. существенно задержало развитие палеогенетики в Новосибирске, как и в других научных центрах России, где такие попытки предпринимались.

В 2006 г. международная российско-германско-монгольская экспедиция, руководителем которой с российской стороны был академик Молодин, обнаружила и исследовала на территории Монгольского Алтая новые «замерзшие» пазырыкские погребения. Именно это открытие, получившее широкий резонанс, во многом послужило поводом для реконструкции палеогенетической инфраструктуры ИЦИГ СО РАН, и центральную роль в этом вновь сыграл В. И. Молодин, все эти годы неустанно доказывавший перспективность развития отечественной палеогенетики.

В результате в 2009 г. в новосибирском Академгородке появилась специализированная лаборатория палеогенетических исследований, которая силами двух институтов, ИЦИГ и ИАЭТ, выросла в *межинститутский сектор молекулярной палеогенетики* – хорошо оснащенное современным приборным парком научное подразделение. Одновременно сформировалась и команда молодых палеогенетиков, археологов и антропологов, исследования которых полностью сконцентрировались на анализе древней ДНК: мировой опыт убедительно показал, что из-за очень жестких требований к условиям проведения палеогенетических работ их невозможно совмещать с другими генетическими исследованиями.

Муницифицированное тело женщины из «замерзшего» погребения пазырыкской культуры. Горный Алтай, курган 1 могильника Ак-Алаха 3

Реконструкция женского костюма из могильника Ак-Алаха 3. Рис. Д. Позднякова

Первым объектом исследования палеогенетики в мире стала ДНК из мягких тканей египетской мумии, а в Сибири – пазырыкской

Барабинская «бронза»

Уже в 2010 г. вышла статья, посвященная результатам молекулярно-генетического анализа «монгольских» пазырыкцев, которая стала первой отечественной публикацией по палеогенетике в авторитетном международном журнале (Pilipenko *et al.*, 2010). Одновременно новосибирские исследователи учились анализировать большие серии образцов древней ДНК, что позволяло изучать древние популяции, а не отдельных индивидов. В результате удалось подойти к реализации

давней мечты – анализу *диахронного материала*, т.е. полученного от групп древнего населения, которые последовательно сменяли друг друга на одной и той же территории. Таким образом можно непосредственно проследить, как менялся генетический состав населения со временем.

Я пришел в ИЦиГ СО РАН в качестве студента-дипломника как раз в то время, когда группа палеогенетиков работала над освоением методов получения и анализа ДНК из костных антропологических материалов. Моя дипломная работа, выполненная в 2004–2006 гг.,

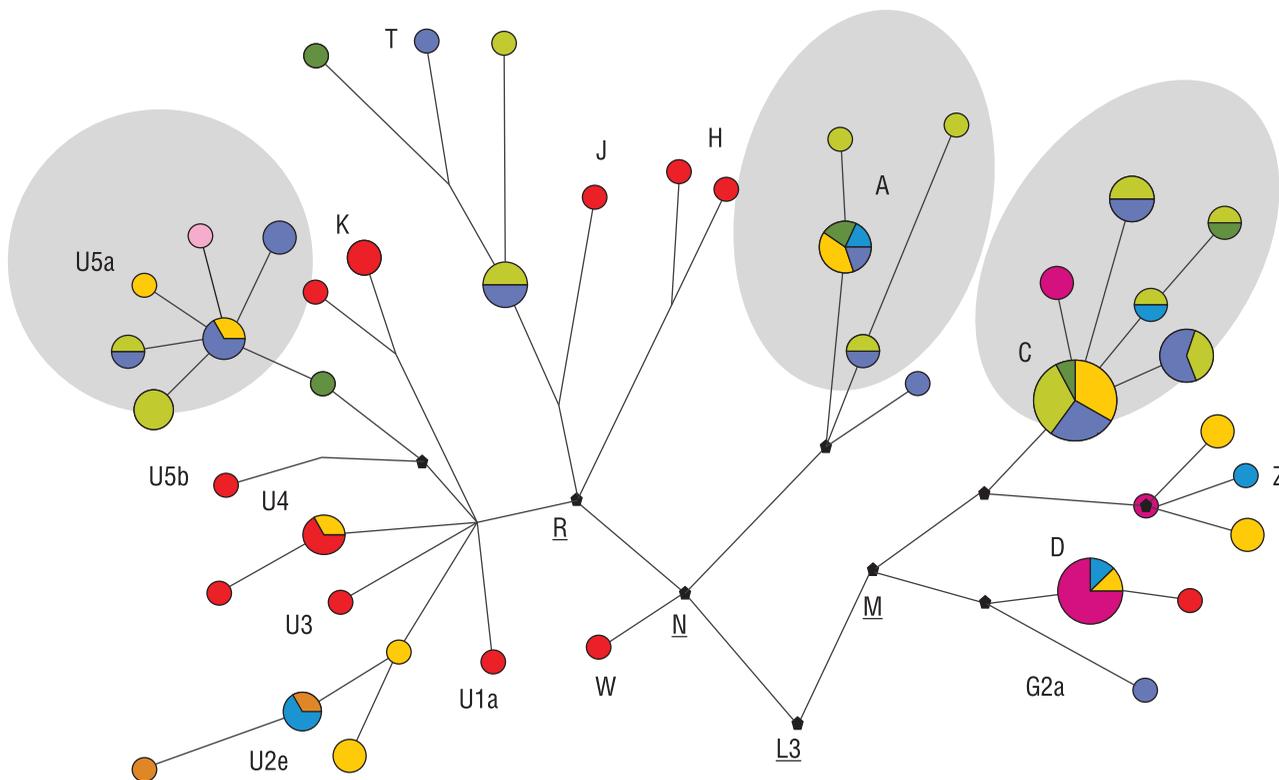

К палеогенетической лаборатории предъявляются гораздо более строгие требования, чем к обычной: высокая степень очистки воздуха, стерильное оборудование, которое не может быть использовано для других работ, специальная экипировка сотрудников, сверхчистые боксы, а также соблюдение специальных мер, предотвращающих загрязнение материала при сборе, хранении, доставке и подготовке к анализу.
 На фото: А. С. Пилипенко в палеогенетической лаборатории ИЦиГ СО РАН. Новосибирский Академгородок

была посвящена палеогенетике населения эпохи бронзы Барабинской лесостепи, которое и стало первым объектом для диахронного анализа.

Собственно говоря, вопрос о выборе подходящей модели для такого исследования даже не стоял. К этому времени В. И. Молодин на основе результатов более чем 30-летних полевых исследований разработал обоснованную классификацию этнокультурных групп Барабы эпохи бронзы. Были охарактеризованы особенности их материальной культуры и направления культурного взаимодействия с населением других регионов. И, что особенно важно, собрана уникальная коллекция палеоантропологических останков представителей населения Барабы всех хронологических этапов эпохи бронзы. Как объект для палеогенетики, эта модель имеет в мире очень мало аналогов.

Результаты первого диахронного исследования генофонда митохондриальной ДНК населения Барабы эпохи бронзы были представлены в 2010 г.

Схематическое изображение филогенетического дерева митохондриальной ДНК представителей населения Барабы различных периодов эпохи бронзы. Кругами обозначены отдельные структурные варианты мтДНК (размер круга пропорционален численности обнаруженных индивидов – носителей данного структурного варианта мтДНК). Контурами выделены группы мтДНК, маркирующие генетическую преемственность между разновременными популяциями

■ Переход от бронзы к железу
конец II в. до н. э.	■ Ранняя кротовская культура
начало II в. до н. э.
■ Эпоха поздней бронзы
вторая половина II в. до н. э.	■ Одиновская культура
III в. до н. э.
■ Андроновская культура
первая половина II в. до н. э.	■ Усть-Тартасская культура
IV в. до н. э.
■ Позднекротовская культура
первая половина II в. до н. э.	■ Неолитическое население
VI–V в. до н. э.

на международной конференции в Берлине. Впоследствии мы тиражировали этот опыт на материалы с других территорий и других хронологических эпох, а также расширили спектр маркеров, не ограничиваясь одной лишь митохондриальной ДНК.

Общее научное руководство междисциплинарным коллективом все эти годы осуществлял Вячеслав Иванович Молодин. Именно ему мы обязаны тем, что в основу работы нашего подразделения лег принцип тесного взаимодействия генетиков и археологов на всех стадиях исследования, от выбора модели и соответствующих антропологических материалов до «исторической» интерпретации полученных молекулярно-генетических данных. Взаимопонимание между специалистами далось нелегко и потребовало не только многочисленных дискуссий и совместных докладов на семинарах, но и обязательных выездов «в поле». И оно того стоило: мы получили одну из немногих в России лабораторий, способную на проведение полного цикла палеогенетических исследований.

Если партнеры, то на равных

Наука не стоит на месте, и палеогенетика не исключение: требования к оснащению лаборатории, используемым технологиям и методам постоянно ужесточаются. Сейчас наша лаборатория занимает отдельный двухэтажный корпус, где оборудована большая чистая зона. Благодаря этому мы можем не только сами проводить масштабные исследования, но и работать по принципу ЦКП (центра коллективного пользования), помогая другим археологам, антропологам и генетикам в их исследованиях.

Немалый интерес к нашему подразделению проявляют и зарубежные коллеги. Отношение к международному сотрудничеству у нас особое: мы признаем только реальное и равноправное сотрудничество, когда каждая из сторон вносит в исследование свой вклад. С самого начала мы считали важным научиться работать так, чтобы зарубежные коллеги воспринимали нас как полноценных партнеров. И эту нелегкую задачу мы полностью выполнили.

На раскопках пазырыкских курганов в Монгольском Алтае: аспирант-биолог А. Пилипенко, немецкий археолог А. Гас и академик В. И. Молодин. 2006 г. Фото В. Мильникова

ПОЛЕВАЯ ШКОЛА ДЛЯ ГЕНЕТИКОВ

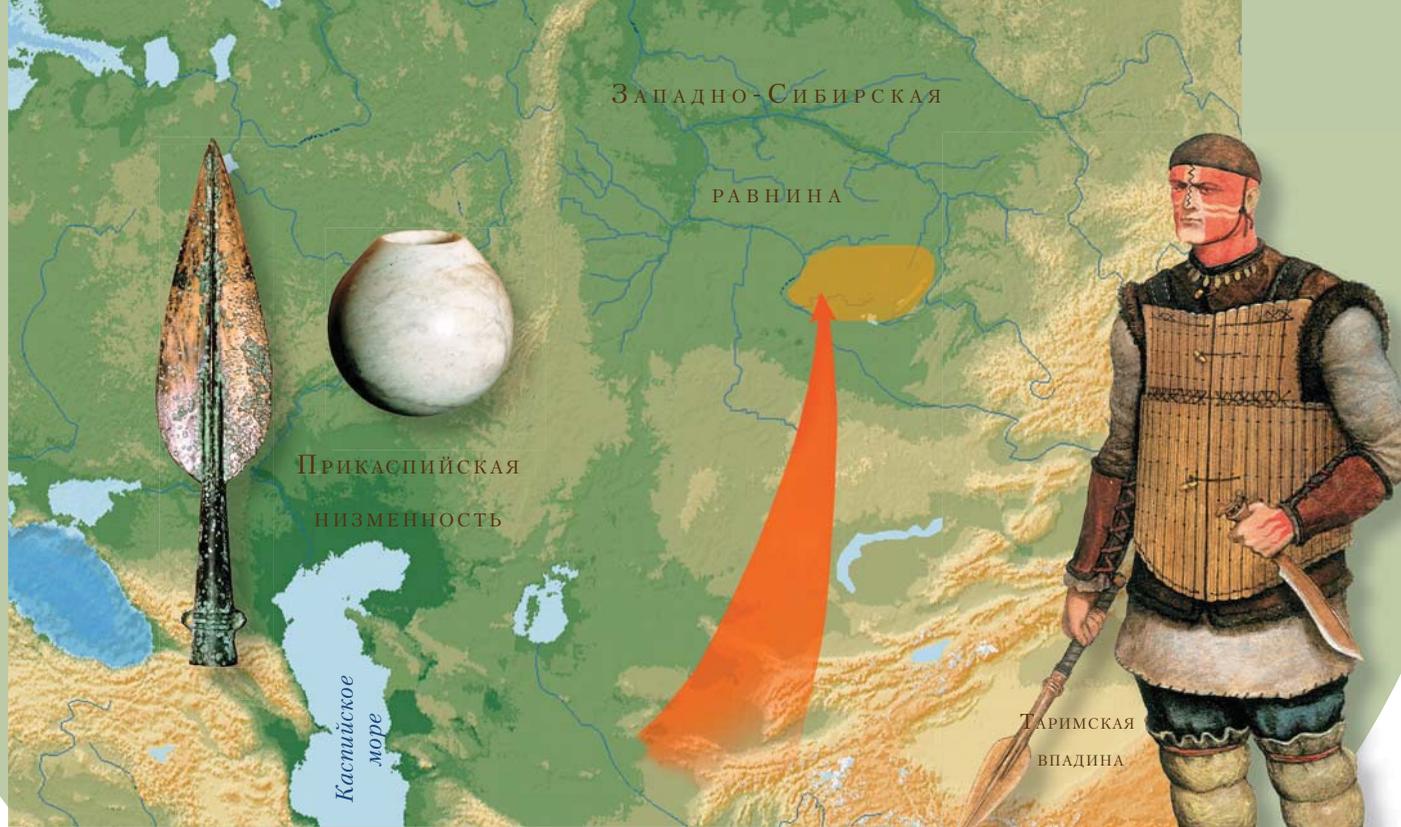
Что значит для генетиков участие в археологических экспедициях, поясню на своем примере. В первый раз я выехал «в поле» в 2006 г. – это была та самая экспедиция на Монгольский Алтай, в которой были открыты новые «замерзшие» могильные комплексы пазырыкцев. Именно тогда я близко познакомился с Вячеславом Ивановичем Молодиным, моим будущим учителем, и знакомство это переросло в тесное научное сотрудничество и дружбу, которой я очень дорожу.

Поле преобразует археолога. По дороге в Монголию я с удивлением наблюдал перемены, происходившие с Вячеславом Ивановичем: он очень быстро превращался из заместителя председателя Президиума СО РАН, «человека с портфелем», в увлеченного археолога-полевика, который едет заниматься любимым и главным делом своей жизни – открывать тайны прошлого. Глядя на него, я понимал, что именно поле – его «настоящий дом».

В горах Монголии я впервые увидел и прочувствовал на себе, как тяжело добываются материалы, которые

затем попадают в руки генетиков, осознал важность тесного сотрудничества с археологами, необходимость учета археологического контекста объектов палеогенетического исследования. Тогда же я понял, что нам просто необходимо выработать «общий язык», научиться свободно «переводить» с археологического на генетический, и наоборот. И это стало одним из залогов успеха всей нашей дальнейшей работы.

Помня об этом бесценном для меня опыте, я включаю в число обязательных элементов программы подготовки молодых палеогенетиков в нашей лаборатории участие в археологических экспедициях – просто отправляю их в отряд Вячеслава Ивановича, продолжающий работать в Барабе. Для меня самого и сейчас очень важно звонить Вячеславу Ивановичу «в поле», особенно когда сезон уже в разгаре и появляются первые результаты, которыми он может со мной поделиться. И после каждого такого разговора меня переполняет желание продолжать свои «раскопки» в лаборатории

Первые приметы внешнего влияния на население западносибирской лесостепи фиксируются на раннем этапе кротовской культуры (начало II тыс. до н. э.). В погребальных комплексах этого периода появляются предметы (ножи, украшения), характерные для культур Средней Азии (Молодин, 1988). Данные физической антропологии и палеогенетики свидетельствуют о том, что это влияние не сопровождалось миграцией в Барабинскую лесостепь генетически контрастного населения

В качестве примера приведем нашу совместную работу с палеогенетической лабораторией Университета им. Иоганна Гутенберга в Майнце (Германия), и другими зарубежными лабораториями. В составе этой международной команды мы выполнили масштабное исследование генофонда ранних кочевников скифского времени из различных районов степного пояса Евразии. Более трети образцов (в основном представителей пазырыкской культуры Алтая и некоторых других скифо-сибирских групп) были из Сибири. И мы не просто предоставили материал для анализа, но и выполнили свою часть экспериментальной работы (исследование генофонда митохондриальной ДНК пазырыкцев) при финансовой поддержке Российского научного фонда. Итоговую статью в *Nature Communications* мы также готовили вместе с коллегами (Unterländer *et al.*, 2017). РНФ высоко оценил эту работу, включив ее в число десяти наиболее значимых научных достижений за 2017 г.

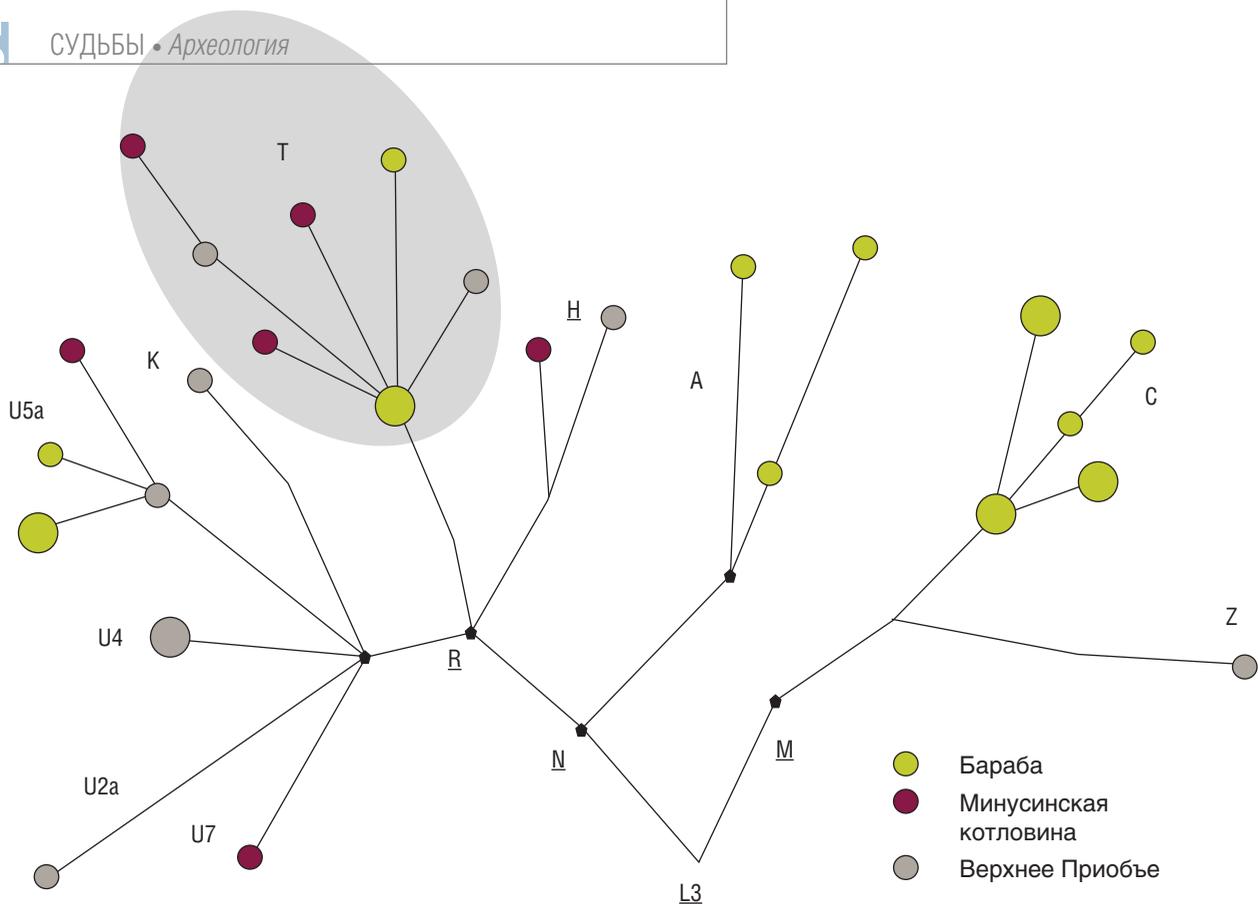
И все-таки основным направлением для нашей лаборатории является проведение собственных палеогенетических исследований полного (от идеи до публикации) цикла. Сегодня мы работаем с материалами,

хронологически охватывающими последние 10 тыс. лет – от раннего неолита до позднего средневековья, а географически – значительную часть Сибири и сопредельные регионы. Работаем и с материалами из других регионов России, например, из Нижнего Поволжья, совместно с коллегами из Волгоградского государственного университета.

О масштабах наших работ красноречиво говорят цифры: более двух тысяч исследованных образцов древней митохондриальной ДНК и несколько сот образцов Y-хромосомы. Это одна из наиболее многочисленных в мире коллекций изученной древней ДНК – неплохо для молодой лаборатории с небольшим коллективом!

«Вчерашний день – учитель при сегодняшнем»

Благодаря финансированию от РНФ в последние годы мы успешно участвовали в выполнении нескольких проектов по изучению миграционных процессов древности. В рамках проекта, посвященного ранним кочевникам Южной Сибири и их взаимодействию

Схематическое изображение филогенетического дерева митохондриальной ДНК представителей андроновского (федоровского) населения Барабы из различных районов юга Западной Сибири. Кругами обозначены отдельные структурные варианты мтДНК (размер круга пропорционален численности обнаруженных индивидов – носителей данного структурного варианта мтДНК). Контуром выделена гаплогруппа Т мтДНК, маркирующая миграцию андроновского населения в западносибирскую лесостепь

с западными кочевыми группами, мы исследовали ископаемые останки более 700 представителей древних популяций из разных регионов и получили данные о женском и мужском генофонде примерно десяти групп древних кочевников скифского и гунно-сарматского времени.

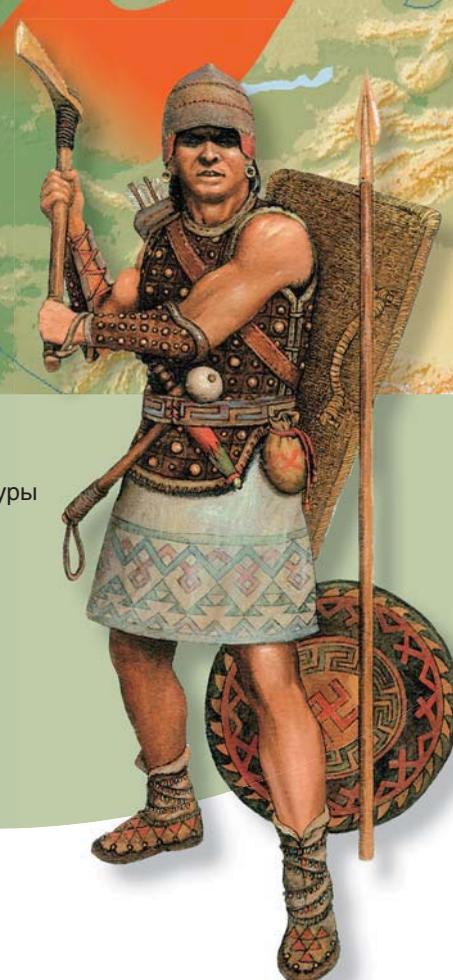
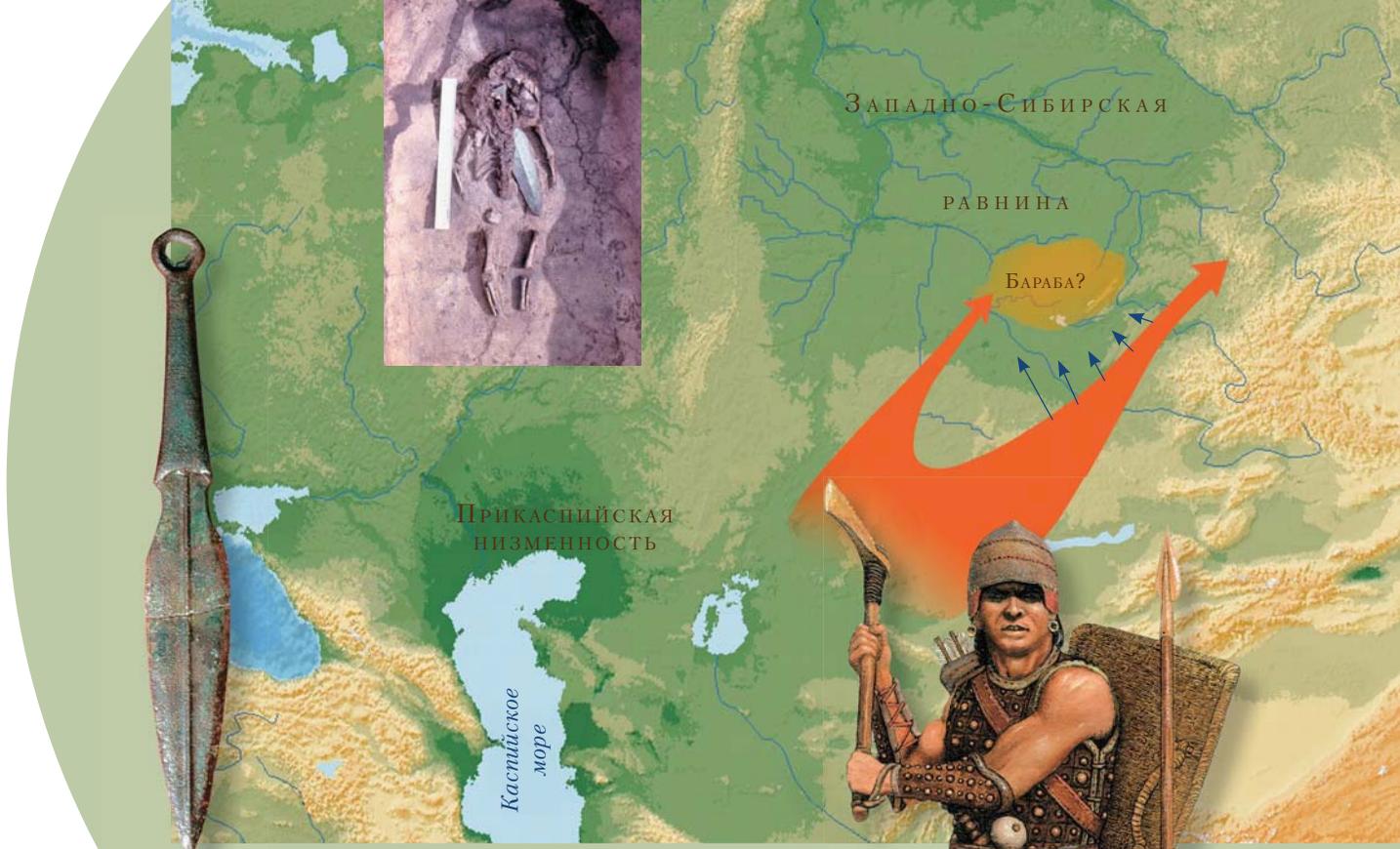
С 2017 г. наш коллектив работает по проекту в рамках Президентской программы РФ, посвященному изучению популяционно-генетических аспектов основных миграций, которые влияли на формирование населения южных районов Сибири в эпоху бронзы и железного века, начиная с IV тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э.

Мы неслучайно уделяем миграционным процессам так много внимания. Именно они способствуют формированию культурных и генетических взаимоотношений между популяциями разного происхождения, с разной культурой, иногда разделенными огромными расстояниями. Изучение исторического опыта сложных этнокультурных взаимодействий, сопровождающих миграционный процесс, является особенно ценным для такой многонациональной страны, как Россия, помогая

выработать правильные стратегии поведения. Ведь именно на недостатке объективных данных о прошлом базируются многие националистические теории, в том числе экстремистского характера. Своими работами мы можем восполнить эти пробелы, что позволит в будущем избежать многих негативных явлений, встречающихся в современном обществе.

Конечно, мы не единственные исследователи в этой области. В частности, историей популяций евразийских степей и юга Сибири интересуются и наши многочисленные коллеги из западных лабораторий. В какой-то степени мы с ними соперничаем, но благодаря особому подходу мы смогли занять свою нишу в палеогенетических исследованиях населения Евразии.

Большинство «громких» палеогенетических работ последних лет представляют собой анализ относительно небольшой серии образцов, охватывающих огромные регионы и/или хронологические периоды. Благодаря такой «масштабности» у авторов больше шансов опубликовать свою работу в журналах с высоким рейтингом, стать научной сенсацией. Обратная сторона

Реконструкция на основе антропологических и генетических данных миграционного потока носителей андроновской (федоровской) культуры в Барабинскую лесостепь (первая половина II тыс. до н.э.) показала, что на территории Барабы мигранты сосуществовали с аборигенным позднекротовским населением. Взаимодействие между ними шло не только в рамках материальной культуры (Молодин и др., 2009), но и на уровне межполювого общения, результатом которого стал «обмен генами» (Пилипенко и др., 2009)

Типичный сосуд андроновской (федоровской) культуры

медали – таким способом можно получить лишь очень грубые реконструкции сложных и многосторонних популяционных процессов. Зачастую такие работы ставят больше новых вопросов, чем дают ответов, однако до их продолжения дело зачастую не доходит.

Пусть мы работаем более «локально», зато последовательно и кропотливо реконструируем детальный механизм популяционно-генетических процессов, протекавших на изучаемых территориях. Нас интересует не только, откуда пришли мигранты, но и как они

Молодой коллектив межинститутского сектора молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН. Слева направо: Черданцев С. В., Пилипенко А. С., Пристяжнюк М. С., Пилипенко И. В., Трапезов Р. О., Журавлев А. А. Новосибирск, 2018 г.

За многие десятилетия целенаправленных исследований большинство представителей групп древнего населения в той или иной степени уже хорошо охарактеризованы с точки зрения особенностей материальной и духовной культуры, демографических параметров, фенотипических признаков и т. п. Но этот огромный массив материалов остается на сегодня практически неисследованным с точки зрения молекулярной генетики

взаимодействовали с аборигенным населением. Была ли это одна большая волна миграции или много маленьких, каково было их влияние друг на друга в области культуры и на «уровне генетики», и еще масса других интересных деталей. Поэтому, по мере появления новых методических возможностей или накопления новых материалов, мы часто вновь возвращаемся к одной и той же модели. И раз за разом наше понимание прошлого меняется, становясь более полным и объективным.

Ярким примером служит – все тот же палеогенетический анализ населения Барабинской лесостепи эпохи бронзы, на котором было выполнено наше первое диахронное исследование. Тогда было изучено лишь около сотни образцов мтДНК, а сейчас у нас появилась возможность анализировать большие серии, а также исследовать мужской генофонд (по маркерам Y-хромосомы), использовать и другие генетические маркеры. В результате мы начинаем представлять процессы, протекавшие на арене древней Барабы, намного глубже, чем еще несколько лет назад.

Скажи мне, кто твой брат

Помимо истории древних популяций, есть еще много других интересных вопросов, на которые может ответить палеогенетика. Один из ярких примеров – реконструкция пола и степени родства индивидов из археологических комплексов. Так, в свое время

много шума в прессе наделало наше палеогенетическое исследование останков из знаменитого парного погребения пазырыкского памятника Ак-Алаха-1, обнаруженного на Укоке. На основе антропологических данных предполагалось, что там были похоронены зрелый мужчина и молодая девушка, оба в полном воинском снаряжении. Это открытие долгое время рассматривалось в качестве доказательства существования пазырыкских «амазонок», но генетический анализ доказал принадлежность обоих индивидов к мужскому полу.

В целом же наши работы в этой области показывают, что степень родства погребенных в коллективных могилах или больших погребальных комплексах зачастую оказывается совсем не такой, какой представлялась ранее. И многие социальные и семейные реконструкции древних групп населения с учетом данных палеогенетики могут и должны быть пересмотрены.

Нам приходилось работать и с такими необычными материалами, как останки известных исторических личностей. Например, коллеги-антропологи из Москвы обратились к нам с просьбой подтвердить родственные связи трех поколений мужчин, погребенных в усыпальнице знаменитого губернатора Кавказа генерала Ермолова.

Еще одно интересное направление – реконструкция черт внешнего вида (фенотипа) или особенностей физиологии представителей древнего населения. Современные методы в большинстве случаев позволяют, к примеру, установить вероятный цвет глаз и волос древних людей, их способность усваивать молоко и некоторые другие характеристики.

Наконец, это исследование ДНК домашних и диких животных, останки которых находят на археологических памятниках. Для нас это возможность не только независимо проследить миграции древних животноводов, но и изучить сами процессы одомашнивания животных, оценить использование природных ресурсов в древности. А в ряде случаев мы можем реконструировать и эволюционные взаимоотношения интересных представителей животного мира, многие из которых уже исчезли с лица земли.

В заключение могу лишь сказать, что наш межинститутский сектор молекулярной палеогенетики состоялся в качестве палеогенетической лаборатории полного цикла во многом благодаря неиссякаемому оптимизму и терпению археологов, в первую очередь академика Вячеслава Ивановича Молодина, обладающего особым талантом: своим энтузиазмом и любовью к поиску нового буквально заражать окружающих.

Наша же междисциплинарная команда продолжит свои «раскопки» как в поле, так и в чистой зоне лаборатории. Мы приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных коллег. Кстати, в разрабатываемой сейчас стратегии развития Новосибирского научного центра – «Академгородок 2.0» – уже нашлось место для нашей молодой, но довольно самостоятельной науки, удивляющей нас все новыми открытиями.

Литература

Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А. и др. Молекулярно-генетический анализ митохондриальной ДНК представителей Пазырыкской культуры Горного Алтая (IV–II вв. до н.э.) // Докл. Акад. Наук. 1998. Т. 358. № 4. С. 564–566.

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 4. С. 144–150.

Higuchi R., Bowman B., Freiberger M. et al. DNA sequences from the quagga, an extinct member of the horse family // Nature. 1984. V. 312. P. 282–284.

Krause J., Fu Q., Good J.M. et al. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. V. 464. P. 894–897.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data / Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics, Berlin, 2012. P. 95–113.

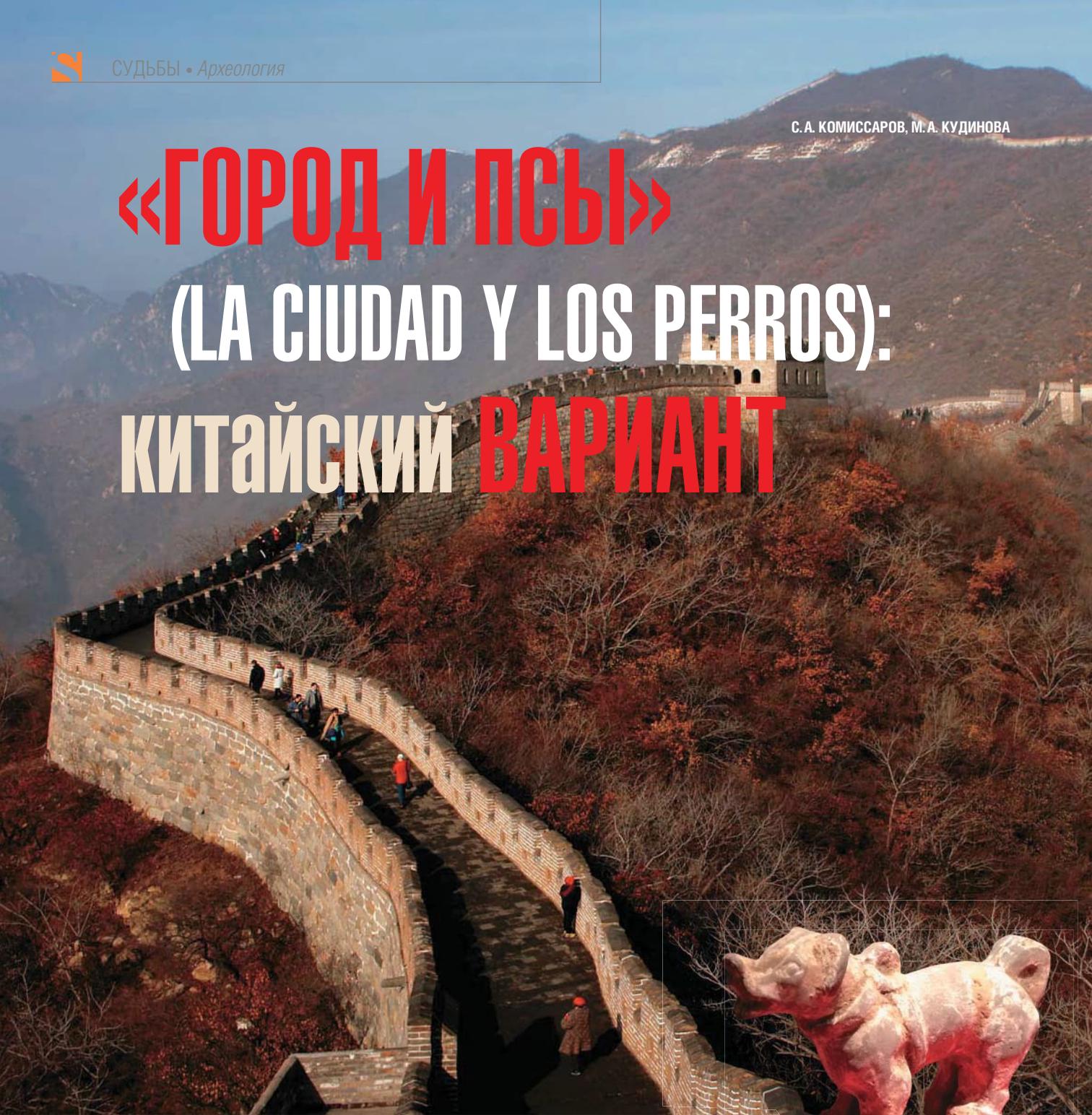
Paabo S. Molecular cloning of ancient Egyptian mummy DNA // Nature. 1985. V. 314. P. 644–645.

Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I. et al. Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // Archaeol. Anthropol. Sci. 2010. V. 2. № 4. P. 231–236.

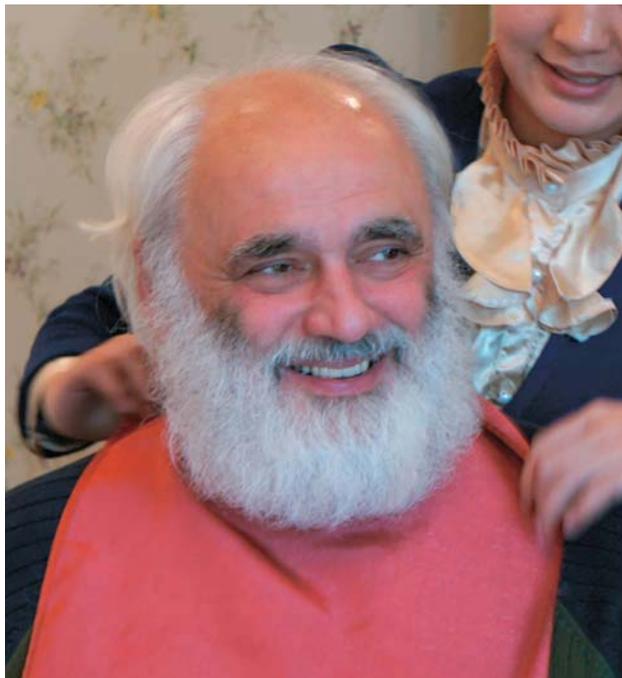
В публикации использованы иллюстрации из архива В.И. Молодина и Н.В. Полосьмак, архива автора, из книги А.И. Соловьева «Оружие и доспехи» (ИНФОЛИО, 2003)

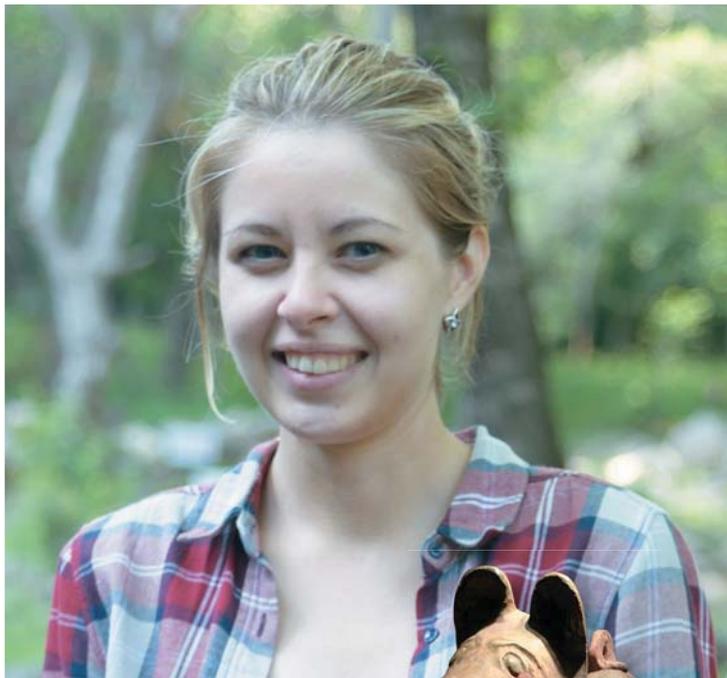
«ГОРОД И ПСЫ» (LA CIUDAD Y LOS PERROS): КИТАЙСКИЙ ВАРИАНТ

Есть на крайнем юге Китая небольшой (не только по китайским, но и по российским меркам) и очень уютный городок Лэйчжоу, похожий на сотни других прибрежных городков и поселков. И одновременно отличный от них – прежде всего тем, что его много веков назад захватило бесчисленное множество каменных собак. Они выглядывали из кустов возле мостов, колодцев и перекрестков дорог, охраняли ворота в усадьбах и храмах, стерегли покой на кладбищах, но больше всего – кучно сидели в парках и садах. Всего в городе и окрестностях выявлено более 10 тыс. таких скульптур (Чэнь Чжицзянь, 2008). В уникальную каменную псарню Лэйчжоу авторов привело масштабное исследование роли собак в материальной и духовной культуре Китая

КОМИССАРОВ Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), профессор кафедры востоковедения и НОКЦ «Институт Конфуция» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Автор и соавтор более 250 научных работ

КУДИНОВА Мария Андреевна – кандидат исторических наук, докторант Института археологии и музееведения Пекинского университета (КНР), старший преподаватель кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Каменные изваяния собак встречаются в Китае не только в Лэйчжоу, но и по всему побережью Бакбо, залива Южно-Китайского моря – в провинции Гуандун, Гуанси-Чжуанском автономном районе; на острове Хайнань, а также в северной части соседнего Вьетнама. Отдельные фигуры известны также в горной провинции Юньнань и даже в далеком Сингапуре.

Практически все статуи высечены из базальта, их внешний облик и размер сильно различаются. Самые крупные из них (до 1,5 м в высоту) весят около 800 кг, тогда как размеры самых мелких не превышают

Ключевые слова: археология Китая, domestикация животных, псовые (канисовые), традиционная кухня, соляная мифология, Небесный Пес, Небесная Собака, каменные собачки.

Key words: Archaeology of China, domestication of animals, Canidae, traditional cuisine, Solar mythology, Celestial Dog, stone doggies

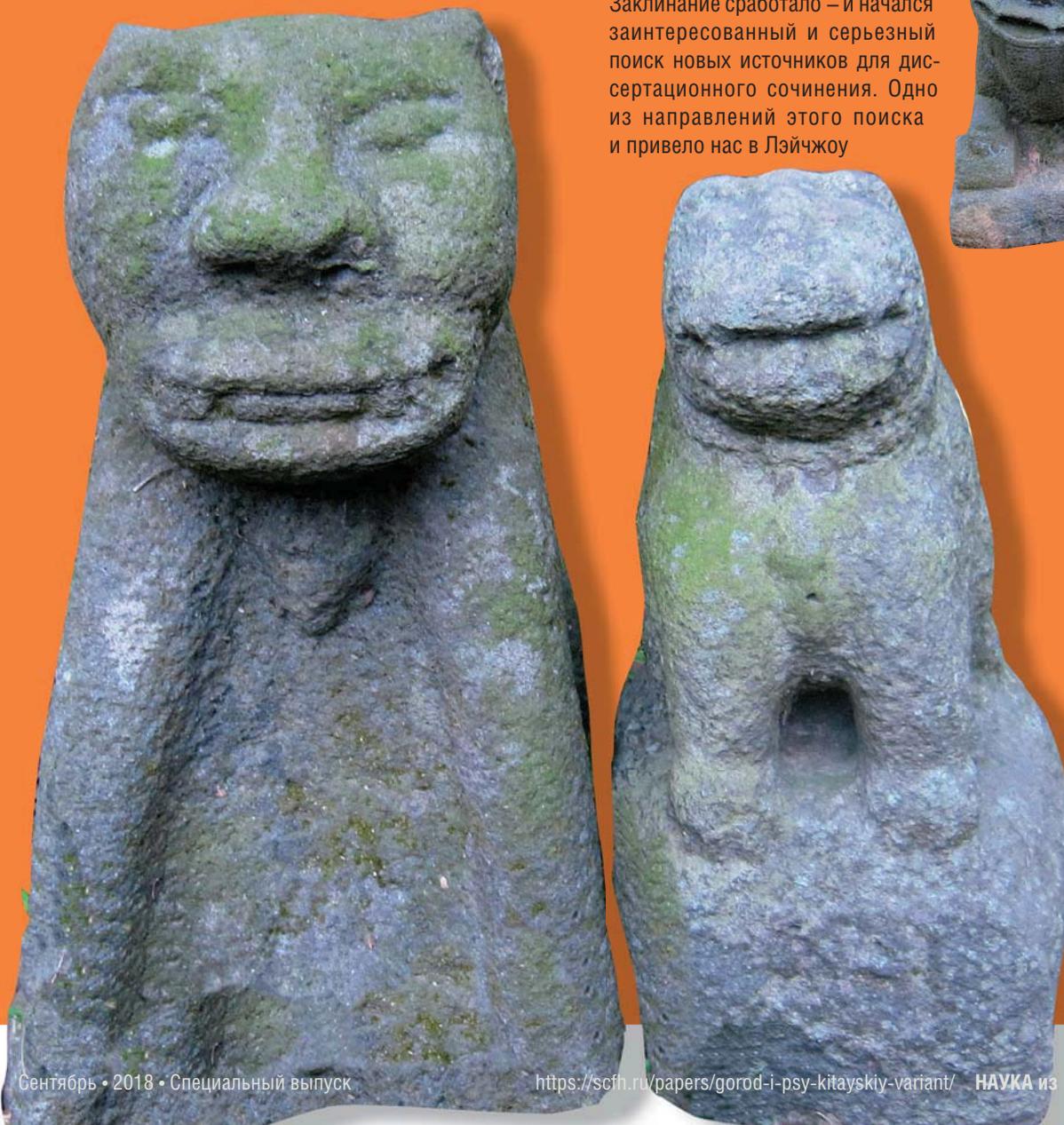
10 см при весе 0,5 кг. В основном же габариты статуй соответствуют размерам домашних собак. Статуи могли устанавливаться на специальные каменные или кирпичные постаменты в виде колонн высотой от 0,5 до 5 м. Животные показаны в различных позах: стоя, сидя или лежа, подпирающими передними лапами змею или черепаху. У многих скульптур особо выделены репродуктивные органы. Самки часто изображались вместе с одним или двумя щенками (Му Е, 2008). В качестве дополнительных атрибутов в камне высекались помпоны, изображения восьми триграмм, рыболовные сети, каменные барабаны, тыквы-горлянки (как фляжки для воды или для лекарств), медные монеты или их связки (чохи), печати, свитки с буддийскими сутрами, даосские таблички с заклинаниями и т. д. На спине могло изображаться зеркало, отпугивающее нечистую силу. На шее, как правило, был показан бубенчик, который нередко имел форму персика, символизировавшего долголетие и бессмертие.

© С. А. Комиссаров, М. А. Кудина, 2018

С. А. КОМИССАРОВ:

Прежде чем углубиться в дебри мифологии, считаю необходимым рассказать, как мы дошли до жизни такой. В каменную псарню Лэйчжоу нас привело масштабное исследование роли собак в материальной и духовной культуре Китая. Даже беглое знакомство с китайскими материалами показывало, что роль эта была весьма значительной, но значительной – насколько? Прежде всего, в каких сферах и у каких народов (с учетом многонационального состава современного Китая)? Каковы ролевые функции собаки в жизни и в мифе? И многое другое... Поиском ответов на все эти вопросы и занялась М. А. Кудинова. Сначала это было успешно защищенное дипломное сочинение, которое настоятельно потребовало

продолжения путем учебы в аспирантуре и написания диссертации. Лучшим руководителем для этой темы, несомненно, был академик Молодин – и по периоду изучения (неолит – палеометалл), и по постоянному обращению к китайским материалам. Но Вячеслав Иванович очень выборочно принимал к себе в ученики – особенно, если претендент еще не имел возможности проявить себя на полевых работах. Поэтому я решил прибегнуть к небольшой военной хитрости. Зная, как трепетно относится вся семья Молодиных к своим собакам, я многократно повторял как заклинание: «Маша – она собак очень любит» (что, кстати, было чистой правдой, которую, как известно, говорить легко и приятно). Заклинание сработало – и начался заинтересованный и серьезный поиск новых источников для диссертационного сочинения. Одно из направлений этого поиска и привело нас в Лэйчжоу

Лэйчжоу в средневековых китайских источниках назывался родиной божества грома – Лэй-гуна (Лэй-цзу). Одна из версий этого предания приводится в «Обширных записях годов Тайпин» («Тайпин гуан цзи»), раздел «Повествование о народе Лэй» («Лэй минь чжуань»): «Некогда у жителя Лэйчжоу была собака с двенадцатью ушами. Каждый раз перед охотой собаку били, и по тому, сколько ушей зашевелится, предсказывали количество добычи... Однажды все уши пришли в движение, но на охоте собака никого не поймала. Она прибежала на берег моря и начала лаять. Жители области увидели на побережье двенадцать больших яиц. Яйца положили в доме, после этого внезапно, будто из этого дома, начались дождь и ветер. Когда буря кончилась, увидели, что яйца разбились, осталась лишь скорлупа. Впоследствии жители области разобрали кусочки скорлупы и совершали в их честь сезонные жертвоприношения. До сих пор семьи, получившие фрагменты скорлупы, считаются знатными». Кроме того, в Лэйчжоу бытует легенда о том, что собака стала животным-компаньоном бога грома – Небесной Собакой. Бог грома, опасаясь, что солнце может спалить своими лучами все живое, периодически отправляет собаку съесть солнце. Тогда случается солнечное затмение

Самые крупные из статуй (до 1,5 м в высоту) весят около 800 кг, тогда как размеры самых мелких не превышают 10 см при весе 0,5 кг. Статуи могли устанавливать на специальные каменные или кирпичные постаменты в виде колонн высотой от 0,5 до 5 м

Китайские исследователи выделяют различные «породы» каменных собак: борзых, мопсов, шарпеев, овчарок. Но к какой породе отнести, к примеру, собак с тремя головами? С хвостом в виде якоря или четырехгранного кистеня, жала скорпиона или даосской мухогонки? Очевидно, что подобные скульптуры служили изображениями не столько реальных, сколько мифических существ.

Господин Каменная Собака

Как уже было сказано, многие скульптуры претерпели значительные метаморфозы, почти утратив изначальную «собаковость». Они напоминают обезьян, медведей, тигров, львов, кошек, лягушек

По мнению китайских исследователей, наиболее ранние скульптуры можно отнести к доциньскому периоду (до III в. до н. э.). Однако летописными сведениями достоверно подтверждены датировки не ранее эпохи Тан (642 г.), когда парные скульптуры были установлены перед кумирней бога грома Лэй-цзу

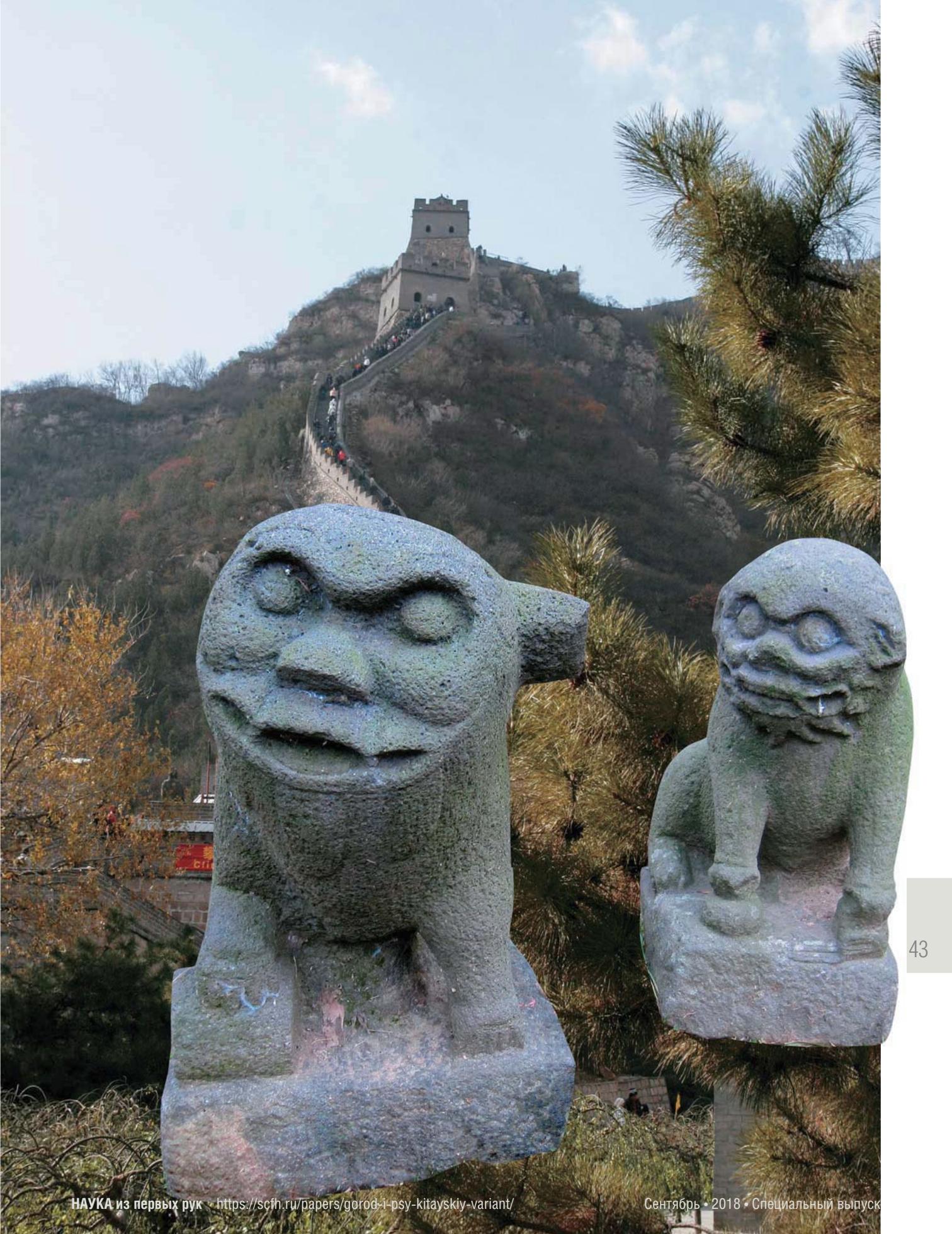
Скульптура взрослой собаки со щенком.
Музей Чжаньцзяна (КНР)

или обладают отдельными признаками этих животных. Статуи могут иметь и антропоморфные черты: например, тело собаки, а лицо человека. Однако в Лэйчжоу все каменные зооморфные и зооантропоморфные изваяния носят название «каменные собаки». Традиция совмещения в одном образе черт различных животных, животного и человека восходит к древним тотемистическим верованиям.

Тела собак покрыты разнообразными орнаментами, зачастую имеющими благожелательное значение: треугольники, свастики, хризантемы, лотосы, листья банана, узоры в виде черепашьего панциря, хвоста феникса и др. Кроме того, на статуях могли быть выгравированы надписи: «Тайшань» (самая известная из священных гор Китая), «великий государь», «император», «править и усмирять», «охранять горы», «камень, отвращающий зло», «единорог (благовещий зверь) прибыл», «радость», «счастье», «долголетие» и т. д. Иероглиф «ван» (царь, правитель) чаще всего вырезали на лбу собаки, подобно тому, как в других районах Китая этот знак помещали на лбу тигра (конечно, изображения) – царя зверей и грозы демонов.

Часто для изображения завитков шерсти или мускулатуры животного используются узоры в виде *волют* и *меандров* – художественный прием, напоминающий зооморфные орнаменты звериного стиля. Китайские ученые называют такой узор «орнаментом облаков и молнии». Это традиционный орнамент древних южских (аустрических) народов, населявших Юго-Восточную Азию и прилегающие области, связанный с тотемическим почитанием грома. Он часто встречается на бронзовых барабанах, относящихся к позднему (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) этапу донгшонской цивилизации, существовавшей в северо-восточной части Индокитайского полуострова, а также на местных петроглифах, относящихся примерно к тому же времени. Украшение статуй этим узором может быть связано с представлением о связи собаки с божеством грома.

Статуи могли раскрашивать или покрывать черным лаком. В некоторых деревнях и поселках до сих пор принято ежегодно обновлять краску или лак. Статуи могли быть раскрашены целиком (в настоящее время

Керамическая фигурка собаки. Восточная Хань (25-220 гг. н.э.). Исторический музей провинции Шэньси

чаще всего используется желтая краска), или же раскрашивалась только морда. На шее собак повязывают красную нитку, одну или несколько красных лент, красный шарф или бант, голову украшают красным платком.

Облик изваяний определялся их функциональным назначением. Жители полуострова разделяли каменных собак на «военных» и «гражданских». К первой категории относились статуи, изгоняющие нечисть (духи-хранители дверей, деревень, городов и т. п.), и статуи, «поддерживающие буддийское учение». Ко второй – управители ветра и дождя, божества, отвечающие за плодородие, деторождение, богатство и долголетие.

Изготовление скульптур собак, их почитание как защитников, чадоподателей, управителей погоды продолжается в наши дни. Их величают как Почтенный господин, Господин Каменная Собака, Великий наставник, Князь горы Тайшань и т. д. Местные жители регулярно обновляют краску и лак на статуях, строят колонны-постаменты и специальные помещения для скульптур. Перед некоторыми статуями устанавливают столики для курений и чая. В 1-й и 15-й день каждого лунного

месяца, во время свадеб и похорон перед скульптурами возжигают курения, подносят им чай, а в некоторых деревнях – рис и мясо. В 30-й день нового года статуи украшают красными лентами и просят о благополучии в наступившем году. В некоторых районах старики в 1-й и 15-й дни 1-го лунного месяца приносят к каменным статуям собак три пиалы бататового супа или риса с куском свинины. Широко распространены предания и суеверия, связанные с каменными собаками: вера в то, что статуи могут предсказывать наводнения, наказывать тех, кто пытается их разрушить и т. д.

Где зарыта собака?

Ярко выраженное почитание образа собаки (ритуальное битье не в счет) в Лэйчжоу – это не просто какой-то местный культ, в нем отразился общекитайский миф о Небесной Собаке, наиболее распространенный на юге страны. Под именем Тянь-гоу (Небесная Собака, Небесный Пес) скрываются сразу несколько объектов и персонажей, порой весьма пугающих. Наиболее раннее упоминание приводится в «Каталоге гор и морей»: «[Там] водится животное, похожее на лисицу, но с белой головой. Называется небесная собака. Ее крик подобен

红陶狗
Red Pottery Dog
西汉 (公元前206—公元25年)
三门峡市区出土
馆藏

Керамические фигурки собак. Западная Хань (206 г. до н.э. - 25 г. н.э.). Музей Саньмэнься

мяуканью. [Ею] можно уберечься от несчастья» (пер. Э. М. Яншиной).

В более поздних источниках Небесной Собакой могли называться различные небесные тела. На юге Китая с ней связывают происхождение злаков: по одной из версий мифа, именно Небесная Собака впервые принесла зерна всех злаков с неба и накормила ими людей.

В то же время было распространено поверье о Небесной Собаке – злобном демоне, чье влияние препятствует рождению сыновей или сокращает срок жизни новорожденных: она питалась человеческой печенью и могла нападать на детей, пожирать мальчиков. По преданиям, это кровожадное существо в древности было девушкой, которая умерла, не успев выйти замуж. Став злым духом и поселившись на одной из звезд, она стремилась убивать детей, чтобы кто-нибудь занял ее место, а сама она смогла бы переродиться в человека. Для защиты от этого демона китайцы, во-первых, изображали стрелков, выпускавших стрелы в Небесного Пса (иногда в этом качестве выступал герой Хоу И, сбивший стрелами лишние солнца), и, во-вторых, наделяли детей специальными талисманами из смешанных вместе пучков волос ребенка и собаки (этот локон обычно вшивали в одежду ребенка) (Васильев, 2001).

Небесная Собака могла выступать и в роли защитника от злых сил. Она считалась единственным спасителем от злых духов, принимающих облик огромных сов и других птиц. В собрании сочинений выдающегося литератора XI в. Оуян Сю приведена легенда, согласно которой Чжоу-гуну (легендарному правителю Древности) однажды явилась птица с десятью головами и десятью клювами, которая на самом деле была злым духом. Птица громко кричала, чем раздражала Чжоу-гуна и нагоняла на него тоску. Он приказал убить ее, но никто не мог этого сделать. Тогда Небо послало Небесную Собаку, которая откусила одну из птичьих голов. С тех пор рана птицы кровоточит, и эта кровь смертоносна. Похожий сюжет изложен в китайской сказке «Девятиглавая птица», где говорится о противостоянии злого духа, принявшего облик птицы с десятью головами, и Небесной Собаки, которая защищала от нее людей и откусила одну из птичьих голов (Eberhard, 1968).

В позднем средневековье Небесная Собака выступала в качестве помощника Эр-лана. Эр-лан («второй сын») в поздней мифологии являлся одним из водных божеств, а также покровителем дамб, защищающим от наводнений. В китайских драмах он выступал в качестве борца с демонами. Также он считался лучником,

который убил девять солнц. Эр-лан имел свои храмы, в которых нередко изображалась и его собака – спутник божества и помощник в борьбе со злыми силами.

Изначально Эр-лан был сычуаньским божеством и мог замещаться Чжан-сянем, культ которого тоже возник в Сычуани и распространился по всему Китаю примерно с XI в. Чжан-сянь («Чжан-небожитель») почитался как божество, дарующее мужское потомство. В Древнем Китае стрельба из лука играла значительную роль в обряде родин. Существовал обычай по случаю рождения мальчика вывешивать на левой створке дверей (поскольку левая сторона связывалась с мужским началом ян) лук из тутового дерева. Затем из него стреляли в небо, землю и четыре стороны света – «туда, где проходит деятельность человека». Этот обычай в Сычуани трансформировался в культ Чжан-сяня, однако собака для него уже не помощник, а противник, в которого он стреляет. Такое изменение «полярности» объектов не редкость в мифологии. Так или иначе, Чжан-сянь контролирует действия Небесной Собаки, отгоняя ее выстрелами, подчиняет ее себе.

С образом Небесной Собаки связано и существующее в китайском фольклоре объяснение причины солнечных и лунных затмений. Считалось, что только звуки гонгов и барабанов и страшный шум, который поднимался на земле, могли отпугнуть Небесного Пса и заставить его отказаться от намерения проглотить светило. Это представление относится к числу древнейших. Изображение собаки, глотающей Солнце или Луну, зафиксировано в росписи на неолитической керамике.

Широкое распространение получила история «Собака проглатывает солнце и ест луну». В ней рассказывается, что однажды лучник выстрелил в Солнце и Луну, и в Поднебесной наступил мрак. Люди попросили Небесную Собаку вернуть Луну и Солнце и пообещали ей за это 50 доу риса. Но когда собака выполнила поручение, люди не отдали ей обещанный рис. С тех пор собака, когда проголодается, ест Солнце или Луну. Подобные мифы встречаются у многих народов и этнических групп Южного Китая.

Вероятно, один из источников формирования сложного образа Небесной Собаки тесно связан с мифами о Стрелке И (Хоу И). Этот миф был самым популярным и четко оформленным из всех солярных сюжетов китайской мифологии. Впервые в письменном виде он изложен в трактате «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.). Во времена царствования совершенномудрого правителя Яо на Поднебесную обрушилось страшное бедствие: на небе внезапно появилось сразу десять солнц в облике птиц (трехлапых воронов), нещадно паливших землю. Видя страдания людей, боги послали Стрелку, который выстрелами из лука сразил девять из десяти солнц и тем самым восстановил мировой порядок (Кравцова, 1994).

Еще одно предание о Стрелке И явно литературного происхождения объединяет в себе несколько мотивов и основных персонажей. Оно необычайно популярно в Китае, особенно в связи с Праздником середины осени. Согласно этой легенде, после того, как Стрелок И (Хоу И) выстрелил в девять из десяти солнц и спас народ от бедствия, Си-ван-му (Владычица Запада) в награду дала ему снадобье бессмертия. Однако эликсир в одиночку выпила его жена Чан Э и вознеслась в небо. Охотничья собака Хоу И по имени Хэйэр (Черное ухо), увидев это, с лаем вбежала в дом, слизнула остаток снадобья и тоже поднялась на небо. Услышав лай Хэйэр, Чан Э спряталась на Луне. Однако Хэйэр одним махом достигла Луны и проглотила ее вместе с Чан Э. Тогда Си-ван-му сделала Хэйэр Небесной Собакой и приказала стеречь Южные небесные

М. А. КУДИНОВА:

Анализ древних мифов – один из наиболее интересных разделов нашего исследования. Сравнительной мифологией Китая занимались многие ученые, но для меня большим подспорьем стали работы В. В. Евсюкова, выделившего базовые мифологемы в росписи на керамике Яншао, а подлинным открытием стали труды О. М. Фрейденберг, которая сформулировала основные принципы структурализма задолго до К. Леви-Стросса. Но прежде чем обратиться к «пиршеству духа», потребовалось провести скрупулезный анализ конкретных археологических находок, обнаруженных китайскими коллегами. К настоящему моменту известно как минимум 65 погребений на 19 памятниках эпохи неолита, в которых были захоронены собаки (от одной до шести особей) или отдельные части их тел (черепа, нижние челюсти). Также более чем на 40 памятниках найдены отдельные захоронения собак в жертвенных ямах и зольниках. Исходя из контекста этих находок, можно предположить, что собаки использовались в погребальных и поминальных ритуалах и как «строительная жертва». И это, вероятно, было обусловлено широко бытующими представлениями об этом животном как о защитнике от злых сил. В освоении китайских археологических материалов мне очень помог полевой опыт, полученный в ходе раскопок на Тартасе под руководством академика В. И. Молодина и его ближайших учеников. Уверена: тому, кто прошел «молодинскую школу» в археологии, по плечу любая научная задача

ворот. Хэйэр выплюнула Луну и Чан Э, которая с тех пор и живет на Луне.

Как полагает Э. М. Яншина, сюжет о стрельбе в солнца восходит к обрядам, направленным на возвращение солнца и оживление природы, существовавшим на стадии охотничьего хозяйства. Они имели сходство с обрядом космической охоты, распространенным у охотничьих народов Севера. Прототипом уничтожения девяти из десяти солнц «была ритуальная охота-погоня-добывание богом-охотником небесного светила» (Яншина, 1984). Такой версии происхождения данного мифа соответствует и зооморфное воплощение солнца в образе ворона.

Итак, происхождение мифа о стрельбе в солнца связано с ритуалами, символизировавшими установление миропорядка либо обновление жизненного устройства с наступлением весны. Важнейшими элементами такого мифо-ритуального комплекса были представления о множественности солнц и их орнитоморфном воплощении, а также уничтожение «лишних» светил героем-лучником. С этим блоком оказывается тесно связанной и мифологема Небесной Собаки.

В мифологии нередко происходит так называемый метонимический перенос: число персонажей превращается в число каких-либо частей тела у одного персонажа, и наоборот. Девять солнечных птиц из мифа о Стрелке И, связанного с древними солярными мифами, могли превратиться

Керамическая фигурка собаки. Восточная Хань (25–220 гг. н.э.). Столичный музей, Пекин

в птицу «о девяти головах». Также известны мифы, объясняющие природу солнечных и лунных затмений нападением на светила Небесной Собаки. Таким образом, сюжет о нападении Небесной Собаки на злого демона в облике девятиглавой птицы, возможно, восходит к солярному мифу.

Обратимся вновь к образам Эр-лана и Чжан-сяня – хозяевам Небесной Собаки и по совместительству защитникам как от нее, так и от других демонов. Известно, что они, как и Стрелок И, были героями-лучниками. По мнению В. Эберхарда, их образы родственны, и мифы о них имеют южное происхождение. Доказательством их древности могут служить находки в провинции Сычуань на памятнике Саньсиндуй (датирован XVI–XII вв. до н.э.), где в яме-жертвеннике нашли бронзовую модель мирового дерева, на ветвях которого сидели девять (возможно, десять) солнечных птиц (Комиссаров, 2010).

Как уже говорилось, спутником и помощником Эр-лана была собака (возможно, небесная), которую Чжан-сянь, в свою очередь, покорял стрельбой из лука. Известно, что нередко в мифах изначально зооморфные персонажи со временем эволюционируют в антропоморфных, при этом их зооморфные черты

вытесняются в атрибуты и символы ездовых животных, животных-спутников или жертвенных животных данного персонажа. На это указывали В. Я. Пропп («Герой и его помощник есть функционально одно лицо. Герой-животное преобразовался в героя плюс животное», 2002) и О. М. Фрейденберг («...Звериное предшествование бога становится его атрибутивным животным, или его жертвенным животным, или остается в его прозвище», 1997). Таким образом, божества Эр-лан и Чжан-сянь, возможно, первоначально представлялись в облике собаки.

Наш самый верный друг

Если отвлечься от собаки как мифологемы и обратиться к ней как к живому существу, то нужно отметить, что собаки были одомашнены в Китае достаточно давно, хотя, вероятно, позднее, чем в Европе и Северной Азии (впрочем, дискуссия по данному вопросу продолжается).

С. А. КОМИССАРОВ:

Отношение к собачатине как к пище в современном Китае неоднозначно. Думаю, что большинство собственно китайцев (ханьцев) его сейчас не вкушают, но никто не мешает это делать другим. В том же городе

Лэйчжоу публикуются фотографии ошпаренных собачьих тушек с пояснением, что вареное собачье мясо – лучшая закуска к местной рисовой водке (типа саке) и пиву.

Впали ли мы сами в грех собакоядения? Отвечу честно: я – да, Маша – нет. Как-то в одной довольно глухой глубинке провинции Хунань радушные хозяйки очень настойчиво потчевали нас накрошенной в миски собачатиной. Но Мария Андреевна сказала местным гурманам, что если она отведала хотя бы кусочек, то не сможет смотреть в глаза своей собаке, когда вернется в Новосибирск. И ее поняли. У меня же такого оправдания, увы, не случилось. Поэтому могу констатировать: во-первых – невкусно, во-вторых – собачку очень жалко

Самые ранние на данный момент костные останки (33 образца, минимальное число особей – три) были исследованы зооархеологами на памятнике Наньчжуантоу в провинции Хэбэй. На основании ряда признаков (величины и формы нижней челюсти, размера зубов и др.) установлена их принадлежность именно к домашним, а не диким животным. Находки датированы периодом раннего неолита (около 8 тыс. лет до н.э.), поэтому именно их принято считать наиболее надежными ранними свидетельствами одомашнивания собаки на территории Китая. Признаки, характерные для одомашненных животных, такие как меньшая по сравнению с волком длина челюстей, проявляются на этих образцах достаточно ярко, что свидетельствует о длительном периоде domestikации (У Чжуан и др., 2016).

По-видимому, уже в некоторых неолитических культурах на территории Китая (Давэнькоу, Лянчжу, луншаньские культуры) домашняя собака наряду со свиньей была одним из важных источников белковой пищи. Это подтверждается находками костей собак, в том числе с характерными следами закалывания животных и разделки туш, на территории памятников, в мусорных кучах и других местах. Так, в погребении культуры Давэнькоу на памятнике Едянь (провинция

Шаньдун) кости собаки были найдены вместе с костями свиньи и курицы в куче керамики – возможно, это были остатки жертвенной пищи.

Повседневное и ритуальное употребление в пищу собачьего мяса у народов Азии широко известно и по этнографическим материалам, и по письменным памятникам. На территории Китая мясо собак в пищу употребляют буи, мулао, кава. Среди традиционных праздников чжуанов есть праздник собачьего мяса, распространенный в уездах Цзинси, Лунлинь и Дэбао в Гуанси-Чжуанского автономного района. Отмечают его каждый год в 5-й день 5-го месяца или 22-го числа 2-го месяца по лунному календарю. По поверьям, собака обладает чудесными способностями защищать от злых сил, и эти способности проявляются именно в этот день. Что касается поедания собачьего мяса, то считается, что оно полезно для здоровья и может продлить жизнь. Поэтому в день праздника в каждой семье убивают собаку; если семья бедная и не имеет своей собаки, мясо покупается на рынке. У ханьцев традиция употребления в пищу мяса собак также имеет давнюю историю. Сведения об употреблении собачьего мяса содержатся в «Хуайнань-цзы» (II в. до н.э.) Лю Аня, «Чжоу ли» (II в. до н.э.), «Шовэнь цзецзы» (I в. н.э.) Сюй Шэня и других древних и средневековых китайских памятниках. Собачье мясо было одним из важных мясных продуктов в период империй Цинь и Хань (Пэн Вэй, 2007). Как показывают этнографические данные, употребление в пищу мяса собак нередко связано с определенными представлениями о его целебных и даже магических свойствах, оно используется и в качестве лекарственного средства. Это позволяет предполагать формирование особого культового отношения к собаке уже в каменном веке.

Следует отметить, что еще в древности многие культуры и этносы Китая отказались от употребления собачьего мяса и, возможно, даже табуировали его. Уже на некоторых неолитических памятниках (Цзяху, Лунцючжуан), где было отмечено ритуальное использование собак, на их ископаемых костях полностью отсутствуют характерные следы срезания мяса и т.п., что, вероятно, может свидетельствовать о формировании табу на поедание собачатины.

Подобные запреты были зафиксированы этнографами у некоторых других народов Китая, и особенно ярко – у народов группы мяо-яо, считавших своим предком пятицветного пса Паньху. Собачье мясо было табуировано и у маньчжуров, которые тоже почитали собаку как прародителя, защитника и помощника.

Помимо объекта гастрономии, в древнем Китае собака могла, вероятно, использоваться также для охраны жилищ и на охоте, как транспортное средство и – важно! – как товарищ по детским играм. Указания на это содержатся в письменных источниках более позднего

времени, таких как «Люйши чуньцю» (III в. до н.э.) и «Ли цзи» (I в. до н.э.). Однако археологические данные о существовании подобных вариантов использования собак в период неолита и ранней бронзы пока не известны.

Завершая краткий обзор очень важной темы, выполненный на китайских материалах, хотим выразить уверенность в том, что полученные результаты послужат укреплению важной связи между «Городом» (ойкуменой) и его псами. Мы с еще большей любовью и заботой будем относиться к нашим четверногим спутникам, которые прошли с человечеством значительную часть его непростой истории.

Литература

Алимов И. А. Древнекитайские памятники о собаке // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып. 5–6. С. 257–261.

Дмитриев С. В. Доместикация в Китае: попытка обобщения данных // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 238. С. 82–97.

Комиссаров С. А., Кудинова М. А. Образ Небесного Пса в китайской мифологии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 70–79.

Кудинова М. А. Доместикация собаки и ранний период развития собаководства на территории Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 10: Востоковедение. С. 16–21.

Новиков А. В., Кудинова М. А. Собачье мясо в традиционной китайской медицине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 475–478.

Mair V. H. Canine Conundrums: Eurasian Dog Ancestor Myths in Historical and Ethnic Perspective // Sino-Platonic Papers. 1998. № 87. 74 p.

Savolainen P., Zhang Ya-ping, Luo Jing, et al. Genetic evidence for an East Asian origin of domestic dogs // Science. 2002. V. 298. N. 5598. P. 1610–1613.

В статье использованы фото из архива авторов и А. Соловьева

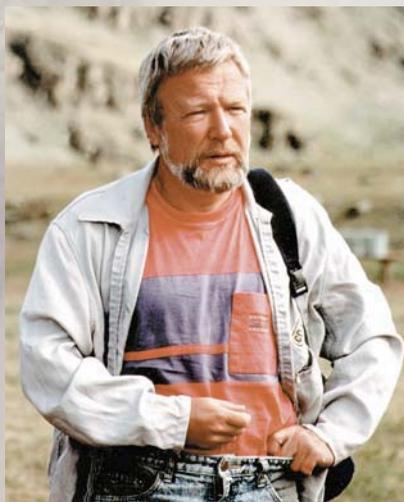
Авторы и редакция благодарят Александра Соловьева за любезно предоставленные фотографии

За десять лет раскопок удивительного памятника Сопка-2, расположенного в Центральной части Барабинской лесостепи, обнаружено огромное количество захоронений. Да разве дело только в количестве? Многие комплексы, которые нам посчастливилось обнаружить, были просто уникальны. И уж, конечно, невозможно переоценить то, что на этом «острове мертвых» сосредоточены погребения практически всех археологических культур: от эпохи неолита до позднего средневековья, выявленных на сегодняшний день в Обь-Иртышской лесостепи

Странствующий рыцарь

Загадочный воин сложил голову на территории Барабы

МОЛОДИН Вячеслав Иванович — академик РАН, первый заместитель председателя СО РАН, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН

Погода испортилась. Сильный северо-западный ветер гнал низкие свинцовые тучи, часто прорывающиеся дождем. Нашу сопку – голый террасовидный останец, возвышающийся над равниной Барабы в месте впадения Тартаса в Омь, – продувало нещадно. Растяжки палаток едва выдерживали порывы ветра. Короткий осенний день, не успев начаться, быстро сменялся сумерками. Стоял самый конец сентября...

Сезон завершался, оставались последние три-четыре дня. По обыкновению вдруг оказывается, что сделать еще нужно очень много, а времени уже почти нет. Почти нет и народа. Многие разъехались – кто на учебу, кто на работу.

Я выверяю полевую документацию. Стол мой стоит в палатке, и здесь вполне можно работать. Проверить последние дневниковые записи, сверить чертежи с описанием – и можно смело поставить точку. Правда, остался еще один раскоп – точнее, небольшой его участок, – но и его сегодня закончим. Грунтовый могильник эпохи ранней

бронзы мы, кажется, докопали. Это видно по генеральному плану, где сведены все погребения и конструкции. Контрольные раскопы не дали результатов. Значит, все. Я еще раз смотрю на лежащий передо мной огромный лист миллиметровки, на нем – генеральный план раскопа. Точно – все.

Отряд поделен на две группы. Девчонки занимаются сбором имущества, которым обрастаешь за сезон как-то незаметно. При погрузке всегда выясняется, что половина «барахла» почему-то в машину не входит. К тому же добавляются находки. Собственно говоря, именно ради них мы здесь. Мой аспирант Борис подписывает ящики с антропологическим материалом. С этим, кажется, все в порядке.

Ветер пронизывает буквально до костей. Теплая куртка не спасает. Работы ведутся неподалеку – триста метров от кухни и столовой и примерно столько же от моей палатки. Прекрасно вижу ребят: низко склонившиеся спины, летящие комья земли. Идет последняя подчистка материковой поверхности.

© В. И. Молодин, 2004

Не говори «гоп»...

Неожиданно одна из фигур решительно направляется в мою сторону. По-видимому, закончили подчистку и послали за мной. Саша идет все быстрее, потом с шага переходит на бег.

– Пятно, Вячеслав Иванович, могила.

Только этого нам не хватало. Именно сейчас, когда такая ужасная погода, когда у всех «чемоданное» настроение, когда все видят себя дома. Позади полгода поля. Да еще поля-то сибирского.

– Я же говорил тебе, начальник, не берите этот последний участок, – смеется Олег, наш шофер. – Теперь сели...

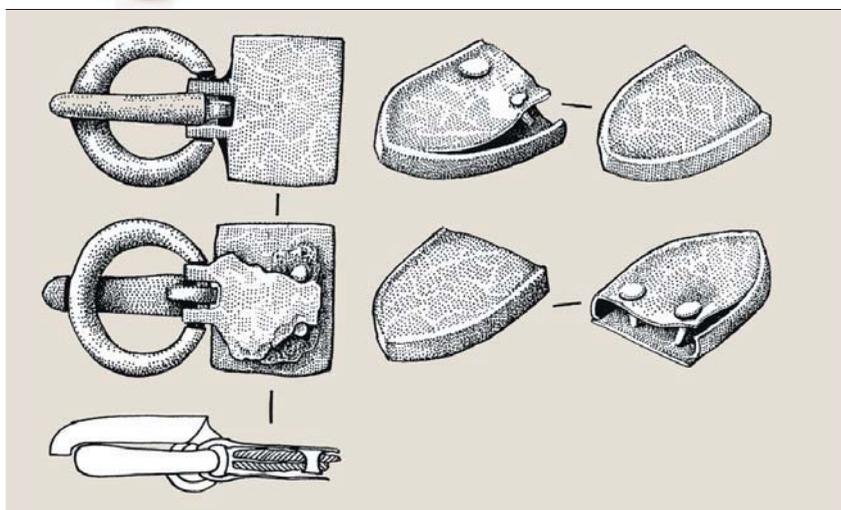
Смех его какой-то невеселый. А может, мне это кажется? С Олегом мы вместе с тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Пятнадцать полевых сезонов. Лучше него трудности в отряде не переносит никто. Удивительно добрый и веселый человек – душа коллектива. Неужели тоже заскучал?

Подходим к раскопу. Да, никаких сомнений. Большое могильное пятно прекрасно читается темным правильным прямоугольником на желтом глиняном дне.

– Ну что же, братцы, приуныли? – мой искусственно бодрый тон явно не вяжется с резкими порывами ветра и вдруг заморосившим дождем. – Все по теории: самые замечательные находки бывают в контрольных бровках и в последние экспедиционные дни.

– Неужели продолжение могильника? – без улыбки и даже как-то зло говорит Андрей.

– Не думаю, – у меня уже мелькнула подобная мысль. – Смотрите, у пятна иная ориентация, плюс цвет не совпадает, более темное заполнение, да и топографически оно не вяжется с выявленными нами ранее рядами погребений эпохи ранней бронзы.

– Конечно, ребята, – подхватывает Ольга. – Какой-то одинокий странник забрел в наши сибирские края, погиб здесь и похоронен!

Ольга почти угадала. Но тогда мы, конечно, этого еще не знали.

– Ну что, Андрей, – говорю своему заместителю, – основные силы срочно давай сюда. Бориса, Саню, Ольгу. Распакуйте брезент и в случае необходимости натяните его над погребением.

Кобеду на лопатах прошли сантиметров пятьдесят в глубину могилы. Черное заполнение не заканчивается, значит, до дна ямы еще не близко. Кажется, действительно погребение.

После обеда дождь прекратился, но похолодало. Даже самые стойкие

Серебряная пряжка и накладки поясного набора. Именно пряжка позволяет с точностью до века датировать погребение

облачили в теплые перчатки и шапки.

– Докапывать будем под снегом, – иронизирует Олег, допивая горячее какао. – А заодно и зазимуюем.

– Ничего, Олег Федорович, – отвечаю ему в тон, – зато северную уточку наконец-то дождемся.

Олег – страстный охотник, и напоминание о северных утках, на которых каждый сезон мы мечтаем поохотиться, поднимает ему настроение.

Обед закончен. И без раскочки сразу идем на раскоп. Шутки шутками, а того и гляди выпадет снег.

Почти сразу Сашина лопата упирается во что-то твердое. Все, нужно менять инструмент. Начинаем работать совками, ножами и кисточками. В могиле помещаются только двое, но зато чаще меняю смены. Сок – не лопата. Он не согревает, и теперь теплее тем, кто не работает. К тому же рядом с раскопом разводим костер.

Первые находки

А в могиле уже видны кости лошади. Ситуация осложняется. Расчистка скелета коня – дело чрезвычайно трудоемкое. Как всегда при авралах, работаем без перекуров, посменно, до самой темноты. Шутки уже не слышно. Мороз крепчает, и влажная глина – заполнение погребальной камеры – тут же превращается в холодные, смерзшиеся комочки.

Но работа спорится. Наконец открывается скелет лошади.

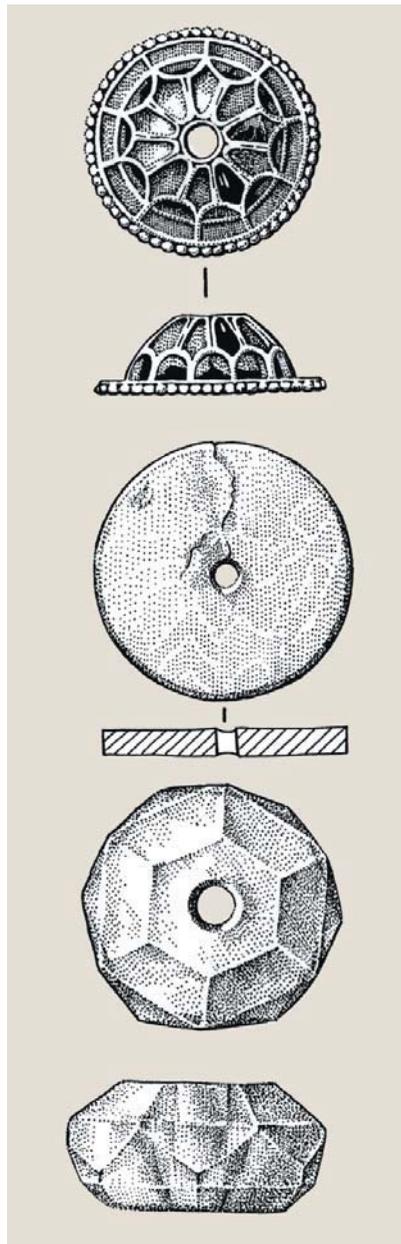
– Так, ребята, – говорю, – это не эпоха бронзы, и к могильнику погребение отношения не имеет. Тут что-то другое и, похоже, значительно более позднее.

– Тюрки здесь чаще всего хоронили лишь чучела коней, – вторит мне Андрей, расчищая голову лошади. – Ко всему, и погребенного-то нет.

На ужин так и уходим в неведении. Могила надежно укрыта плотным брезентом.

Темнеет рано, а погода все хуже. Ветер такой, что и костер не согревает. Ужин моментально остывает в чашках, и только горячий чай как-то поднимает общее настроение. Скорее в палатку, в теплый сухой спальник.

Перед сном занимаюсь привычным делом – полчаса на личный дневник, потом пытаюсь почитать, но мысли снова и снова возвращаются к найденному погребению. Что-то ждет нас завтра?

Все составные части навершия – нефритовый диск, хрустальная «шайба» и золотое навершие – нанизывались на бронзовый гвоздь

Только бы снега не было – думаю, уже засыпая.

А завтра...

Утро выдалось хмурым и морозным. Ветер, слава Богу, утих. Имущество собрано, ящики с находками запакованы. Все готово к отправке. Осталось последнее в этом сезоне погребение № 688.

Находки появились сразу – два костяных псаля от удил,

Серебряная обкладка нижнего конца ножен великолепно сохранилась

украшенные на концах круглыми шишечками. По форме они удивительно напоминали бронзовые псалии начала эпохи раннего железа. Значит, погребение относится к VIII – VII вв. до н.э.? В это время на территории Барабы обитали племена позднеирменской культуры – переходной от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Однако известные нам захоронения по своему обряду абсолютно отличались от того, что мы в данный момент раскапывали.

Что-то еще настораживало меня. Снова спустившись к уже расчищенному захоронению лошади, я понял, в чем дело. Меня смущало железо. Кусочки железной окалины плотно прикипели в местах их соприкосновения с псалиями. Сами удила в погребение не положили, но в том, что они были железными, – сомнений не оставалось.

– А не кажется ли вам, – спросил я своих друзей, – что для этого периода рановаты удила из железа?

– А как же форма псалиев? – спрашивает Андрей.

– Форма действительно напоминает классические переходные, – отвечаю, – хотя им и не тождественна. К тому же псалии

переходного времени, как ты понимаешь, изготавливали из бронзы. Так что давайте-ка... работать дальше.

Теперь с лошадью предстоит кропотливая работа. Ее нужно зарисовать именно так, как она лежит в могиле, и сфотографировать. Дело само по себе не трудное, но, когда на морозе стыннут пальцы, и не из легких.

Пока Ольга рисует, Володя фотографирует. Мы дружно обсуждаем вероятную датировку захоронения. В конце концов сходимся на том, что это эпоха железа. Более уточнить дату пока сложно.

Наконец, все зарисовано и сфотографировано. Ребята разбирают скелет лошади и тут же аккуратно упаковывают кости в ящики. Эти кости могут содержать неценную информацию для специалиста-остеолога, а он поделится ею с нами.

Работу продолжаем совками. Контур могилы остается прежним, мы углубляемся все дальше и дальше, а заполнение все продолжается.

– Может быть, лопатой? – Борис вопросительно смотрит на меня.

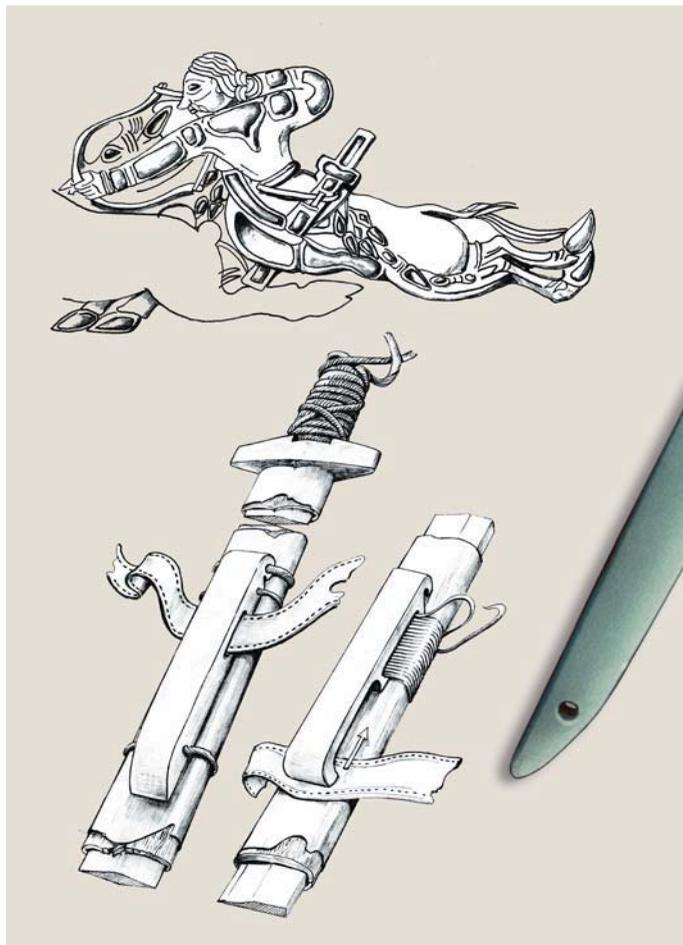
– А вдруг уже рядом? – отвечаю я, протягивая Борису саперную лопатку.

Осторожно погружая ее короткое лезвие в плотный грунт могильной ямы, он срезает тонкие пластины земли. Виктор насыпает их в ведро и подает наверх.

Захоронение

И вот на глубине около метра от уровня материка снова преграда. Кажется, мы добрались до главного – до захоронения человека.

Тот, кто когда-нибудь бывал в археологической экспедиции, кому хотя бы раз приходилось заниматься расчисткой погребений (или хотя бы при этом присутствовать), знает, сколь трудоемкое и непростое это дело. Смысл работы заключается в том, чтобы, не сдвинув

Португеза крепилась к ножнам при помощи нефритовой скобы

Время обеда. Наташа с Галей, чуть не плача, требуют всех к столу. Еда при такой погоде стынет моментально, а девочки хотят, чтобы было вкусно. Нехотя подчиняемся. Борис остается в яме, обед ему несут прямо на раскоп.

К вечеру все кончено. Мы успеваем все сделать до снега, который начинает падать крупными мокрыми хлопьями уже ночью. Комплекс после идеальной (несмотря на мороз!) расчистки зарисован, сфотографирован, разобран и тщательно упакован. Описание я заканчиваю у себя в палатке под шуршание первого в этом году снега.

Кто же ты?

Захоронение было уникально. И дело даже не в золотых и серебряных предметах, обнаруженных в могиле. Дело, прежде всего, в необычных вопросах и загадках, вставших перед нами.

Погребенным оказался достаточно молодой мужчина в возрасте 35—40 лет. Он был положен на дно довольно глубокой могильной ямы на спину, тогда как его коня погребли над ним уже при засыпке ямы. Мужчину сопровождал в мир иной железный палаш метровой длины с прямым, односторонне заточенным лезвием. Оружием такой формы пользовались на огромных пространствах Евразии в первой половине I тысячелетия н. э. Палаш носился в ярко-красного цвета (судя по остаткам мельчайших волокон) ножнах, изготовленных из дерева. Нижняя часть ножен украшена массивной серебряной обоймой прекрасной сохранности, длиной около 20 см. Такие обкладки ножен были особенно популярны у сармат, населявших в то время восточно-европейские степи. Но даже там, в классических сарматских

со своего места ни одного предмета, ни одной косточки, удалить из могильной ямы весь заполняющий ее грунт. Иногда археологу приходится буквально парить в воздухе над раскопом, работая тончайшими инструментами – скальпелем или кисточкой, чтобы не нарушить и не потревожить того, что сотнями и тысячами лет хранила земля. Что там говорить – расчистка погребений требует профессиональных навыков, знаний и умений. Нелишне обладать и особыми талантами – есть этот дар у некоторых профессионалов. Труднейшую и ответственнейшую процедуру они проводят прямо-таки ювелирно, под стать по технике, пожалуй, классному хирургу.

Я не сомневаюсь ни в одном из моих коллег. Почти у всех,

несмотря на молодость, за плечами уже не один полевой сезон самостоятельных исследований. Об их желании работать, любви к археологии я уже не говорю. Кто же без любви к этому делу будет почти зимой, за мизерную плату, о которой и говорить-то стыдно (а потом – все равно никто не поверит), лежа животом на ледяных досках, час за часом буквально по миллиметру расчищать погребение?!

В могильной яме остаются двое – Борис и Виктор. Остальные помогают сверху. Кто подает инструмент, кто поднимает ведро с землей, кто советует. Часа через два внизу остается один Боря. Вдвоем там уже не поместишься, да и Борису-то приходится проявлять чудеса эквилибристики, чтобы, стоя на узком пятачке, расчищать захоронение.

А это Бараба летом

комплексах, до сих пор не найдена обкладка подобного качества и подобной сохранности!

Ножны с палашом носились на портуpee, крепившейся к ним при помощи специальной скобы. Скоба изготовлена из замечательного молочно-белого нефрита. Распространение подобных крепких скоб в гунно-сарматскую эпоху было чрезвычайно широким. Наше изделие, скорее всего, сделали в Корее – именно там мы находим ближайшие аналоги, да и нефрит как поделочный камень широко использовали именно на Востоке. Вместе с племенами гуннов эти предметы распространялись далеко на Запад, вплоть до Босфора. Вот и первая версия. Не представитель ли гуннского воинства, покорившего тысячемильные пространства Азии и Европы, перед нами?

Портуpeeя с палашом носилась на поясе. Массивная серебряная пряжка украшала эту обязательную принадлежность каждого воина. Для нас, археологов, эта пряжка значима вдвойне. Она не только представляет известную художественную ценность, но и дает

возможность с точностью до века датировать весь погребальный комплекс. Но здесь нас поджидала новая загадка. Похожие пряжки были в ходу далеко к западу от этих мест. Самые территориально близкие к нам аналогичные изделия находят лишь в Прикамье, да и то нечасто.

Так кого же мы откопали? Алана? Или, быть может, сармата?

Искать его родину на западе подсказывала и интереснейшая по своей конструкции рукоять палаша, помещенная в погребение в разобранном виде. Сама рукоять – по всей видимости, выполненная из дерева, – не сохранилась. Зато нам

Загадочным воином явно владела охота к перемене мест

в руки попало великолепное навершие рукояти, состоящее из четырех частей. Нижней ее частью была круглая шайба со сквозным отверстием в центре, сделанная из белого нефрита – точно такого же, что и скоба. На шайбу помещалась массивная хрустальная бусина правильной восьмиугольной огранки. Сооружение венчала золотая полусфера – ее верхняя часть была украшена сердоликовыми ярко-красными вставками. Все составные части навершия крепились на рукояти с помощью бронзового гвоздя – он служил стержнем, на который они нанизывались.

Подобные украшения были чрезвычайно модны в ту эпоху. Их присутствие в археологическом комплексе служит визитной карточкой гунно-сарматского времени. Особой популярностью подобные предметы пользовались опять-таки в аланском мире, хотя проникали и на Восток. В частности, на равнинном Алтае профессор А. П. Уманский

Барабинская низменность (или, по-другому, Барабинская лесостепь) расположена в южной части Западной Сибири, между Обью и Иртышом. Здесь находится уникальный памятник Сопка-2, где обнаружены погребения практически всех археологических культур, выявленных в этом регионе. Так выглядит Сопка и наши многолетние раскопы на ней с вертолета

Они разгромили Великий Рим. Неужели это удел всех империй?

сравнительно недавно обнаружил ставшее уже знаменитым Тугозвонское захоронение с огромным количеством золотых украшений с эмальями и вставками из драгоценных и полудрагоценных камней.

Находки из захоронения № 688 были изготовлены в разных, сильно удаленных друг от друга, точках Евразии, свидетельствуя о том, что их хозяином явно владела охота к перемене мест.

Но и на этом загадки погребения не закончились. Сам погребальный обряд оказался по своей сути достаточно синкретичным. Судите сами. По конструкции и ориентации он сопоставим с гуннским некрополем близ Иволгинского городища в Восточной Сибири, да и вышеупомянутое Тугозвонское захоронение равнинного Алтая

вполне аналогично Барабинскому. С другой стороны, ярусное помещение в могилу умершего человека и лошади напоминает захоронения гуннского времени, но уже Горного Алтая! Наконец, удила местного, западносибирского, производства идентичны найденным в могильнике VI века н.э. в Прииртышье.

Ну хорошо, – думал я, – пусть мы имеем дело с сильным территориальным разбросом аналогий. В конце концов, это понятно. Данную эпоху недаром называют в истории «Великим переселением народов». Мощные подвижки центрально-азиатского этноса, причиной которых были передвижения гуннских полчищ, снимали с насиженных мест массу других народов. Вместе с людьми кочевали и вещи. Но кто же был этот чело-

век? Воин, бескорыстно искавший приключений? Странствующий рыцарь, сложивший свою буйную голову в Барабе? Или коренной абориген, добывший в сражениях столь богатое оружие?

Помочь ответить на эти вопросы мог только антрополог. Я обратился за помощью к старшему научному сотруднику нашего института, кандидату биологических наук Татьяне Чикишевой. Однако попытка разгадать одну загадку поставила нас перед другой. По своим антропологическим особенностям, погребенный абсолютно отличался от западно-сибирских аборигенов IV – V вв., захоронения которых были исследованы. Более всего наш рыцарь напоминал людей из могильника, расположенного... где бы вы думали?... не на востоке и не на западе, а на юге, в Туве!

И подумалось мне, что права была Ольга, когда говорила о кочующем страннике. Побывал он со своим отрядом и далеко на востоке, и на запад заглядывал, а смерть свою нашел в Сибири. Тяжелое и жестокое было время. Походы таких вот рыцарей сокрушили Римскую Империю – самое могучее государство Европы. Великая цивилизация погибла под ударами варваров. Неужели это удел всех империй? А моя родина, сотрясаемая нынче распрями, растаскиваемая на части объявившимися удельными князьками?

Осень 1991 года, мы снова на Сопке. Я сижу в своей палатке и заканчиваю писать эти строки. Грустно.

Бараба, сентябрь 1991 г.

Березовые колки перемежаются с болотами и лугами. Множество рек – больших и малых. И две с половиной тысячи озер. Это и есть Бараба, по которой кто только не проходил в давнем прошлом... На заднем плане – Сопка и палаточный лагерь нашей экспедиции

МЕЧ

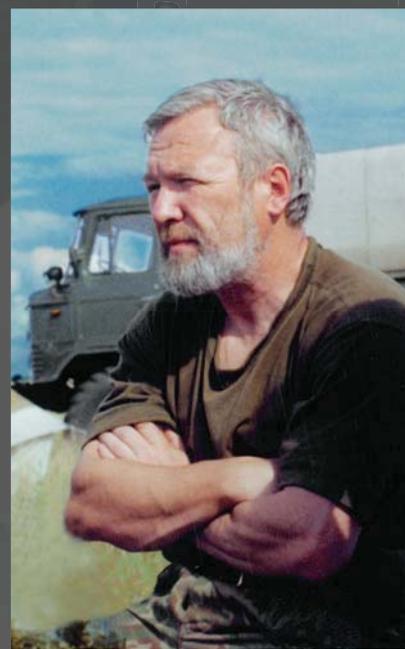
КАРОЛИНГОВ

Меч только что извлекли из земли. Он – в руках у Кости Самойлова, рядом справа – автор. Вокруг – студенты, счастливые участники событий

Сидя в палатке, освещенной слабыми бликами свечного огарка, я заканчивал описание очередного захоронения детского андроновского могильника, который мы обнаружили в Барабе, на правом берегу реки Оми, неподалеку от села Преображенска. На могильник натолкнулись случайно, раскапывая более древнее поселение так называемой кротовской культуры. Небольшое, явно детское захоронение перерезало культурный слой жилища. Конечно, такая находка — несказанная удача для археологов: почти неизвестная в то время кротовская культура обретала четкие хронологические рамки. Несмотря на молодость, я осознавал это отчетливо и потому стал расширять раскоп, пытаюсь нащупать всю площадь грунтового могильника, не имевшего рельефных признаков. Расчеты оправдались: на моем генеральном плане раскопок границы некрополя расширялись. Сам по себе он тоже был крайне интересен: погребения были непотревоженными. В каждом из них стояли характерные для культуры сосуды, попадались бронзовые и даже золотые украшения, представляя не вполне стандартный для андроновской культуры погребальный обряд. Удача сопутствовала нам.

В этом году отряд был большой. Впервые я получил как никогда много денег на раскопки, автомашину ГАЗ-66 и разрешение вести работы в поле с мая по октябрь. В состав отряда входили студенты-практиканты только что открытого Омского госуниверситета, Новосибирского пединститута и школьники. А костяк составляли мои первые ученики — Саша Арапов, Витя Добжанский, Надя Нечепуренко, Витя Карякин, Саша

МОЛОДИН Вячеслав Иванович — действительный член РАН, доктор исторических наук, первый заместитель председателя СО РАН (г. Новосибирск), заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, член-корреспондент Германского археологического института, лауреат международной премии А. П. Карпинского

Липатов, Витя Май, Наташа Полосьмак, Витя Соболев, Саша Соловьев. Часть из них специализировалась у меня по археологии. Арапов, Карякин, Липатов и Май ездили в поле ради интереса — привлекала романтика походной жизни.

Такое обилие достаточно квалифицированных помощников позволяло вести раскопки сразу нескольких памятников, а наличие автомашины с надежным водителем Олегом Сентябовым за рулем — проводить эти раскопки на довольно значительном расстоянии.

Конечно, мотаться приходилось много. Почти каждый день, закончив дела на раскопе, я объезжал разбросанные по Барабе группы и возвращался в свой лагерь часто уже глубоко за полночь.

На завтра была запланирована поездка к самым отдаленным командам, работавшим у сел Туруновка и Венгерovo. На это мероприятие нужно было потратить целый день, однако поездка «с инспекцией» была совершенно необходима — ребята копали непростые поселенческие комплексы, и им могла понадобиться моя помощь.

За старшего на раскопе я оставил Сашу Липатова. Хотя он не бредил археологией, но человеком был в высшей степени надежным, ездил со мной уже третий сезон и многому успел научиться. К тому же мы начинали исследование нового участка, на котором, по моим расчетам, на захоронения должны были выйти лишь дня через два. Я наметил этот участок на черновом плане, оставалось сделать разбивку раскопа уже на месте, провести необходимую в таких случаях нивелировку поверхности — и можно начинать земляные работы.

...Погожим утром, какие часто бывают в Барабе в разгар лета, позавтракав, мы дружно отправились на раскоп. Наш лагерь раскинулся на живописной излучине Оми, на самом берегу реки. До раскопов было всего метров триста. В березовой роще, на краю слабо выраженной надпойменной террасы располагались курганы разных эпох и культур, кротовское поселение и тот самый детский андроновский могильник.

Студенты уже начали работу. Слышались шутки, смех — ребята были полны сил.

Липатов и его небольшая группа ждали меня на месте, где мы собирались разбивать новый раскоп. Свободная от берез площадка была уже очищена от высокой травы. Одним бортом новый раскоп должен был примыкать вплотную к уже отработанному. Другой край почти достигал проселочной дороги, проходившей по пологому краю террасы. Здесь возвышалось несколько могучих берез.

Я сказал Саше, что следует разбивать раскоп, не доходя до березы:

— Замучаетесь с корнями, да и дерево может пострадать. К тому же, судя по нашим данным, могильник сюда уже вряд ли распространяется.

Прямо в дерне, на очень небольшой глубине была расчищена довольно широкая полоска железа. Она на первый взгляд напоминала заржавленное полотно косы-литовки или полосу кровельного железа. Но что-то сразу насторожило меня...

Уточнив еще какие-то детали и пожелав ребятам удачи, я уехал. День пролетел незаметно. Работа и в Туруновке, и в Венгерovo продвигалась быстро. Находок было много, да и на раскопах меня ожидало немало интересного. Домой возвращались поздно вечером. Прежде чем ехать в лагерь, я, конечно, завернул на наши раскопы, благо темнеет летом совсем поздно.

За день ребята почти разобрали несколько насыпей курганов. На одном из объектов была даже сделана подчистка всей площади на уровне материка (нетронутая поверхность), и в центре сооружения красовалось массивное ярко-черное пятно — след могильной ямы.

На раскопе Липатова разбивка была завершена, по периметру белели свежие березовые колышки. Более того — довольно значительная площадь была уже освобождена от дерна, а это самая трудоемкая работа! Словом, все было сделано правильно и красиво. Мне, правда, не понравилось, что раскоп был разбит метра на два длиннее, чем мы договаривались — его дальний придорожный край почти уперся в огромную березу. В результате получился небольшой по площади, но очень сложный участок: дерево не пострадает, но кому-то из студентов придется здесь явно несладко. Самое же главное, что, по моим расчетам, грунтовый могильник сюда уже не распространялся, и работа предстояла, в общем-то, пустая. От таких мыслей настроение мое несколько испортилось, и даже горячий ужин, который показался нам с Олегом безумно вкусным, не особенно поправил положение...

Студенты сидели вокруг ярко пылающего костра и пели песни. Липатов, конечно, был в центре внимания. Он превосходно играл на баяне, на слух тут же безошибочно воспроизводил любую мелодию.

Как же хороши такие вечера! Какие песни мы только не пели! Душа отдыхает. Все заботы и хлопоты кажутся вполне преодолимыми. Все возвышенное и дорогое — обостряется, и ты живешь песней, вместе с нею мечтаешь, любишь, грустишь... В экспедиции петь любят почти все, поэтому хороший гитарист или баянист всегда в цене. Александр Липатов в этом отношении — личность совершенно незаурядная. И сегодня, тридцать лет спустя, встречаясь у него дома, мы всегда достаем баян...

...И в тот давний вечер музыка очень быстро сняла напряжение. Все мое недовольство и уже готовые сорваться с языка упреки рассеялись, как будто их и не было. Как всегда, по палаткам разошлись далеко за полночь.

Претензии Липатову я высказал утром. Саша не оправдывался. Сказал, что боялся ошибиться при разбивке раскопа и резонно решил: пусть уж лучше немного перекопает, чем не докопает. В общем-то, правильно решил...

На этом раскопе работа шла, как всегда, ударными темпами. Конечно, всех «заражал», прежде всего, сам Липатов, который мастерски управлялся с лопатой: работал азартно и красиво — давала себя знать крестьянская закалка.

Как обычно, на раскопках время для меня летело незаметно и очень быстро подвигалось к обеду. На одном из исследуемых курганов мы приступили к расчистке погребения. Дело кропотливое, трудоемкое и очень ответственное. Я всегда старался присутствовать

на раскопе в этот момент, чтобы не только помочь советом, но и зафиксировать какие-то нюансы и тонкости (которых всегда хватает!) в дневнике.

К раскопу подошел Костя Самойлов, работавший на объекте у Липатова. Глянув на часы, я решил, что ребята закончили немного пораньше. Когда остается совсем мало времени до обеденного перерыва, лучше не начинать новый этап земляных работ, дабы не оставлять взрыхленную землю в раскопе. Это железное правило, потому что если в перерыве вдруг пойдет дождь, то раскоп может превратиться в болото. Однако я ошибался. Оказалось, Костя пришел за мной, так как наткнулись они на «какую-то железяку» — прямо под деревом, у березы. Похоже, коса...

...Под березой столпились все обитатели Сашиного раскопа. Дерн был снят практически на всей площади, и только здесь, под деревом, зеленел островок нетронутой травы. Двое ребят медленно срезали кусочки дерна, а потом расчищали освобожденную площадь широкой щеткой. Ребята расступились, и я присел рядом

Наталья Полосьмак, студентка 4-го курса гуманитарного факультета НГУ, участник экспедиции, с мечом после реставрации в Эрмитаже (сейчас она известный исследователь пазырыкской культуры, доктор наук, главный научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск)

с работающими парнями. Действительно, прямо в дерне, на очень небольшой (3–5 см от поверхности) глубине была уже расчищена примерно сантиметров на 30 довольно широкая полоска железа. Она и вправду на первый взгляд напоминала заржавленное полотно косы-литовки или полоску кровельного железа, но что-то сразу насторожило меня. Липатов молча протянул раскопачный нож, и я присел на его место. Щетка еще раз прошла по металлу, сдувая с него комочки земли... Я не верил своим глазам. Неужели?! Сам беру щетку и расчищаю уже всю освобожденную полоску железа. Так и есть! По центру полоски проходит слабо заметная ложбинка — углубление...

— Так это же дол! — восклицаю я.

На меня смотрят с недоумением.

— Дол, — повторяю я и рисую карандашом на обрывке бумаги клинок.

— По центру древних мечей с двух сторон проходит ложбинка, которая называется дол. Никакая это не коса, а по-видимому, меч с долем! — уже не говорю, а почти кричу я...

Я попытался отправить всех на обед, но ребята, понятно, отказались ехать. Медленно, сантиметр за сантиметром мы удаляли кусочки дерна. По мере того, как полоска железа освобождалась все больше, становилось очевидным, что в одну сторону она явно расширялась, а в другую — сужалась. Это был, действительно, настоящий боевой клинок. Он, конечно, заржавел, однако, благодаря покрывавшей его плотной темно-коричневой патине, практически не пострадал. Потребовалось еще около часа, чтобы расчистить находку полностью, и нашим изумленным взорам предстал массивный, около метра длиной, железный меч с характерной для средневековых богатырских мечей железной рукоятью, с отчетливо выраженной перекладной гарды и трехчастным навершием. Сохранность изделия была просто удивительная, и все-таки я боялся приподнять его. Мы уже занесли меч

на генплан, зарисовали и сфотографировали, а я все медлил. Мне почему-то казалось, что стоит только приподнять предмет, как он неминуемо развалится в руках...

Поддев тонким лезвием раскопчного ножа, я приподнял изделие, и, взяв за рукоять и приостренную оконечность, все-таки оторвал от земли увесистый клинок. Я, конечно, видел подобное в музеях и на страницах научных книг, но в руках держал впервые: меч как будто только что прилетел к нам из русской сказки о богатырях. К тому же все то, что мне доводилось ранее видеть, было значительно худшей сохранности, чем наше сокровище.

Я медленно перевернул меч в руках. На рукояти и в центре лезвия блестели серебряные крапинки — пробивающиеся сквозь ржавчину инкрустации...

Находка пошла по рукам. Постепенно мы оправались от шока и заговорили все сразу. Удивлению и восторгу, казалось, не будет предела. Как попал этот, явно европейский меч сюда, в центр Западной Сибири?! Почему так прекрасно сохранился? Наконец, случайно ли то, что меч был найден на территории значительно более древнего, чем он сам, могильника? Все эти и многие другие вопросы тут же стали предметом оживленной дискуссии, в которой приняли участие все, кто был на раскопе.

В лагере я очистил находку от земли и уже без спешки рассмотрел ее. Меч был действительно великолепен, а сохранность такова, что им вполне можно было бы воспользоваться как боевым оружием. Интересно, что серебряные вкрапления поблескивали не только на рукояти, но и на обеих сторонах лезвия.

После того, как весь отряд с пристрастием рассмотрел находку, меч был тщательно упакован в деревянный футляр.

И вдруг меня как током ударило! А что если бы Липатов не ошибся и разбил раскоп в параметрах, которые указал я? Меч так бы и остался — уже навсегда — лежать под березой, пока коррозия, века через два-три, окончательно не справилась бы с ним?.. Вот уж, действительно, случайность из разряда фантастических! Кстати, позже, когда мы дошли до материка в этом раскопе, мои расчеты полностью подтвердились. Несколько детских андроновских захоронений мы на самом деле обнаружили примерно на той площади, что и предполагали. На участок же, где был найден меч, могильник не распространялся...

Саша, конечно, прекрасно понимал цену своей «ошибки», но соль мне на раны не сыпал и самолюбие молодого кандидата исторических наук не тревожил. Хватило и у меня ума публично порассуждать об «ошибке» Липатова, продемонстрировав тем самым всему отряду, кому мы действительно обязаны замечательной находкой.

У Алексея Павловича Окладникова было одно железное правило. После окончания полевого сезона он обязательно находил время для личного знакомства с материалами, полученными экспедиционными отрядами Института в поле.

Таким образом, директор прекрасно представлял себе не только сделанное за лето сотрудником, о чём можно было узнать и из наших регулярных отчётов, которые мы делали зимой на заседаниях отдела, но и знакомился с самим материалом, что для археолога — дело наиважнейшее. Польза была обоюдная. Окладников держал руку на пульсе событий, а его комментарии при совместном осмотре коллекций были для нас, молодых археологов, просто бесценны. Обладая энциклопедическими знаниями, удивительной памятью, А. П. высказывался по поводу увиденного, советовал, где можно посмотреть аналогии, щедро делился мыслями по поводу интерпретации материалов.

В 1975 году я вернулся из экспедиции уже в середине октября. Мы завершали сезон на Илимском остроге в Восточной Сибири. И здесь удивительных находок (как и приключений) было немало — однако это уже другая история.

В институте нас, начальников экспедиционных отрядов, всегда ожидали хлопотные дни. Нужно было сдавать финансовый отчёт, экспедиционное имущество, готовиться к отчёту научному. Наконец, нас ожидало самое главное — разборка добытого за лето материала, его обработка, подготовка научного отчёта в Москву, ну и, разумеется, научная работа — обобщение полученного в поле материала, работа над публикациями. При таком ритме, если, конечно, к делу относиться серьёзно, свободного времени практически не было.

Дня через два-три после приезда меня нашла на нашем чердаке референт Окладникова — Нэлли Васильевна Ворошилова.

— Шеф просил тебя зайти к нему после обеда. Хочет послушать о работах в Илимске, спрашивал, что ты там накопал.

Замечательных находок в этом году у нашего отряда было предостаточно. Бывают такие удачные годы. Это не связано с особым расположением звёзд на небе или с каким-то везением. Нет. Здесь, можно сказать, проявляется известный философский закон перехода количества в качество: количество сделанного обязательно переходит в качество, что в нашем случае проявилось в уникальности находок.

Для похода к директору я отобрал несколько бронзовых украшений и роскошный гребень, увенчанный двумя орлами, из могильника Кыштовка-1, золотые

Общение с Алексеем Павловичем Окладниковым, совместная работа с этим замечательным ученым всегда были для меня огромным счастьем. На этой фотографии запечатлен рабочий момент на стоянке Улалинка. На снимке справа А. П. Окладников, слева автор, в центре сотрудник Горно-Алтайского пединститута В. Н. Елин

серьги эпохи бронзы из Преображенки, несколько крестов-тельников из Илимского острога, деревянную фигуру распятого Иисуса — тоже из Илимска, и, конечно, меч.

Признаюсь: при встречах с Алексеем Павловичем я всегда испытывал некое душевное волнение, так как общаться с этим человеком всегда было непросто. Возможно потому, что А. П. видел, что называется, насквозь, не только проблемы, связанные с археологией, но и человека — его интеллектуальный потенциал в том числе. Опростоволоситься было стыдно. Алексей Павлович страстно любил археологию, всё остальное в жизни было для него как бы вторичным, и мне хотелось максимально походить на него. Излишне, думаю, говорить, как я дорожил мнением шефа и его оценкой моей работы.

Алексей Павлович слушал молча, изредка вставляя вопросы. Его действительно очень волновал Илимский острог, на котором я работал уже третий сезон. Срок затопления территории, на которой находился этот

памятник, приближался. Закончил я отчёт историей о мече, подчеркнув, что изделие явно европейское, датируется XI—XIII в. и что восточнее города Муромы такие мечи не находили. (Последние сведения я получил уже в Новосибирске, полистав специальные монографии по оружию.)

Доклад мой, похоже, понравился Алексею Павловичу:

— Срочно статью по мечу, Слава, в наши «Известия», и подумайте над тем, как он все же мог попасть в Барабу. Может, это меч самого Ермака?!

Получив такое задание, я на время отложил в сторону другие дела и взялся за статью. Конечно, тема эта была для меня новой, но крайне интересной, к тому же не давала покоя и мысль Алексея Павловича о Ермаке. Работу я закончил довольно быстро, и уже в 1976 г. в одном из номеров «Известий Сибирского отделения АН СССР» была опубликована моя статья «Находка меча из Западной Сибири», которая, надо сказать, до сих пор остается востребованной специалистами.

Весной 1977 года Окладников улетал в командировку в Ленинград. Приглашение принять участие в поездке было для меня неожиданным, но весьма значимым. А. П. решил, что мне необходимо сделать серьезный научный доклад в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Главное же, думаю, было в другом. Окладников договорился, чтобы барабинский меч отреставрировали в Государственном Эрмитаже, и примерно полгода назад я отвозил его ленинградским реставраторам. Работа, как нам сообщили, была закончена, предстояло ее принять. Конечно, Алексей Павлович мог это сделать и без моего участия, но он почему-то посчитал необходимым, чтобы я при этом присутствовал. К тому же в Эрмитаже мне нужно было проконсультироваться с нумизматами и специалистами по восточным металлическим зеркалам в связи с последними находками на позднесредневековом могильнике Кыштовка-2. В этих вопросах протекция академика была очень важна, а с профессором Иваном Георгиевичем Спасским — нумизматом мирового класса — Окладникова связывала совместная работа над материалами русских землепроходцев с острова Фаддея и залива Симса, полученными Алексеем Павловичем сразу после войны.

Забегая вперед, замечу, что поездка оказалась очень полезной и в целом успешной. Расскажу лишь об эпизодах, связанных с мечом, тем более что они небезынтересны, а порой даже забавны.

Итак, после моего довольно удачного доклада в ЛОИА Алексей Павлович предложил отметить это событие вечером в его ленинградской квартире, располагавшейся недалеко от Московского вокзала. А. П. был в прекрасном расположении духа, шутил и вспоминал много интересного из своей прежней ленинградской жизни. О консультации у Спасского Окладников договорился и вспоминал по этому поводу, как они с Верой Дмитриевной — женой и спутницей — сразу после войны, в труднейших сибирских условиях работали на побережье Северного ледовитого океана, изучая остатки стоянки русских арктических мореходов. Со смехом рассказывал, в частности, о посещениях экспедиционного лагеря любопытствующими и воровавшими продукты белыми медведями.

На следующий день, около 12-ти, мы должны были забирать меч.

— Так что не опоздайте, Слава, да не заблудитесь в Эрмитаже! — напутствовал меня Алексей Павлович на прощанье. Оказывается, отреставрированную находку нам должен был передать сам директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский, с которым у А. П. были очень теплые отношения.

От гостиницы Академии наук на улице Халтурина, где я остановился, до Эрмитажа — рукой подать. Рано утром со служебной проходной я позвонил И. Г. Спас-

скому, меня встретили и проводили в его кабинет. Через залы Эрмитажа, экспонаты которых чрезвычайно притягивали к себе, шли мы довольно долго, но поскольку сопровождавшая меня женщина явно спешила, я старался не отставать от нее, фиксируя в памяти номера залов.

Иван Георгиевич Спасский совсем не походил на профессора. В общении и внешне он скорее напоминал сельского учителя — знающего, мудрого и доброго. Но сразу подкупал великолепным знанием предмета: буквально за считанные минуты «разбросал» привезенную мной коллекцию монет и счетных жетонов по хронологии, сопровождая эту процедуру исчерпывающими комментариями. Я едва успевал записывать.

Вдруг раздался телефонный звонок. Звонил Окладников, сообщил, что время встречи перенесено и мне срочно надо быть у Пиотровского.

Бросать вот так, вдруг, Спасского было крайне неудобно, но А. П., как бы почувствовав мои колебания, бросил лишь одно слово «быстро!» и повесил трубку.

Легко сказать «быстро», оказалось, я почти не запомнил дорогу. Надо было, конечно, попросить, чтобы меня проводили до приемной директора, но подумал я об этом лишь минут через пять, когда понял, что через этот зал я вроде бы не проходил... Чудом мне удалось довольно скоро выйти к служебному входу, откуда до кабинета Пиотровского было совсем близко...

Директора Эрмитажа, к счастью, еще не было, но не успели мы с Алексеем Павловичем поздороваться, как в приемную вошел Пиотровский. Окладников представил меня.

— А меч-то вы, молодой человек, просто изумительный откопали. И как только он к вам в Сибирь попал? Ведь явно же европейская работа! — С этими словами Борис Борисович подошел к своему рабочему столу и протянул мне меч.

В моих руках был меч, однако это был уже совсем другой меч. После удаления ржавчины клинок тускло поблескивал характерным для железа стальным цветом, а рукоять была покрыта великолепным орнаментом, выполненным серебряной инкрустацией. Узор явно напоминал скандинавскую вязь. Но и это было еще не все! По обеим сторонам клинка красовались латинские буквы и какие-то знаки, без сомнения, составляющие надписи.

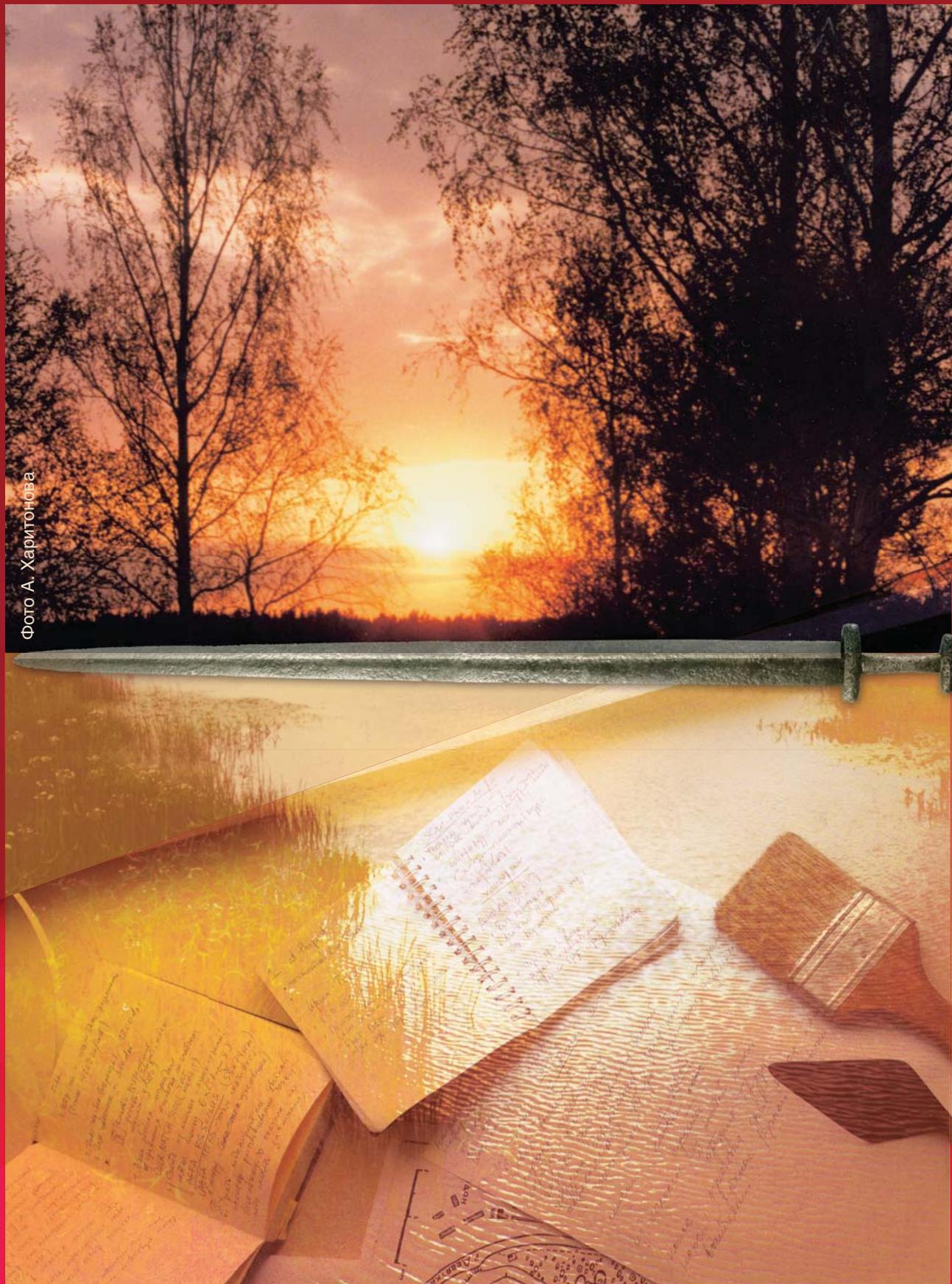
Я молча передал меч Окладникову, который был явно потрясен увиденным, пожалуй, не меньше, чем я.

— Блестящая работа, — сказал Алексей Павлович.

Пиотровский, явно довольный произведенным эффектом, с улыбкой спросил:

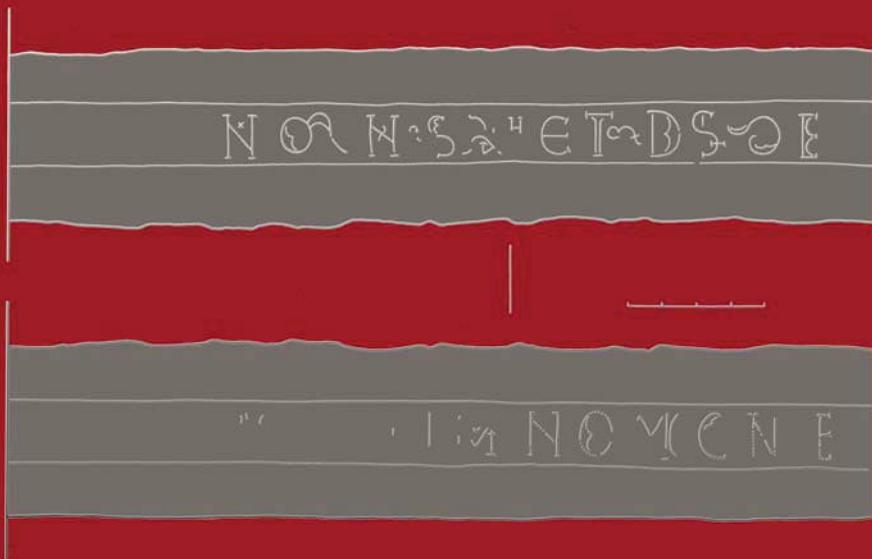
— Так что же, Алексей Павлович, как вам мое предложение? Это, несомненно, один из лучших по сохранности европейских мечей в нашей стране, и я бы с огромным удовольствием поместил его в экспозицию нашего музея.

Фото А. Харитонов

«N[omine] M[atris] N[ostri] S[alva]t[ORis] E[t]eRni] D[omini] S[alvatoRis] E[teRni]», «C[hRis]t[us] Ih[esus] C[hRis]t[us]» — «Во имя матери нашего спасителя вечного, господи спасителя вечного. Христос Иисус Христос». На обратной стороне клинка — «NOMENE»: «N[omine] O[mnipotentis]. M[at]eR]. E[teRni] N[omin]e» — «Во имя Всемогущего. Богоматерь. Во имя Вечного»

Окладников густо покраснел. Так всегда бывало, когда он сильно волновался или сердился. Однако хладнокровие в этот нелегкий момент не изменило шефу. Он тоже лукаво улыбнулся, глядя на Пиотровского:

— Я бы с радостью, Борис Борисович, так ведь он (кивнул Окладников в мою сторону) наверняка не отдаст.

И оба академика дружно рассмеялись. Напряжение тут же спало, а я торопливо стал заворачивать меч в оберточный материал, который лежал тут же на столе, чем еще больше развеселил корифеев.

— Да, бросьте вы, Слава, это занятие, — смеясь, говорил Пиотровский. — Отдадим, отдадим ваш меч, но пусть его все-таки реставратор запакует, как следует, ведь везти-то далеко!

Потом, прощаясь со мной в вестибюле, довольный и счастливый не меньше меня Окладников сказал:

— Конечно, прав Борис Борисович. Место ему в Эрмитаже, так ведь и наш музей хорош. Чего же мы родной Академгородок обижать будем?!

На следующий день мы вылетали домой. В Пулковском аэропорту предстояло проходить досмотр, который в те времена был более щадящий, чем в наши дни. О террористах мы знали только из книг и газет, однако случались продажи за границу антиквариата и особенно икон, поэтому необходимыми бумагами для провоза меча мы запаслись предварительно.

Меч, обмотанный мягкими тканями и дополнительно плотно перебинтованный, был запакован в специальную коробку. Распаковывать его до прилета в Новосибирск мне, естественно, не хотелось. А. П. посоветовал сходить в дежурную милицейскую часть и показать там сопроводительные документы, полученные в Эрмитаже.

Молодой парень, в штатском, быстро просмотрел бумаги и недоверчиво окинул взглядом упакованную коробку.

— И что, действительно, настоящий европейский меч?

В это время в комнату вошли несколько его коллег и тоже с интересом стали читать документы.

— А нельзя ли все-таки посмотреть? — сказал один из них. — Мы вам верим, конечно, но уж больно интересно.

Ну что тут поделаешь?! Пришлось меч все-таки распаковать! На смотрины собрался весь отдел милиции аэропорта. При этом пришлось ответить на десятки вопросов: и про меч, и вообще про археологию. На посадку меня провожали едва не последнего. Алексей Павлович и Саша Конопацкий (неизменный верный спутник и помощник А. П., который также в эту поездку был с нами) уже начали волноваться...

Так меч вернулся в Сибирь. Правда, в экспозицию Алексей Павлович помещать его тогда не рискнул,

опасаясь, как он сказал мне, «любопытствующих мальчишек, которые для приобретения подобного оружия готовы на все...» Не знаю, действительно ли опасался Окладников каких-то мальчишек, или были другие причины, но меч так в экспозиции и не попал...

Публично Алексей Павлович продемонстрировал его на заседании Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР. Эффект был потрясающим. Меч пошел по рукам, довольный Окладников давал комментарии и отвечал на многочисленные вопросы. В заключение Алексей Павлович указал на меня, как на автора этой «выдающейся», как он сказал, находки. Признаюсь, предстать в таком качестве перед элитой научного сообщества было очень приятно.

Так что же можно сказать о той давней находке сегодня, с позиций последних достижений науки? Мечу были посвящены две научные статьи. Первую по поручению А. П. Окладникова я написал сразу, по горячим следам. В ней в целом правильно определена хронология меча и сделана попытка представить пути, по которым это изделие могло попасть в Западную Сибирь.

В 1980 г. в альманахе «Памятники культуры» была опубликована статья Д. А. Дубоглава и А. Н. Кирпичникова «Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири». Исследование, выполненное уже после расчистки изделия в Эрмитаже реставратором Н. А. Серовой, дало возможность существенно дополнить имевшуюся ранее информацию. И если по датировке и одной из версий появления меча в Сибири расхождений у авторов почти не было, то мои ленинградские коллеги (профессор А. Н. Кирпичников является крупнейшим знатоком европейского оружия) предложили расшифровку надписей на клинке, что существенно обогащает наши знания о предмете. Кроме того, анализ написания букв позволил предложить сделать эту датировку более точной (узкой).

Основываясь на этих данных, можно сегодня поведать увлекательную и правдивую историю о преображенском мече. Конечно, не все в ней будет доказанным, тем не менее версии эти и сегодня используются моими коллегами-профессионалами. (Примечательно, что и в настоящее время меч является первой и единственной находкой европейского средневекового оружия в Азии!)

Итак, история меча уходит в XI — начало XIII вв. (судя по анализу надписи, последняя была выполнена в конце XII — начале XIII в., по-видимому, так и следует датировать эту находку). Клинок меча был изготовлен в Центральной Европе, вероятно, где-то на территории Германии, в бассейне Рейна, а затем оказался в Швеции или на острове Готланд, где клинок снабдили богато украшенной серебром рукоятью.

Об этом говорит специфический «рунический» узор, характерный для шведов и ливов. На обеих сторонах клинка была нанесена надпись, представляющая собой некое сокращение, при этом сама каллиграфия неопровержимо свидетельствует о «развитой стадии эпиграфических приёмов письма». Прочтение сокращённой латинской надписи оказалось делом непростым, тем не менее, оно было блестяще решено специалистами. В результате основная надпись, нанесённая на клинок, выглядит следующим образом: «N[omine] M[atris] N[ostri] S[alva]t[ORis] Et[eRni] D[omini] S[alva]toRis] E[teRni]», а дополнительная надпись на этой же стороне клинка «C[hRis]t[us] Ih[esus] C[hRis]t[us]», что в переводе означает: «Во имя матери нашего спасителя вечного, господина спасителя вечного. Христос Иисус Христос».

На оборотной стороне клинка начало надписи утрачено, и хотя оставшаяся часть позволяет реконструировать её с некоторой долей условности, тем не менее, отчётливо читаемое на клинке «NOMENE» можно реконструировать как: «N[omine] O[mnipotentis]. M[ateR]. E[teRni] N[omin]e», что в переводе означает: «Во имя Всемогущего. Богоматерь. Во имя Вечного».

Таким образом, религиозный посвятельный смысл надписи — имени Богоматери — очевиден.

Но как же попал этот замечательный меч, грозное и дорогостоящее оружие, за пять тысяч километров на восток от места изготовления?

Первый вариант ответа, предложенный мною и несколько дополненный Д. А. Дубоглавом и А. Н. Кирпичниковым, лежит, в общем-то, на поверхности. Его приняли и другие исследователи, обращавшиеся впоследствии в своих трудах к данной находке.

Меч мог попасть в Западную Сибирь благодаря торговым связям. Так еще в 30—50-е годы XII столетия Абу Хамид ал-Гарани, путешествуя по русским землям, сообщает о том, что восточные клинки завозились купцами в северную Югру. Именно здесь, на севере, проходил древний путь из Руси в Приобье, который носил название Зырянской дороги, или Русского теса. Путь этот действовал в XII веке и документирован, как сообщает В. П. Даркевич, по находкам динариев, гривен, серебряных сосудов и других предметов. В Зауралье, в Среднем и Нижнем Приобье обнаружены многочисленные предметы средневекового ювелирного искусства, попавшие сюда с запада. Так, на Урале зафиксировано более ста кладов серебряной утвари. В низовьях Оби найдена, например, серебряная чаша XII—XIII в. — редчайший образец лиможской черни. Прекрасные блюда из серебра с позолотой были неоднократно обнаружены, в том числе и в последние годы, этнографами нашего Института докторами исторических наук И. Н. Гемуевым и А. В. Бауло на святилищах хантов и манси Нижней и Средней Оби.

Предлагаемое объяснение, повторяю, выглядит вполне логичным, остается, впрочем, одно маленькое «но», которое предпочитают не замечать сторонники данной гипотезы.

А дело в том, что от Нижнего и даже Среднего Приобья путь в Барабинскую степь был также неблизкий и исчислялся не менее чем сотнями километров. Русские впервые попали на эту территорию только с отрядами легендарного Ермака, поэтому ни о каком «лесном торжище» в центре Барабинской степи говорить не приходится. Но если данная модель появления меча в Сибири все-таки верна, то на юг, в Обь-Иртышскую лесостепь, он попал, скорее всего, случайно — в результате обмена (или военного трофея?) между степным тюркоязычным и таежным угорским населением. Тем более, что контактная зона этих сибирских суперэтносов проходила всего в какой-то сотне километров от места находки.

Однако было у меня и другое объяснение. Правда, на него никто из ученых не ссылается, поскольку, вероятно, всерьез не принимают. Единственный, кому эта идея понравилась, был академик Окладников, об этом он даже написал в одной из последних своих работ...

Гипотеза, о которой я расскажу, выглядит настолько смело и даже фантастично, что сегодня, наверное, я бы никогда не вставил ее в научную работу. Но

Фото В. Музыки

с другой стороны — выглядит очень красиво. К тому же в жизни порой происходят события покруче самой смелой фантастики.

Я и сейчас, когда пишу эти строки, полагаю, что нельзя исключать вариант, что меч попал в Барабу вместе с отрядами Ермака. Ведь, несмотря на наличие у казаков огнестрельного оружия и сабель, даже стрелецкие отряды, экипированные более современным для своего времени оружием, еще пользовались мечами. Поэтому вполне возможно, что казаки Ермака имели их на вооружении.

Продвигаясь на восток, казаки постоянно сталкивались с отрядами хана Кучума, а в районе Барабинской степи — с мурзой Карачи, который имел кочевья по реке Оми. По некоторым свидетельствам осенью 1583 года мурза Карачи обманом заманил к себе в ставку сподвижника Ермака Ивана Кольцо вместе с отрядом в 40 человек и расправился с ними. Да, да, того самого легендарного Кольцо, который привез в подарок Ермаку доспехи от царя Ивана Грозного!

В данной связи уместно предположить, что ставкой Карачи могло быть городище XV—XVI века, расположенное в Барабинской лесостепи в каких-нибудь 2,5–3 км от места находки меча и в километре от современного села с названием... Старые Карачи! Не память ли это о мурзе Карачи и его владениях?!

Представим последний бой казачьего отряда, возглавляемого Иваном Кольцо. Нападение неожиданно. Кто-то сразу погиб от предательского удара в спину, кто-то успел выхватить саблю или меч и сражается с наступающими татарами. Силы неравны. Казаки пытаются пробиться сквозь толпу неприятелей, однако ряды бойцов быстро тают. Иван сразил уже не одного противника. В руках у него сверкает богатырский меч — подарок русского царя. В отчаянии Иван и еще несколько оставшихся в живых казаков буквально прорубают себе дорогу к коновязям, где оставлены верные кони. Удар, еще удар, и вот нога Ивана уже в стремях, и вот он уже мчится по степи, и конь все дальше уносит его от кровавой сечи. В спину дышит погоня, летят стрелы. Мимо! Снова мимо! И вдруг... что-то обожгло, перехватило дыхание. Меч выпадает из богатырской руки и остается лежать под стоящей у дороги молодой березкой... Левая рука еще какое-то время держит повод... Последнее, что увидел Иван Кольцо, — оскал догнавшей его низкорослой татарской лошади...

Может быть, я угадал и все было именно так, может быть, иначе... Но все-таки версию о том, что последним владельцем преображенского меча был легендарный Иван Кольцо, исключать не хотелось бы — уж больно красивая легенда!

Академгородок — Бараба.
Март — июль 2003 г.

Редакция благодарит сотрудника музея
ИАЭТ СО РАН, хранителя коллекции И. И. Кедрову

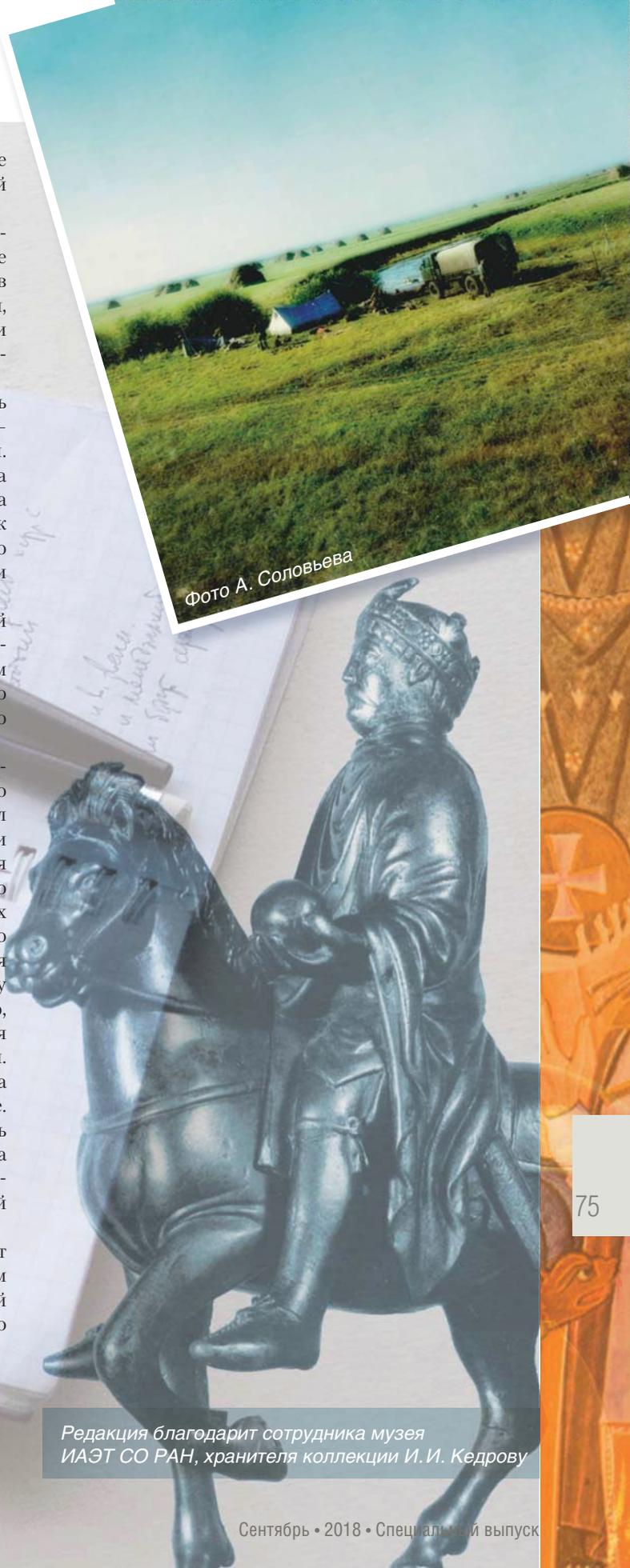

Фото А. Соловьева

Илимское распятие.
Слева: город Илимск (по С. Ремезову)

«Илимское распятие» – очерк из книги В.И. Молодина «Меч Каролингов», которая вышла в 2006 г. в «Библиотеке журнала «НАУКА из первых рук»». Это книга об археологии и людях, посвятивших себя этой науке, работавших вместе с автором в экспедициях

ИЛИМСКОЕ РАСПЯТИЕ

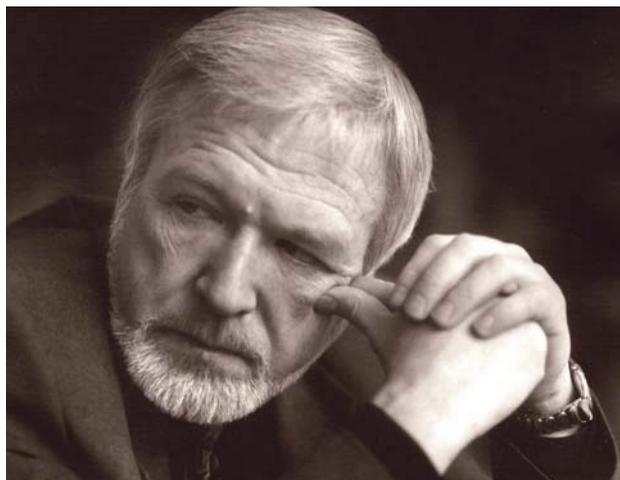

Милиционер выбрался из кабины могучего лесовоза и подошел к нашему раскопу. Он был совсем юн, мундир на нем сидел ладно, а на погонах я заметил по четыре звездочки. Капитан. Милиционер

весело улыбнулся. Его лицо источало добродушие и приветливую веселость, которая всегда располагает к себе.

– Заедешь на обратном пути, – крикнул капитан водителю и обратился к нам. – Привет археологам! Экскурсию не проведете?

Я отложил план раскопа и направился к неожиданному гостю. Мы поздоровались. Милиционер оказался участковым уполномоченным из соседней с Илимском деревни. Он с увлечением стал рассматривать вскрытые захоронения илимского некрополя, разглядывал находки, живо интересовался нашими делами, задавая при этом десятки толковых вопросов. Привлекало в нем и то, что с неподдельной теплотой расспрашивал об ис-

МОЛОДИН Вячеслав Иванович – действительный член РАН, доктор исторических наук, первый заместитель председателя СО РАН (г. Новосибирск), заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, профессор НГУ, член-корреспондент Германского археологического института, лауреат международной премии А. П. Карпинского, Государственной премии РФ

тории Илимска, сожалея, как и мы, что много леса под воду уйдет, да и городишко хоть и маленький, по существу деревня, но ведь история-то у него какая! А тут все снесли, бульдозером сровняли и затопят скоро... Одним словом, весьма симпатичный был парень.

– А знаете, Вячеслав, – улыбаясь, сказал милиционер, – я ведь не просто из любопытства к вам заглянул.

Я с недоумением посмотрел на собеседника: зачем мы могли ему понадобиться? От милиции приятно ждать не приходится. Хотя нужно признать, что ежели у человека что-нибудь случается, то бежит он не куда-нибудь, а именно в это учреждение.

– Вот еду и думаю, – продолжал он лукаво, – понравятся мне эти заезжие археологи – все им расскажу и буду с ними дело иметь.

– А если не понравятся? – насмешливо спросил кто-то из ребят.

– А не понравятся – поищу других. Тут, в зоне затопления будущей ГЭС, много вашего брата нынче трудится...

– Ну и как? – спросил кто-то из девочек. – Понравились?

– Не будь я женат, тебя, сероглазую, уж точно бы с собой увез, – засмеялся капитан. – А дело вот в чем, ребята. На днях принесли к нам в отделение штуковину одну. Деревянная фигура Иисуса Христа – ни больше ни меньше. Похоже, была она когда-то прибита к кресту, но ее оторвали, и где сам крест – неизвестно. У нас в отделении, да и в поселке нашем, никто толком не понимает, какую ценность эта штукovina представляет. Показал в школе учителям – они-то и надоумили к вам заскочить. Я и сам думаю, что вещь ценная. Сделана уж больно красиво и раскрашена...

– Так чего же мы ждем, товарищ капитан? – в тон ему ответил я. – Вон как раз и машина за нами идет. Сейчас победаем вместе да и поедем...

С горы, где мы жили в одном из домиков строительного мостоотряда, медленно спускался наш ГАЗ-66. Олег ехал за нами – приближался обеденный перерыв.

Капитан, по-видимому, не ожидал такого поворота событий. Он смущенно посмотрел на приближавшуюся машину.

– Сейчас никак не получится, Вячеслав. Я ведь к вам по пути заглянул, а еду я по своим делам в Железно-

горск. Машины у нас в отделении пока нет, мотоцикл сломался, вот я и путешествую на попутных, а в воскресенье у меня выходной, я к вам и заеду. Идет?

– В воскресенье так в воскресенье, – ответил я. – Но пообедать-то с нами вы можете? До Железногорска ведь не близкий путь.

Парню эта идея явно пришлась по душе, но, как назло, лесовоз уже мчался с горы, опережая Олега.

– До воскресенья, – снова улыбнувшись, повторил капитан. – Водитель спешит и ждать не будет, а другую попутную едва ли скоро поймаете.

Он вскочил на подножку притормозившей машины и помахал нам из кабины рукой.

До воскресенья было далеко, и я, признаться, за многочисленными делами и заботами подзабыл о приезде капитана. Однако ранним сентябрьским утром он неожиданно появился у нас в домике, на этот раз не один. С капитаном приехала очаровательная девушка. Как выяснилось при знакомстве – его жена. Мы радушно встретили гостей, накормили то ли поздним завтраком, то ли ранним обедом, показали находки.

Девушка работала учительницей младших классов. Как и ее супруг, она обворожительно улыбалась, расспрашивала о Новосибирске и особенно об Академгородке, слава которого в семидесятые годы гремела не только по стране, но и по всему миру.

На дворе стояла чудная золотая осень. Было солнечно и тихо. Сибирская тайга переливалась яркими красками: золото берез и лиственниц смешивалось с ярко-красным багрянцем рябины, с зеленью елей, сосен и кедров. Воздух был свеж и прохладен и насквозь пропитан запахами хвои, грибов, прелого листа. Внизу, в долине, голубой лентой струился Илим.

Мы разместили гостей в кабине нашего 66-го, я забрался в кузов. До деревни доехали быстро. Дорога была хорошо накатана машинами, и Олег, очевидно, вдохновляемый милой спутницей, давил на всю железку.

Поселок был довольно большой. Добротные типовые срубы с большими окнами и застекленными верандами наводили на мысль, что живут здесь основательные и зажиточные люди.

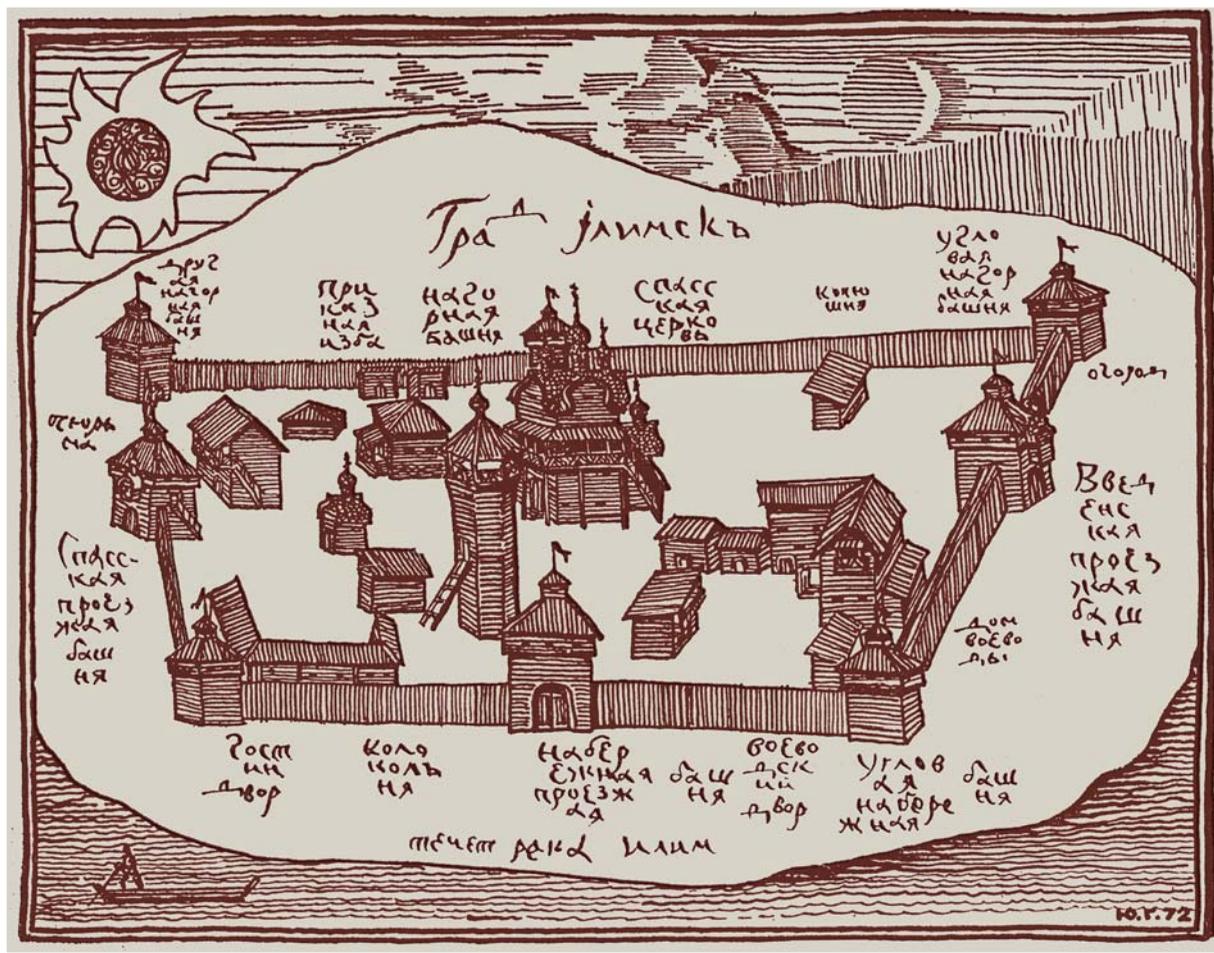
Ребята предложили поехать к ним в гости, но я не решил обременять радушных хозяев, да и находку, ради которой мы предприняли поездку, хотелось поскорее увидеть.

В милиции нас встретил дежурный сержант, который весьма оживился, услышав от своего начальника, кто мы и зачем пожаловали.

Пока капитан ходил за скульптурой, хранившейся в сейфе, сержант поведал нам с Олегом целый деревенский детектив, связанный с находкой.

А начиналась история в Илимске!

Илимский острог. Реконструкция Юрия Гричана

– Уже перед самым началом подготовки к затоплению Илимска, где вы сейчас работаете, – рассказывал сержант, – ребяташки откуда-то притащили в местную школу довольно большой по величине деревянный крест, к которому была прибита вырезанная тоже из дерева фигура Иисуса Христа. Директор школы резонно предположил, что крест принадлежит скорее всего какой-нибудь из илимских церквей, и решил отвезти его в художественный музей Иркутска. Однако через несколько дней крест загадочно исчез из учительской. Попытки найти его ни к чему не привели. Да, по-видимому, и были они чисто формальными, поскольку в милицию никто не обращался.

После того как почти все жители Илимска разъехались, при разборке очередного здания в его подвале неожиданно обнаружилась пропажа. Но выглядело изделие уже совсем по-другому. Деревянный Иисус был сорван с креста, а сам крест бесследно исчез. Наверное, грабители посчитали, что он не представляет особой ценности, а вот деревянная фигура Иисуса, несомненно, замечательна. К тому же значительные размеры креста, по-видимому, не позволяли его надежно спрятать, а вот

для скульптуры можно было подобрать надлежащий тайник. Школу в Илимске к тому времени уже ликвидировали, и поэтому рабочие передали распятие продавцу еще сохранившегося магазина, чтобы та, в свою очередь, отдала находку в органы власти при поездке за товаром в Железногорск. Но распятие снова украли – уже прямо из магазина! В последний раз его нашли мальчишки именно в этой деревне – то ли в подвале, то ли на чердаке какого-то жилого дома – и отнесли в школу. Один из школьных учителей, раньше проживавший в Илимске, принес его в отделение. Он-то и рассказал нам всю эту детективную историю, – закончил сержант.

Слушая рассказ милиционера, мы с Олегом и не заметили, как в комнату вернулся капитан. В руках он держал объемный сверток, в котором угадывался силуэт распятия. Фигура была весьма внушительных размеров.

Капитан эффектным движением сдернул матерчатое покрывало, и перед нами предстала действительно великолепно изготовленная фигура Спасителя. Мастер был несомненно талантлив. Ему удалось изящно и крайне реалистично воплотить в дереве фигуру распятого

Иисуса, передав прекрасный трагический лик и самую обнаженную фигуру в набедренной повязке. Эффект усиливало то обстоятельство, что фигура Спасителя была вдобавок покрыта красками, которые не утратили своего колорита, хотя и покрылись характерной для старинных изделий подобного рода так называемой паутиной.

Без сомнения, фигура Христа первоначально была прибита к кресту. Причем сделано это было так же, как в свое время поступили с Иисусом: деревянную фигуру прибили к кресту коваными железными гвоздями. Отдирая скульптуру от креста, грабители не церемонились – в результате пальцы рук, изготовленные тончайшей резьбой, были повреждены. Отломана была и часть набедренной повязки.

Я взял скульптуру в руки. Она поражала изяществом и в то же время идеальным лаконизмом. Она была легка и казалась почти невесомой...

Мастеру понадобилось три куска дерева, чтобы создать это удивительное произведение. Из одной части он вырезал туловище, голову и ноги. Руки были изготовлены отдельно и крепились к торсу, по-видимому,

клеем. Тончайшая резьба воспроизводила даже прическу.

Несколько минут мы стояли как замороженные... Капитан, явно довольный произведенным эффектом, наконец нарушил молчание:

– Ну как, Вячеслав, ценная штукавина?

– Ценная – не то слово. Бесценная! И место ей, конечно, в хорошем музее!

– Так за чем же дело стало? – снова очень хорошо улыбнулся милиционер. – Упаковывайте и забирайте!

Откровенно говоря, я слегка опешил. Никак не мог подумать, что вот так просто, на полном доверии все и решится. Мне почему-то казалось, что, услышав от меня заключение о том, какую ценность представляет находка, капитан вежливо поблагодарит меня, а уж в музей повезет ее сам. А тут – «упаковывайте и забирайте!»! Еще не веря в сказочную удачу, я молча стал упаковывать скульптуру. Олег помогал мне, точно боялся, что капитан вдруг передумает.

На этом мы и расстались.

Действительно, из толстых досок Корякин сделал для скульптуры настоящий саркофаг, дублирующий ее форму. Драгоценную фигуру завернули в вату и марлю и уложили в футляр, а вместо крышки использовали лист фанеры.

Так замечательная деревянная скульптура Иисуса Христа попала в наш институтский музей. Несмотря на свою незаурядность, публикаций о ней в научных изданиях так и не появилось. Иногда, правда, я пытался взяться за ее осмысление. Смотрел специальную литературу по деревянной культовой скульптуре, хорошо известной в Пермской области и в Средней Сибири, однако аналоги илимской мне не встречались. Опубликованные изображения из дерева распятого Спасителя были значительно грубее и представляли, несомненно, иные художественные школы. Поскольку я не обладал специальными знаниями предмета, руки у меня опускались. Проконсультироваться в Новосибирске было не у кого, и я откладывал это занятие на неопределенный срок.

Завеса тайны илимского распятия слегка приоткрылась, когда я взялся за исследование коллекции нательных крестов из илимского острога. Естественно, что наряду с изучением специальной литературы пришлось поднять все то, что было написано по Илимску. При чтении дореволюционных изданий меня не покидала мысль: а вдруг встретится что-нибудь про деревянное распятие? Мысль эта сидела глубоко в подсознании, но сидела, по-видимому, прочно, поскольку я даже не удивился, когда, читая монографию Н. В. Султанова, посвященную сибирскому деревянному зодчеству, в том числе и илимскому, вдруг наткнулся на взволновавшие меня строки...

Церквей в Илимске было четыре, и Султанов приводит в своей книге их описание, опираясь на данные С. Попова и святого отца М. Сизого. Поскольку книга Султанова вышла в 1907 году и является библиографической редкостью, я приведу цитату из нее полностью, тем более что она проясняет многие вопросы о происхождении распятия и его датировке.

По дороге в Илимск мы долго говорили с Олегом о том, что не перевелись на Руси порядочные люди, а особенно приятно, что есть они и в милиции.

Излишне, наверное, говорить, в какой восторг привела скульптура Иисуса членов нашего отряда. Весь вечер она переходила из рук в руки. Да и поступок капитана вызвал неподдельное восхищение.

– Как же мы ее домой повезем? – спросил кто-то из ребят. – На руках все время не продержишь, а с находками помещать опасно...

– Упаковку беру на себя, – неожиданно для меня сказал Витя Корякин. – Я уже представляю, как это нужно сделать. Так что, Слава, на этот счет не беспокойся.

Илимск (1975). Раскопки завершены. Через несколько минут мы поедem домой... Позади полугодовой сезон. На снимке Олег Сентябов, Витя Корякин, автор

«Обратимся теперь к третьей и последней (на самом деле «последняя» церковь, т.е. четвертая илимская, – Спасская, относящаяся к XVIII веку, и ее описание также имеется в цитируемом мною сочинении. – В. М.), о которой говорит г. С. Попов.

Вот что он о ней сообщает: «Другая церковь, также принадлежащая к Илимскому приходу, находится на так называемой заимке в шести верстах от города, в лесу; церковь эта также одноэтажная; построена, как значится по клировым ведомостям, в 1707 году, во имя Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Архитектурой она сходна с церковью, находящейся в слободе, исключая только то, что однопрестольная, а вследствие этого и с одним куполом.»

В отношении своего зодчества церковь эта представляет собою верх без искусственности и простоты: это обыкновенная изба, с западной стороны пристроена паперть в виде крытого крыльца, а на крыше устроена не менее первобытная главка; нижняя часть ее, постамент, по форме – такая же изба, только маленькая, поставленная поперек нижней, или главной, избы. Этот постамент по коньку своей крыши украшен крохотною луковкою на тонкой шее.

Оба сруба, и нижний большой, и верхний маленький, срублены «без остатка» – «в лапу», что ясно видно на рисунке.

Церковь имеет два окна с южной стороны и две двери с паперти: с запада и с севера. Паперть охватывает церковь с боков и заканчивается у алтарей. Пол ее приподнят над уровнем земли на два аршина, что объясняется, конечно, толстым зимним слоем снега. Относительно внутренности церкви он заимствует у О. М. Сизого некоторые подробности, о которых умалчивает г. С. Попов.

«Клирос в церкви, – пишет О. Сизой, – один правый. У клироса на пьедестале утверждено резное изображение на кресте Христа Спасителя, с таким же изображением по сторонам Божией Матери и Евангелиста

Раскопки кладбища Илимского острога

Фото из архива автора

Город Илимск летом 1973 г.

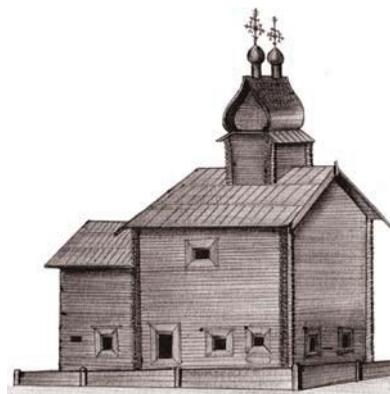
Иоанна. Иконостас самой простой работы, незатейливо сколоченный из досок и балок, на которых также просто укреплены местные иконы, писанные на холсте. Из икон останавливают на себе внимание икона Спасителя по правую сторону царских врат и икона Божией Матери по левую. Та и другая – древней живописи, весьма схожей с нынешней, так называемой суздальской. На святом престоле до сих пор сохраняется деревянная дарохранительница с несколькими помещениями, крашенная. Как в алтаре перед святым престолом, так и в самой церкви перед местными иконами все подсвечники деревянные, сохранившиеся, наверное, с самого построения храма. Храм освещается семью небольшими окнами, в которые вместо стекол вделана слюда. Венчающий церковь купол с утвержденным на нем крестом устроен совершенно так же, как и у предыдущих храмов. Для совершения божественной литургии при храме имеется св. антиминс, священнодействованный митрополитом Тобольским Филофеем в 1704 году».

Таким образом, можно однозначно сказать: деревянное распятие Иисуса Христа находилось лишь в одной церкви Илимского прихода, следовательно, находка, о которой идет речь, происходит из храма во имя Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Церковь эта была разрушена раньше, чем погиб город, и многое из ее убранства, по-видимому, перекочевало в Илимск и где-то хранилось, пока не пошло по рукам... Весьма вероятно, что изготовлено распятие было примерно в то же время, когда построен и сам храм, т.е. в начале XVIII века.

И можно почтись за счастье, что после долгих скитаний распятие попало в руки честных людей, которые сберегли его и передали специалистам.

Сейчас, после реконструкции нашего институтского музея истории и культуры народов Сибири, созданного Алексеем Павловичем Окладниковым и посещаемого многочисленными гостями Академгородка, я уверен, что илимская скульптура займет достойное место в этнографической экспозиции. А еще надеюсь, что кто-то из специалистов по древней культовой скульптуре Сибири, искусствоведов, посвятит ей специальное исследование. Право, произведение того стоит!

А тогда в Илимске, в том далеком, таком дорогом для меня 1975, была непередаваемая радость обретения бесценной находки и непреходящее желание любоваться ею...

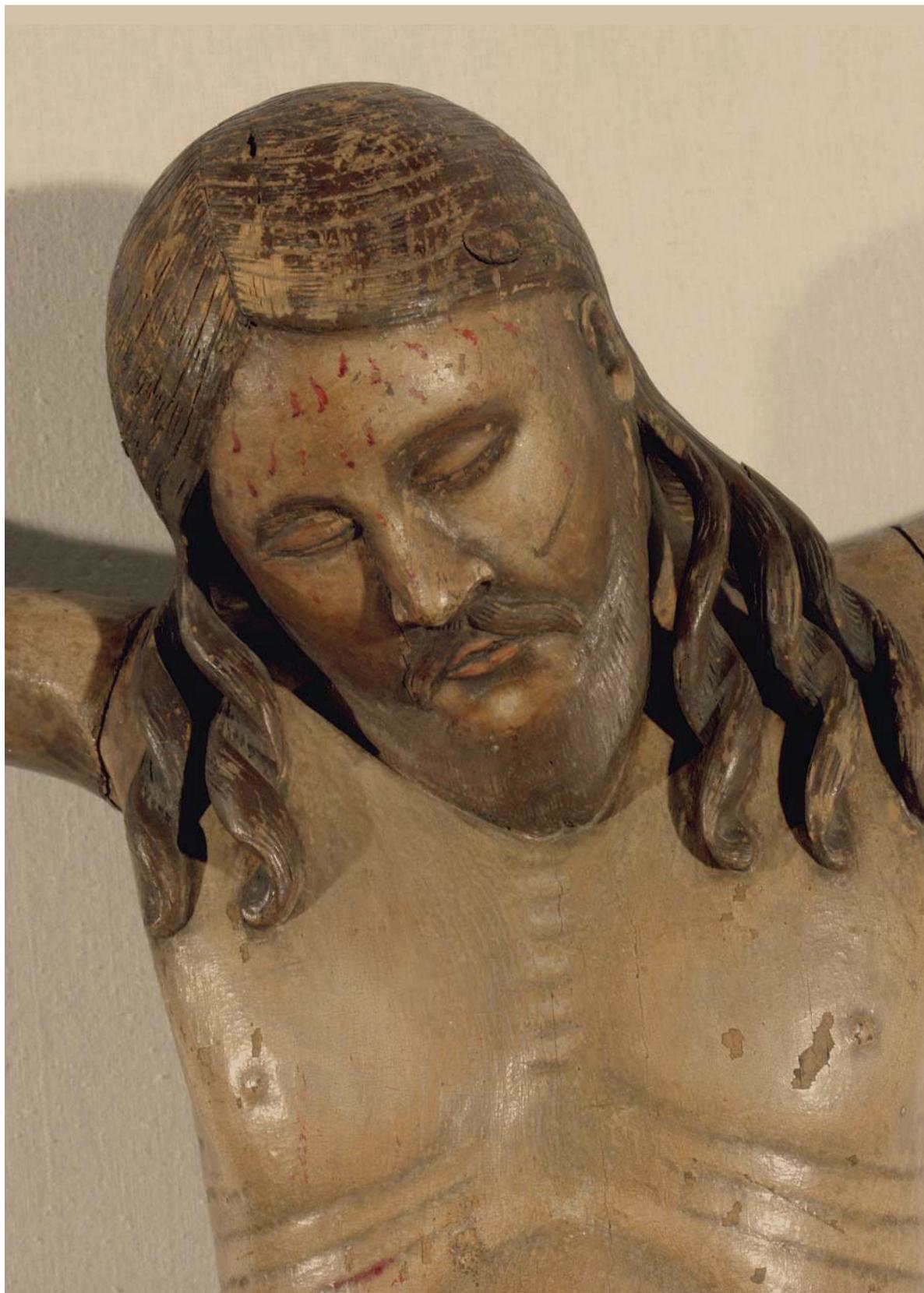
Перед самым окончанием наших раскопок в Илимске мы с Олегом поехали в соседнюю деревню. Мне хотелось попрощаться с нашими друзьями и еще раз поблагодарить капитана за находку. Я купил две бутылки прекрасного армянского коньяка и с этим скромным подарком зашел в отделение милиции. Дежурил знакомый сержант. К моему сожалению, капитана на месте не оказалось. Он был в командировке. Пришлось просить сержанта вручить своему начальнику наш скромный презент...

Одного лишь не могу простить себе – я не записал ни фамилии, ни имени капитана в своем дневнике, а память, к величайшему моему сожалению, подвела... Придумывать же мне ничего не хочется.

Огромное вам спасибо, дорогой капитан! Именно на таких честных, бескорыстных, порядочных людях держится страна наша. На них надежда.

*Бараба – Академгородок.
2003 г.*

*Рисунки церквей
и башен
Е.В. Молодина.
Опубликованы
в монографии
В.И. Молодина
«Кресты-тельники
Илимского
острога».
ИНФОЛИО
Новосибирск,
2007 г.*

За перевалом Сайлюгем...

Этот выпуск журнала посвящен замечательному Человеку, выдающемуся ученому и организатору науки Валентину Афанасьевичу Коптюгу. Для меня как автора поучаствовать в нем великая честь, поскольку с именем академика Коптюга связано для России очень многое, прежде всего сохранение Российской академии наук и ее Сибирского отделения в труднейшие для страны девяностые. Именно В. А. Коптюг, будучи председателем Сибирского отделения, оказал огромную помощь в организации и проведении наших первых экспедиций на плато Укок. Директор нашего института и соруководитель международной программы «Пазырык» академик А. П. Деревянко не раз обращался к Валентину Афанасьевичу за поддержкой и всегда был услышан.

Никогда не забуду, как я принес Валентину Афанасьевичу две наши с Натальей Полосьмак первые монографии по Укоку. Конечно, он поздравил и похвалил, но тут же сделал совершенно справедливое замечание, что такие книги следует обязательно сопровождать цветными иллюстрациями. Обозначил он и проблему глобального потепления климата, и негативное влияние этого фактора на сохранение замерзших курганов...

Думаю, что и итоги нашей программы «Пазырык-2» порадовали бы Валентина Афанасьевича...

В этой статье публикуются отрывки из книги, в которой рассказывается о наших работах в Монголии.

Этот международный проект осуществлялся в течение трех полевых сезонов в 2004, 2005, 2006 гг.

Несколько дней назад в Улан-Батор были отправлены из Новосибирска после реставрации все археологические находки, обнаруженные нашей экспедицией в 2006 г., близка к завершению монография, над которой все эти годы я работал со своими коллегами. Так что сама логика событий позволяла мне взяться за перо.

*Из новой научно-популярной книги В. И. Молодина
«За перевалом Сайлюгем»*

Итак, я приглашаю тебя, дорогой читатель, в путешествие за перевал Сайлюгем, в Северо-Западную Монголию. Здесь, за высоким горным хребтом, раскинулись просторы Центральной Азии с ее бескрайними степями, горными хребтами, быстрыми горными реками с кристально прозрачной ледяной водой и блюдцами озер. Здесь еще сохранилась сказочно первозданная и почти нетронутая человеком природа – прекрасная и суровая. Здесь, на северо-западе Монголии, на высоте более двух тысяч метров простираются высокогорные плато с суровым

климатом, где в разгар жаркого лета может неожиданно повалить снег, а внезапно налетевший шквал в клочья порвать палатки. Здесь в горах и на перевалах даже летом местами лежит снег.

И в то же время в этих суровых краях живут замечательные, удивительно добрые и отзывчивые люди – пастухи, кочующие с семьями казахи и монголы, а также отважные пограничники.

Но, конечно, самым главным, что привлекало нас в этих суровых местах, были археологические древности – курганы, которые мы должны были отыскать и в кото-

рых, по нашему мнению, должно было присутствовать то, что сохраняется в погребальных комплексах далеко не всегда и не везде – замерзшие могилы. Именно в них археолог, если ему, конечно, очень повезет, может найти то, что не доходит до нашего времени почти никогда: одежду и обувь, головные уборы и деревянные предметы, изделия из ткани, кожи, меха и войлока. Все это ценится учеными дороже любых драгоценностей! Такие предметы, попадая в руки исследователей, дают совершенно уникальную информацию, позволяющую на новом уровне реконструировать далекое прошлое, от которого нас отделяют даже не века, а тысячелетия. Находки же замерзших мумий людей и животных дают уникальнейшую информацию биологам.

В моей практике уже были раскопки таких памятников. С 1991 по 1996 г. мне посчастливилось принять участие (и даже быть соруководителем) в Международной научной программе по изучению археологических памятников, в том числе и пазырыкской культуры, на высокогорном плато Укок, что на самом юге российского Горного Алтая, на границе с Монголией, Казахстаном

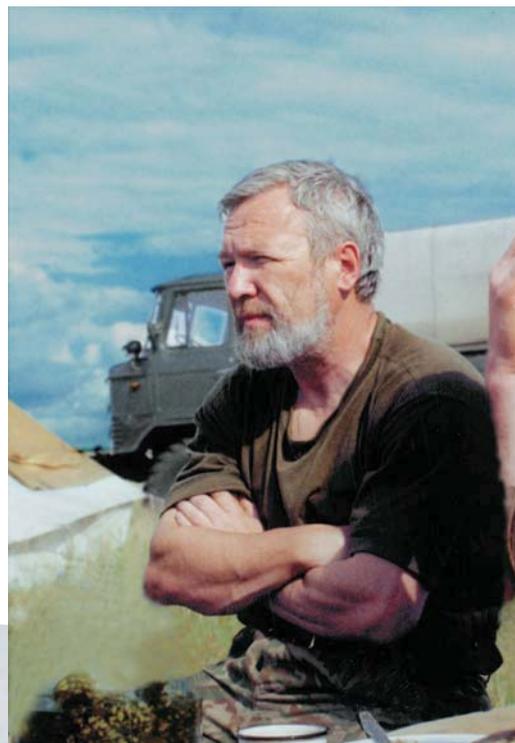
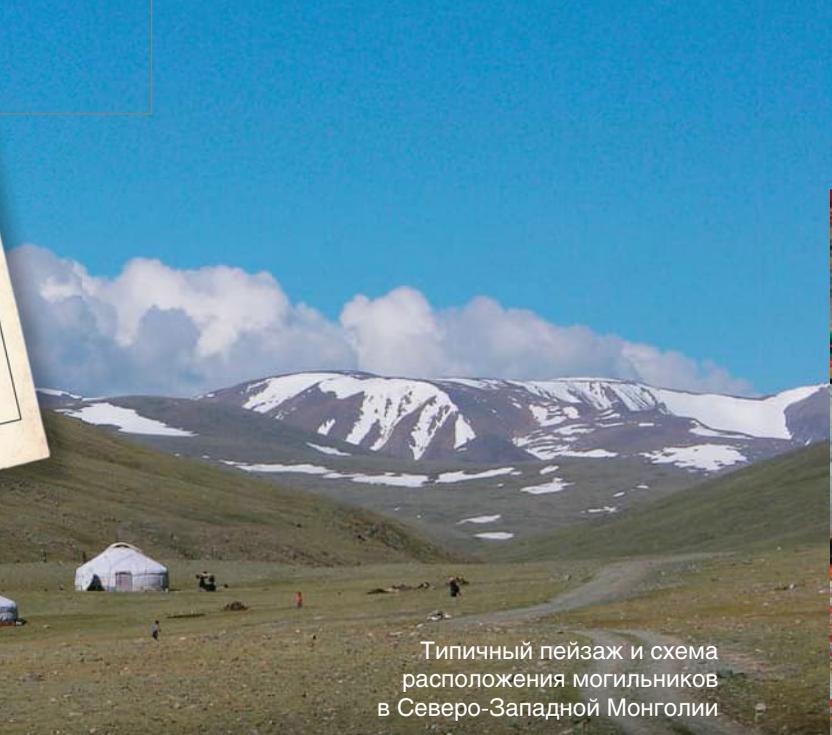
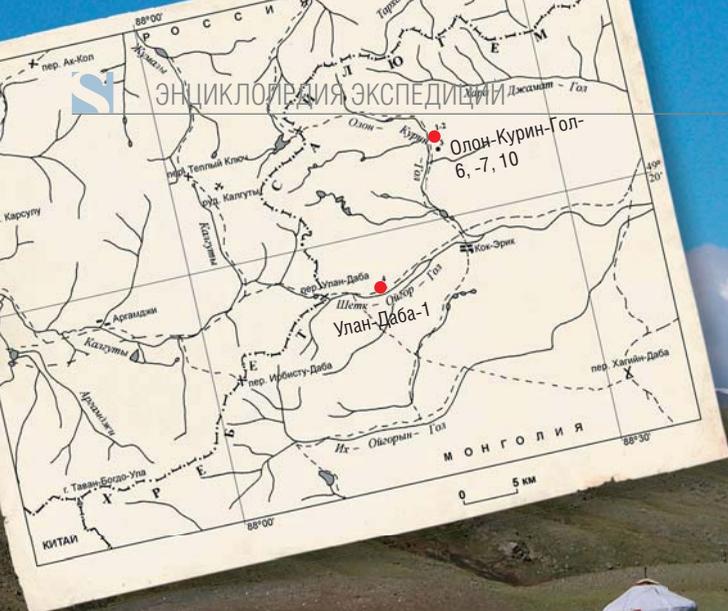

Схема расположения могильников пазырыкской культуры на территории Российского Алтая, Северо-Западной Монголии и Восточного Казахстана (*вверху слева*)

Ключевые слова: Северо-Западная Монголия, пазырыкская культура, замерзшие погребения, геофизические методы мониторинга мерзлоты, археологические находки

Key words: North-West Mongolia, Pazyryk culture, frozen burials, geophysical methods of the frost monitoring, archaeological finds

МОЛОДИН Вячеслав Иванович – действительный член РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, профессор НГУ, член-корреспондент Германского археологического института, лауреат международной премии А. П. Карпинского, Государственной премии РФ (2005 г.) Автор и соавтор более 1100 научных работ, в том числе 50 монографий

Типичный пейзаж и схема расположения могильников в Северо-Западной Монголии

и Китаем. На Укоке была открыта и исследована целая серия погребальных комплексов, в том числе и с мерзлотой, подаривших науке неграбленные захоронения среднего слоя пазырыкского общества. В 1993 г. Наталья Полосьмак исследовала курган Ак-Алаха-3, где было найдено погребение знатной женщины. Сохранился не только удивительный по полноте комплекс предметов, но и мумия, кожу которой украшала великолепная татуировка. Позднее журналисты окрестили ее «алтайской принцессой». А в 1995 г. посчастливилось и мне. Исследуя пазырыкский могильник Верх-Кальджин-II, наш отряд обнаружил nepотревоженное захоронение молодого воина, мумия которого также прекрасно сохранилась. В этом кургане были найдены и уникальные предметы, прежде всего роскошная шуба-дубленка.

Естественное желание вновь поработать на Укоке не пропадало, конечно, ни у меня, ни у Натальи. К сожалению, ситуация вокруг Укока складывалась напряженная, а порой и попросту скандальная. Современное мифотворчество, сделавшее из женщины среднего слоя пазырыкского сообщества «принцессу Кадын, прародительницу алтайского народа», привело к тому, что все трудности и проблемы региона списывались на археологов. Самое скверное, что таким образом настраивалось местное население. Археологические исследования на плоскогорье были запрещены, при этом для «дикого» туризма путь был открыт.

Вновь побывать на Укоке мне удалось только в 2003 г. Мы приехали туда с моим коллегой археологом из Германии Германом Парцингером и геофизиком Михаилом Эповым. Укок сильно изменился. Помимо пограничников, нередко встречались и туристы.

Исколесив значительную часть Горного Алтая, я показал коллегам грандиозные могильники пазырык-

ской культуры в центральной части этой территории: и те, на которых уже проводили раскопки выдающиеся отечественные археологи профессора М. П. Грязнов и С. И. Руденко (Пазырыкский и Башадарский могильники), и те, которые еще предстоит исследовать новым поколениям ученых.

Академика Эпова привлекла идея обнаружения мерзлоты при помощи геофизических методов. Для этого ему необходимо было поработать на объектах с мерзлотой и без нее.

За несколько дней геофизикам удалось отработать несколько комплексов и в результате получить две модели: курган с мерзлотой и курган без мерзлоты. К великому нашему сожалению (и, наверное, прежде всего М. И. Эпова), проверить полученные результаты мы не имели возможности. Именно тогда я впервые услышал от Михаила Ивановича, что археология – лучший полигон для отработки методических приемов в геофизике. «Судите сами, – как всегда спокойно и неторопливо рассуждал ученый, – дали вы, к примеру, прогноз, что нефтяной пласт такого-то месторождения залегает на глубине столько-то километров. Чтобы проверить правильность прогноза, нужно пробурить скважину, однако когда это случится? Через год, пять, десять лет? Могут же быть такие условия, что проверить прогноз возможно только через десятилетия. Но прогноз-то существует! Другое дело археология. Мы реально можем проверить и перепроверить любой прогноз практически в течение одного полевого сезона! Если наши предположения не подтвердятся, значит, мы ошиблись, значит, следует думать и искать что-то другое».

С этим утверждением М. И. Эпова было трудно не согласиться. В его правоте я убеждался не раз – практически каждый сезон, работая с геофизиками.

Именно эта первая поездка на Укок с геофизиками явилась отправной точкой нашего сотрудничества, направленного на поиски мерзлоты.

Меня же, по прошествии почти десяти лет после укокских раскопок, привлекала идея осуществления того, что можно было сделать теперь с участием высококлассных специалистов самого различного научного профиля, которых в Сибирском отделении предостаточно.

Конечно, для реализации этой идеи еще более привлекательными, чем укокские курганы пазырыкской культуры, выглядели могильники центральной части Горного Алтая. Несомненно, что в долине р. Каракол (Онгудайский район) сосредоточены погребальные комплексы самого высокого слоя пазырыкского общества, может быть, даже близкие по статусу и особам царским. Здесь же, в этой долине, расположен и знаменитый Башадарский могильник, на котором два кургана были исследованы профессором Сергеем Ивановичем Руденко. Раскопать такой пазырыкский курган в каракольской долине, думаю, было бы важно и для Республики, поскольку можно было бы продумать музеефикацию полученных материалов в стенах Горно-Алтайского музея.

Вместе с тем было очевидно и другое – реализовать пазырыкскую программу под девизом «Пазырык-2» было попросту невозможно.

Помог случай. В Улан-Баторе проводилось заседание недавно созданной Ассоциации Академий наук стран Азии, куда входила и Россия. Президентом (и одним из основателей) этой Ассоциации был председатель Сибирского отделения РАН, академик Николай Леонтьевич Добрецов. Я в этой Ассоциации отвечал за одну из международных научных программ, посвященных

Население очень живо откликнулось на наши работы. Везде нас встречали предельно доброжелательно. И, что характерно, очень приветливы все, от самых маленьких ребятшек до пожилых аксакалов. Везде приглашают в гости. В одну из юрт – просто затащили. Пришлось зайти, несмотря на то, что дел было очень много. Сразу же провели и усадили на самое почетное место в юрте. Хозяйка и младшие по возрасту женщины, очевидно дочери или снохи, стали накрывать на стол. Не прошло и пяти минут, как на низком столике перед нами появился чай, национальные лепешки, сыр, молоко... Все было вкусно. С нами за столом сидел хозяин и глава семейства. Я рассказал ему о наших задачах и планах. Он внимательно все выслушал, думаю, едва ли мне до конца поверил, но миссию нашу, безусловно, одобрил. Кстати, русский язык знают многие. Оказывается, немало молодежи из этих мест проходили обучение в Республике Казахстан, а там русский язык – один из двух государственных. Так что с общением проблем не возникало. И вообще, было очень приятно иметь дело с такими людьми – доброжелательными, гостеприимными и непосредственным. Единственной слабостью (если это можно назвать слабостью) наших любезных хозяев была страсть фотографироваться

археологическим исследованиям в Азии. И вот в своем докладе, в котором был представлен довольно широкий обзор наших исследований, я рассказал о наших укокских успехах, в том числе и о находках пазырыкских мумий. После заседания, уже на торжественном ужине, ко мне подошел Президент Академии наук Монголии академик Б. Чаадра. Он высоко отозвался о докладе, а потом неожиданно предложил: «Может быть, и в Монголии ты раскопаешь нам такие же замечательные захоронения?».

Конечно, реализовать эту идею было не так просто, как кажется. Район Северо-Западной Монголии как будто идеально подходил для реализации проекта. Он обладал развитой речной системой и выраженными пастбищными долинами, что не могло не притягивать кочевника-скотовода. Кроме того, речные долины в верховьях рек были расположены даже выше, чем плато Укок, – на высоте 2500–2600 м над уровнем моря, а это открывало перспективы обнаружения мерзлоты в курганах, разумеется, при условии достаточно низкого температурного режима в этом микрорайоне. К тому же этот район Монголии был связан с Укоком горным перевалом Улан-Даба, открытым для перехода круглый год.

Дело оставалось, казалось бы, за малым: найти здесь курганы пазырыкской культуры.

В начале 2004 г. был заключен трехсторонний договор о научных исследованиях в Северо-Западной Монголии между Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск), Германским Археологическим институтом (Берлин) и Институтом археологии Академии наук Монголии (Улан-Батор).

Планируя полевой сезон 2004 г., я отводил месяц на разведку в Баян-Ульгинском аймаке Монголии, наметив участок на южных склонах Сайлюгемского хребта, по соседству с Укоком. Я должен был найти курганные могильники пазырыкской культуры и определить среди них наиболее перспективные для проведения раскопок. И я начал готовиться...

Лето 2004 г. прошло в поисках «замерзших» курганов в Монголии.

Разведка геофизикой

К 2005 г. главное дело было сделано. Памятников в Монголии за сезон 2004 г. мы нашли достаточно много, среди них, несомненно, были и интересующие нас могильники пазырыкской культуры. Условия, в которых находились почти все эти объекты, вполне могли способствовать тому, что в них образовался слой мерзлоты, ибо высоты, на которых они располагались, значительно превышали те, на которых расположены замёрзшие пазырыкские памятники Укока.

Конечно, предприятие планировалось очень ответственное – серьезная международная экспедиция со всеми вытекающими последствиями. И хотя я твердо верил в успех, необходимо было подстраховаться. Помочь могла только геофизика.

Мой отряд имел уже неплохой опыт работы с геофизиками. Начинали вместе с немецкими специалистами из мюнхенской геофизической лаборатории, специализирующейся на работе с археологами. По су-

ществу, именно Й. Фассбиндер и Г. Беккер, со своей аппаратурой совершили второе открытие городища Чича, представив подробную карту памятника.

Помня успешно проведенные геофизиками работы на Укоке, я обратился к академику М. И. Эпову. Михаил Иванович с огромным энтузиазмом взялся за дело. Прежде всего, он сказал, что сам хочет принять участие в этой экспедиции, чтобы проверить появившиеся на сей счет идеи. Сказано – сделано. Я показал коллегам-геофизикам результаты нашей разведки, акцентировав внимание на тех памятниках, которые, по моему мнению, во-первых, были пазырыкскими, а во-вторых, как мне казалось, могли содержать мерзлоту. Оставалось дело за малым – поехать в Монголию и проверить.

Быстро нашлись и энтузиасты этого дела. Геофизикой «заболела» моя ученица Марина Чемякина, которая нашла поддержку в Институте геологии и геофизики нефти и газа СО РАН в лице, прежде всего, Александра Манштейна.

Мы начали готовиться. Помимо археологов из нашего института в отряд вошла группа новосибирских геофизиков, возглавляемая М. И. Эповым. Мы планировали выехать в конце мая и проработать в Монголии примерно месяц. За это время Михаил Иванович собирался проверить свою новую методику на нескольких объектах и дать нам рекомендации.

И тут неожиданно произошло чрезвычайно важное событие, которое ставило крест на моей поездке в Монголию.

В мае 2005 г. нам сообщили, что мы с Наташей удостоены Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий за наши работы на плато Укок. Вручение премий планировалось в Кремле 12 июня. Отменить или перенести наши работы в Монголии было невозможно.

К счастью, сомнения и тревоги мои быстро развеялись, поскольку и Михаил Иванович и Марина

Северо-Западная Монголия. Июнь 2005 г.
В центре – академик М. И. Эпов, справа –
Х. Пиецонка (Германия) и М. Чемякина

Чемякина заверили меня, что все будет прекрасно, и они вполне без меня справятся, а я спокойно могу ехать в Москву.

И вот, 12 июня, рано утром, когда в очередной раз зазвонил мобильник, я услышал знакомый голос М. И. Эпова. После слов поздравлений Михаил Иванович перешел к делу. Оказывается, в кургане на перевале Улан-Даба обнаружена очень мощная мерзлотная аномалия.

– Стопроцентная мерзлота! – радостно говорит он. Улан-Даба! Этот курган мы нашли в 2004 г. перед самым нашим отъездом из Монголии. Во-первых, курган располагался на перевале, соединяющем Монголию с плато Укок, где в девятые годы мы раскопали несколько курганов с мерзлотой. Этот перевал оставался проходным круглый год. А это значит, что в любое время человек со своими стадами мог совершенно спокойно мигрировать из Сибири в Центральную Азию или наоборот. И сегодня этот перевал активно востребован. От кургана до Укока всего 4–5 км! Можно сказать, это почти Укок.

Во-вторых, курган находился на весьма приличной высоте над уровнем моря – выше, чем все наши объекты со льдом, исследованные на Укоке. Значит, шансов найти мерзлоту еще больше.

И тут такое обнадеживающее сообщение от М. И. Эпова! Конечно, этот объект представлялся наиболее перспективным для планируемых раскопок.

Однако геофизические исследования 2005 г. в Северо-Западной Монголии не ограничились только Улан-Дабой. Несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия, которые сложились весной и ранним летом этого года – низкие температуры, снег – удалось сделать очень многое.

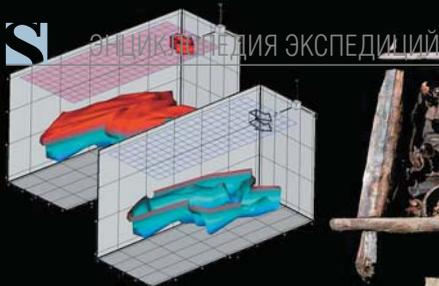
Работа геофизиков в поле – труд нелегкий. Нужно забивать десятки датчиков, монтировать тяжелую аппаратуру, сканировать информацию, затем расшифровывать ее в полевой лаборатории, анализировать результаты... Отпущенное время геофизики использовали по максимуму, стараясь не потерять ни минуты.

Для обнаружения мерзлоты использовались метод сопротивлений и частотные электромагнитные зондирования с бесконтактным индукционным возбуждением. Оказалось, что искать ледяное тело (изолятор) с помощью обычного метода постоянного тока с электродной установкой над объектом невозможно из-за того, что могильную камеру перекрывает каменная насыпь.

Михаил Иванович предложил расположить электроды по периметру кургана. При этом мы получали как бы вид сбоку на аномалии под курганом. Для того, чтобы обосновать и получить достоверные результаты при такой конфигурации электродов, полевые исследования предвзяло трехмерное математическое моделирование.

Результаты, позволяющие предположить наличие изолирующих ледовых линз, были получены при исследовании объектов в урочищах Улан-Даба и Олон-Курин-Гол. Наиболее достоверной с модельной точки зрения была абсолютная аномалия под курганом в долине Улан-Даба, где изолирующий объект (линза мерзлоты) располагался в центре кургана.

Был произведен мониторинг практически всех пазырыкских могильников, открытых в 2004 г. Михаил Иванович полагал, что кроме кургана Улан-Даба как минимум еще в двух курганах мерзлота присутствует обязательно.

Трехмерное изображение линзы льда в теле кургана по результатам электроразведки

Северо-запад Монгольского Алтая. Долина р. Цаган-Салаа, курганный могильник Цаган-Салаа-1 (курган № 1). Установка электротомографии, с системой наблюдения, расположенной по периметру кургана

Итак, благодаря геофизикам мы оказались вполне вооруженными перед решающим полевым сезоном 2006 г. По крайней мере, три объекта могли содержать мерзлоту, а это значит, что у нас был даже некоторый выбор, поскольку осилить за короткие два месяца три объекта с мерзлотой казалось делом совершенно нереальным. Оказалось, впрочем, что я ошибался, но об этом ниже.

В поисках утраченного времени

15 июня 2006 г. Выехали в поле. Смог вырваться сам, что называется, уже вторым эшелоном, отправив основную часть отряда на грузовике, вместе с Олегом Сентябовым для устройства международного лагеря экспедиции. В Монголии к ним присоединятся наши коллеги из Института археологии АН Монголии. Должен подъехать и профессор Д. Цэвээндорж, профессор же Герман Парцингер с германскими коллегами прибудет несколько позже.

Перед отъездом мы договорились с Германом Парцингером, что раскопки начнем с Улан-Дабы.

Поскольку народу в отряде довольно много, решаю начать работы сразу на двух объектах, на тот случай, если Улан-Даба не оправдает наши ожидания.

20 июня 2006 г. Утром выехали всем отрядом на Улан-Дабу. Нам предстояла работа по расчистке насыпи кургана. Погода скверная. Ветрено. Нудный дождик периодически сменялся снежными зарядами, от которых мы прятались в кузове у Олега. Но несмотря на это, работа двигалась быстро. Уже к обеду налицо ощутимый результат!

21 июня 2006 г. Сегодня начали работу и на втором объекте – стопроцентный пазырык – могильнике Олон-Курин-Голе-6. Руководство поручил Игорю Слюсаренко. Он имеет очень большой опыт раскопок на Алтае. К вечеру ребята закончили там разметку.

Сам я с утра и весь день был на Улан-Дабе. Пока курган ведет себя весьма странно: чем более мы его расчищаем, тем он все менее похож на пазырык. Ну да посмотрим.

26 июня 2006 г. Сегодня удалось сделать на Улан-Дабе очень много, и это несмотря на отвратительную погоду. Дождевые заряды с ветром раз за разом сменяли друг друга. Вышли на нижний накат крупных валунов. Это позволяет надеяться, что еще немного и мы достигнем определенной ясности.

Вечером приехали наши новосибирские геофизики, во главе с Михаилом Ивановичем Эповым. С ними неизменный друг Костя Каюров, Александр Манштейн и молодые ребята-аспиранты. Привезли с собой итальянского профессора, так что у нас теперь полнейший интернационал.

27 июня 2006 г. Закончили на кургане Улан-Даба два сектора, но ясности по-прежнему нет. Меня очень беспокоит то, что стратиграфия не отмечает хотя бы какого-то просада. Вариантов может быть два: или такая плотная забутовка могилы, а на дне действительно мощная линза льда, или могилы нет и тогда, как говорится, «пустышку тянем». Трудно, конечно, поверить, что такую конструкцию сооружали просто так или только ради этого невзрачного каменного ящика, который торчит в центре насыпи. Но... но все в жизни бывает!

Хочется как можно скорее получить ясность на Улан-Дабе. М. И. Эпов явно беспокоится за результат, ведь

прогноз его очень обнадеживающий. Мы с Германом, естественно, тоже волнуемся. Улан-Даба по-прежнему остается нашей главной надеждой.

28 июня 2006 г. Рабочий день прошел очень быстро, буквально пролетел. Наверное, это связано с тем, что я все время был занят поиском могильного пятна. В одном из секторов я как будто его обнаружил. Забрехала какая-то надежда, хотя ситуация остается крайне сложной. И если положить руку на сердце, то ясности пока никакой нет.

Геофизики под руководством Михаила Ивановича Эпова продолжили зондаж пазырыкских курганов. Отрядил вместе с ними Игоря Слюсаренко. Они сегодня отработали на двух объектах, на одном, по мнению М. И. Эпова фиксируется явная мерзлотная аномалия.

30 июня 2006 г. Сегодня провели ударную работу на Улан-Дабе. Всю площадку внутри оградки расчистили и разобрали. Проблема с пятном очевидна. Явственно ничего не читалось, в лучшем случае как-то угадывалось или, что правильнее, прогнозировалось. Принялись за разборку его верхней части в надежде, что через штык ситуация прояснится. Однако контур по-прежнему не ловился. Это просто-напросто головная боль. Работать было очень сложно. На кургане собрался весь отряд, а также геофизики и германские кинематографисты. Уезжали с раскопа в полном неведении. Завтра продолжим.

1 июля 2006 г. Первый день июля, кажется, принес неудачу. Улан-Даба оказался «пустышкой». Трудно поверить, что все это грандиозное сооружение выполнено ради этой несчастной могилы из плит, возведенной в его центре почти на поверхности. Сказать, что я впал

в состояние прострации (по крайней мере, внутренне), значит, ничего не сказать! В некотором унынии от моего состояния находятся и геофизики, хотя оптимизма они не теряют, свято веря в свои исчисления. Конечно, будем биться до конца, однако ситуация складывается очень непростая.

5 июля 2006 г. Сегодня весь отряд работал на Олон-Курин-Голе-6. К вечеру закончили снятие всей насыпи, подчистили всю площадь внутри оградки до материка и вышли на прекрасно читаемое пятно в центре – погребальную камеру. Начнем работу на ней уже завтра. Если, конечно, позволит погода.

Грабительский лаз в могиле на Олон-Курин-Голе – очевиден. Маловероятно (теперь это ясно), что перед нами следы впускного захоронения в основную камеру. Насколько окажется захоронение потревоженным – вот главный вопрос, который меня сейчас беспокоит.

Памятник Улан-Даба (слева).
Каменная ограда, в центре пятно
заполнения могильной ямы.
Сосуд из рога. Памятник Олон-Курин-
Гол-10. Курган № 1

Поскольку неизвестно, насколько камера может быть ограблена, а также, учитывая высокие темпы наших работ, предлагаю Герману взять еще один маленький курган. Г. Парцингер предложение принял. Завтра будет выбирать объект.

(Вечер). Сегодня, как оказалось, был день контрастов. С одной стороны, на Олон-Курин-Голе в заполнении могильной ямы наткнулись на кости человека. Пока неясно, что это – то ли выброс грабителей из погребальной камеры, то ли впускное захоронение. Конечно, очень бы хотелось, чтобы было второе! На Улан-Дабе, на одном из участков ямы, наконец-то уперлись в мерзлоту. Следовательно, геофизики правы! Однако, что же мы копаем – могилу или просто яму – пока по-прежнему неясно. Так что нужно продолжать и пробывать теперь уже мерзлоту, что, конечно же, добавит проблем...

9 июля 2006 г. Живу как на качелях. Настроение меняется от полного оптимизма до полного пессимизма.

Всю первую половину дня провел на Олон-Курин-Голе. В могилу углубились уже по всей площади на полтора метра. Налицо определенный грабительский лаз, так что моя оптимистическая версия с возможным впускным захоронением полностью отпала. К тому же мерзлотой здесь пока, к сожалению, и не пахнет. Увы! Увы! Возникает опасение, что и на этом могильнике может быть если не пустышка, то полупустышка.

На Улан-Дабе ребята расширили раскоп в яме, или могиле, и стоят на льду. В северном углу ямы камни заполнения как будто расположены в каком-то порядке, и это как-то напоминает искусственную выкладку или, если угодно, конструкцию, хотя, если положить руку на сердце, то напоминает слабо. Чем больше я на это смотрел, тем более утверждался в выводе, что все, что мы наблюдаем в яме, – не дело рук человека. Вместе с тем, геофизики с мерзлотной аномалией не ошиблись. Она существует, и мы вышли на ее верхнюю кромку. Другое дело, какова ее природа. Почему образовалась эта линза?! Вот вопросы, на которые просто необходимо дать ответ. Ведь перед нами не деревянный склеп, в котором вода могла аккумулироваться. Но она в чем-то же накапливалась, иначе, откуда лед? Просто какая-то фантазмагория! Одним словом, чтобы понять – необходимо копать!

Тем временем дела на раскопе идут своим чередом, и сегодняшний день вселил в меня некоторый оптимизм. На Олон-Курин-Голе, несмотря на сильнейший грабеж, пошел неплохой сруб, а на дне могилы даже мерзлота. Так что и здесь геофизики не ошиблись. Вне сомнения, это пазырык. Да и на Улан Дабе еще, в общем-то, не вечер. Так что качели не останавливаются. Однако сегодня стало как-то полегче. Очевидно, что на Олон-Курин-Голе-6 мы получили достаточно интересную и важную научную информацию.

На Олон-Курин-Голе-6 пошел уже третий венец сруба. Сохранность бревен по мере углубления становится все лучше и лучше, а ниже вообще мерзлый грунт! Надежда на органику есть, если только ограбление случилось не сразу после захоронения.

Маленький курган уже расчистили полностью. Завтра делаем фото, рисунок и приступаем к разборке насыпи.

Начали разборку насыпи маленького курганчика. Результат не заставил нас долго ждать. На уровне погребенной почвы обнаружен развал сосуда гуннского времени и косточки животных. Кроме этой аномалии никаких пятен нет. Итак, снова полупрокол! Перед нами поминальник эпохи хунну. Такие мы уже неоднократно встречали на Укоке. Известны подобные и в Туве. На Укоке аналогичные конструкции с сосудами и мясной пищей пристраивали к некрополям пазырыкской культуры. Так что перед нами, несомненно, поминальник.

На кургане Олон-Курин-Гол-6 пошли первые находки. Рядом со срубом лежал непо потревоженный скелет лошади. С ней – железные удила и костяной *кочедык*. На лошади сохранилось довольно много органики, однако ни деревянные предметы, ни ткани не сохранились. Может, будет что-то на дне камеры? Посмотрим!

13 июля 2006 г. На Улан-Дабе ребята пробили линзу мерзлоты и уперлись в каменный цоколь. Стало ясно, все это сооружение городили ради плиточной могилы на поверхности кургана, а мерзлота оказалась естественной, образовавшейся в своеобразном каменном «кармане», существовавшем почти точно под центром насыпи кургана. Бывают же такие совпадения!

Геофизики блестяще проверили свою методику. Так что все не зря. И к тому же Улан-Дабу можно культивировать.

Не откладывая на завтра, решили ехать на Олон-Курин-Гол выбирать новый курган. Теперь уже ясно, что последний. Долго советовались с ребятами. Мнения у всех разные. Все понимают, что шанс у нас последний. На Олон-Курин-Голе-6 с его мощнейшей «грабилкой» надежд почти никаких. Наконец, после долгих дебатов решаем брать курган в могильнике Олон-Курин-Гол-10. За него – несколько обстоятельств. Во-первых, он небольшой, к тому же верх насыпи сильно разобран казаками на хозяйственные нужды. Во-вторых, он недалеко от места наших последних работ – следовательно, при необходимости можно мобильно перебрасывать людей с места на место. Наконец, в-третьих (и это самое главное!), это третий курган (и последний!), где геофизики фиксировали лед.

17 июля 2006 г. Как оказалось, день этот стал, по сути, самым главным для нашей экспедиции.

Деревянное украшение упряжи.
Общий вид погребения в срубе и его прорисовка.
Памятник Олон-Курин-Гол-10 (Курган № 1)

Утро выдалось пасмурным, но, несмотря на погоду, встал я с каким-то особым энтузиазмом и можно даже сказать – полный азарта. После завтрака сразу поехал на «десятку», как мы уже успели окрестить Олон-Курин-Гол-10. Камни насыпи с одной половины кургана были уже сняты, и мы сразу начали подчистку рыхлого слоя, чтобы выявить пятно захоронения. Справились мы с этим делом достаточно быстро и – о ужас! Вся зачищенная площадка внутри ограды была покрыта слоем материкового гравия. Пятно не читалось!

С Олон-Курин-Гола-6 пришли Герман с Анатолием. Угрюмо посмотрели на все это безобразия, поговорив при этом по-немецки. Потом Герман молча побрел назад. Именно побрел... Так он был расстроен!

Все это время я сидел на ограде кургана и не принимал участие в обсуждениях. Во мне пронеслась буря эмоций. Неужели снова провал! Неужели повторение Улан-Дабы?! Но ведь все против этого! Все! Нет, не может быть, нужно искать пятно – твердо решил я.

Подошел Анатолий. Начал говорить, что, по-видимому, объект аналогичен Улан-Дабе, стал меня утешать – на Олон-Курин-Голе-6 взяли пробы и на палеогенетику и даже на микробиологию, да и с мерзлотой, похоже, многое прояснилось...

Я молчал... В голове лишь стучали молоточки: не может быть, нужно искать пятно...

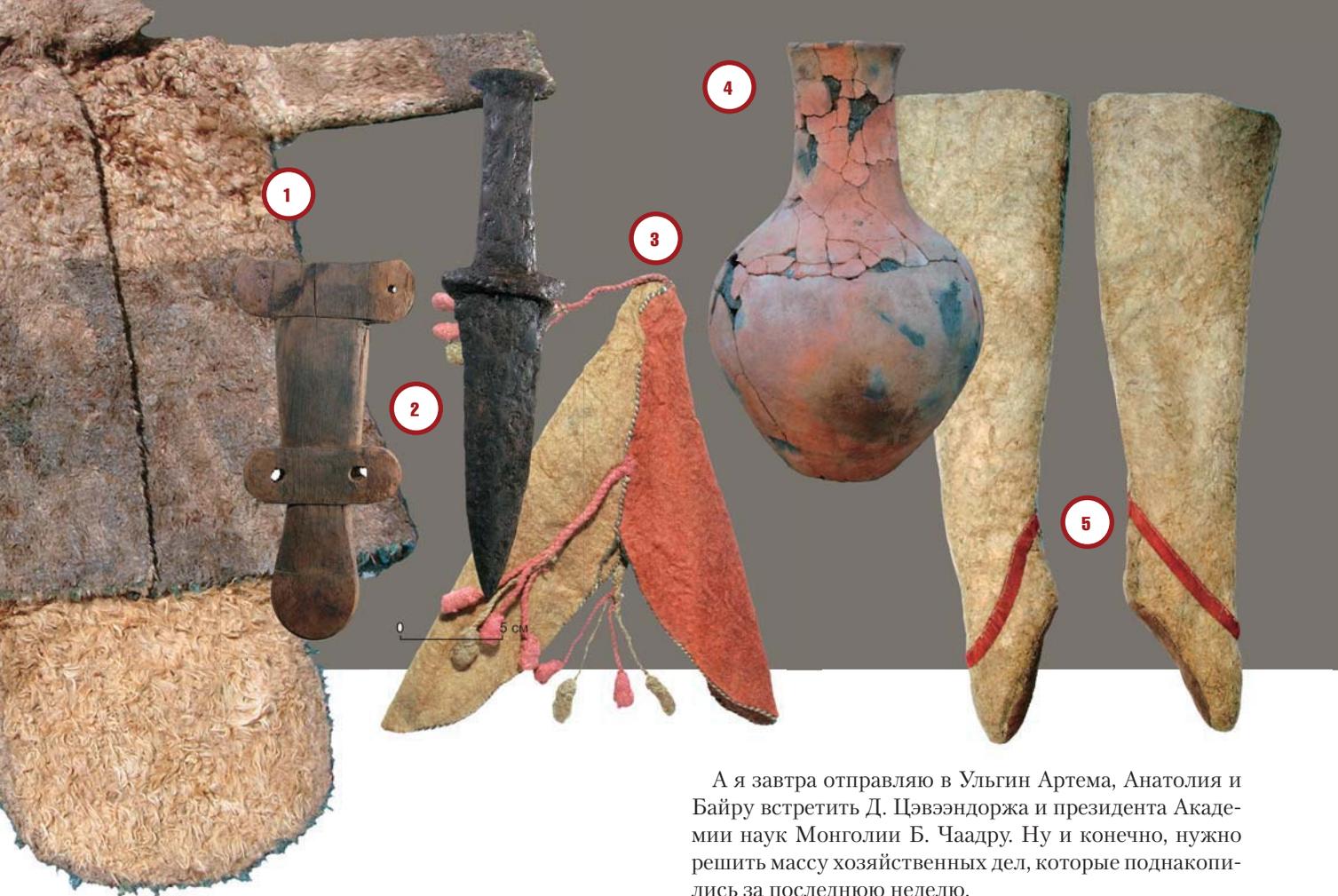
Толя, видимо, поняв мое состояние, сказал, что пошел на Олон-Курин-Гол-6 – там еще предостаточно работы.

Я взял лопату и молча, ни на кого не глядя, стал на полштыка углубляться в этот материковый слой, делая это скорее автоматически. Я продолжал траншею от центра к периферии, то есть к каменной ограде кургана. Слой был плотен и по цвету абсолютно однороден, и я очень скоро почти разуверился в успехе. В голове лишь мелькало: что делать дальше?! брать следующий объект? Но чтобы это делать, нужно все-таки понять, что мы копаем, в конце концов!

В это время оставшаяся у меня часть народа продолжала дочистить каменную ограду кургана. На глаза попался А. Овчаренко.

– Саня! – сказал я как-то даже грубо. – А ну-ка кончай ерундой заниматься. Иди, помоги дочистить площадку!

Овчаренко взял лопату и от ограды к центру кургана стал подчищать площадку. Саша «чистанул» буквально пару раз и – о чудо! Материковый слой как бы отслоился от лежащего под ним красноватого слоя щебенки. Овчаренко быстро стал двигаться ко мне навстречу, к центру кургана. Верхний слой по-прежнему легко отслаивался, хотя и становился все толще. И вдруг, когда Овчаренко не дошел до меня полметра, под его лопатой четко и контрастно проступила ровная граница пятна. Ближе к центру кургана оно было светлое, такое же, как

вся зачищенная выше поверхность, однако оно уже резко контрастировало со слоем, который лежал ниже.

– Ну-ка, теперь иди только по границе, кажется, поймали! – почти шепотом почему-то сказал я Александру.

А через пять минут все было кончено! Пятно отчетливо локализовалось в правильный прямоугольник, ярко читающийся на фоне красноватого слоя. Я боялся поверить в удачу и попросил оставшихся на кургане ребят взять лопаты и дочистить до этого красноватого уровня оставшуюся площадь внутри ограды.

Время летело. Все забыли об отдыхе. Картина становилась все более понятной даже неспециалисту.

В это время краем глаза я увидел приближающихся к нам ребят с соседнего кургана. Вид у всех был удрученный. Шли молча – переживали очередную нашу неудачу. Мы же тем временем, не показывая нашего ликования, молча продолжали подчистку...

Когда они наконец подошли, был просто взрыв эмоций! Но больше всех ликовав Г. Парцингер. Мы обнялись. Оба мы были по-настоящему счастливы!

К слову сказать, Михаил Иванович Эпов фиксировал здесь, хотя и незначительную, но все-таки мерзлотную аномалию.

После случившегося Герман сдвинул свой отъезд максимально, насколько это было возможно, то есть до 27 июля.

А я завтра отправляю в Ульгин Артема, Анатолия и Байру встретить Д. Цэвээндоржа и президента Академии наук Монголии Б. Чаадру. Ну и конечно, нужно решить массу хозяйственных дел, которые поднакопились за последнюю неделю.

Сегодня я по-настоящему счастлив!

19 июля 2006 г. Оба раскопа на Олон-Курин-Голе дают прекрасные результаты. На Олон-Курин-Голе-6 под досками лежанки, перевернутыми грабителями, обнаружены кости младенца, а также обломки деревянных предметов. Среди них неплохо сохранившийся гребешок. От младенца взяли пробу на палеогенетику. Взяли пробы и изо льда – на микробиологию.

На «десятке» же вообще фантастика! Заполнение могильной ямы явно свидетельствует о том, что погребение, по всей видимости, не нарушено. Попадались куски разложившегося черного войлока. Наконец сегодня мы вышли на бревенчатое перекрытие сруба! Поскольку даже на его вершине температура приближалась к нулю, есть все основания полагать, что в срубе будет лед. При этом бревна сохранились прекрасно. Это ошкуренная лиственница. На перекрытии нет никаких изъянов. Такой замечательной сохранности дерева я не припомню даже на Укоке! Если в срубе будет лед, то должна быть и органика. Мумия тоже весьма вероятна. Эта проблема меня очень волнует. Ну да поживем – увидим, главное, что мы, похоже, получили то, к чему стремились!

20 июля 2006 г. Сегодня встал раньше обычного – в 7 часов утра. Испытываю какой-то необычный подъем и нетерпение.

На раскопах все великолепно (конечно, прежде всего, на «десятке»). Расчистили перекрытие сруба – это

мощный бревенчатый накат. Бревна сохранились великолепно и даже не имеют просада. На перекрытии лежат две лошади. Правда органика на них почти не сохранилась, но деревянные украшения упряжи в виде крупных головок грифонов сохранились прекрасно. Они местами покрыты тонкой серебристой пленкой – по-видимому, оловом. Смотрелись, конечно, эффектно, как крупные серебряные изделия. Это, вне всякого сомнения, то, что мы искали, то есть пазырык.

Почти закончили Олон-Курин-Гол-6. Там тоже дела идут в хорошем темпе. Ребята работают превосходно!

С сегодняшнего дня решил устроить ночное дежурство на «десятке». Все-таки многие уже видели, что у нас пошло нечто необычное, и нельзя исключать, что кто-то попытается вскрыть сруб... Поставили рядом с курганом палатку и оставили на ночь двоих парней.

23 июля 2006 г. Сегодня воскресенье, однако я решил взять с собой несколько добровольцев и поработать на «десятке». Довели расчистку сруба до материка, то есть до дна могилы. Нижний венец весь во льду, и это очень радует. Все тщательно и многократно сфотографировали. Наконец, со всеми предосторожностями приподняли одно из бревен перекрытия погребальной камеры...

Перед нами открылась совершенно необычная картина, которая никогда и нигде на пазырыкских памятниках с мерзлотой не встречалась, в том числе и у нас на Укоке. В срубе не было льда! Пространство совершенно свободно от какого-либо заполнения! Очевидно, что работа по его расчистке потребует минимальная. Умерший лежал на очень высокой кровати. Несмотря

Находки археологов в погребальном комплексе Олон-Курин-Гол-10 (Курган № 1):

- 1 – меховая шуба после реставрации;
- 2 – железный кинжал и деревянные ножны;
- 3 – съемный войлочный чехол горита;
- 4 – глиняный сосуд;
- 5 – войлочные сапоги (после реставрации);
- 6 – деревянное украшение упряжи;
- 7 – деревянное блюдо;
- 8 – фигурка деревянной лошади на плоской основе;
- 9 – деревянное украшение боковой части головного бора в виде фигурки оленя и его прорисовка (10);
- 11 – головной убор после реставрации.

Участники Российско-германо-монгольской экспедиции. 2006 г.

на отсутствие льда, видно, что все (или почти все) прекрасно сохранилось. Успех полный и потрясающий!

24 июля 2006 г. Сегодня был один из самых ответственных и в тоже время счастливых дней. Мы начали вскрывать погребальную камеру. Конечно, это не дверь в гробницу Тутанхамона и я не Говард Картер, но думаю, любой профессиональный археолог поймет меня и мое волнение. Уверен, что и мои друзья и коллеги испытывали те же самые чувства.

Мы аккуратно сняли плотно подогнанные бревна перекрытия. Они на удивление легко поддались. Когда бревна вынесли из могилы, нашими глазами открылась потрясающая картина! На погребальном деревянном ложе, на боку, как это принято у пазырыкцев, лежал взрослый человек. Он был одет в меховую шубу и войлочный головной убор, на ногах войлочные сапоги-чулки. Были видны деревянное блюдо и сосуды. Но поражало то, что все это как бы не тронут временем. Не было ни земли, ни льда. Будто опытная рука археолога уже все расчистила. Погребение лишь слегка присыпано древесной трухой. Саша Пилипенко взял пробы льда на биохимические анализы, а Марине Мороз потребовалось совсем немного времени, чтобы смести древесную труху. Нам фантастически повезло. Если бы сруб был полон льда, потребовалась бы колоссальная работа.

Сразу же приступили к фотофиксации и зарисовке комплекса.

25 июля 2006 г. Сегодня очень плодотворно поработали на раскопе. Буквально каждый час приносил

сюрпризы. Любопытно само захоронение. Погребенный – рыжеволосый, со стрижкой, что называется, «под горшок». Мягкие ткани на черепе не сохранились, как их не было и под шубой, однако на ногах они сохранились неплохо. Было похоже, что рядом с мужчиной лежит целый деревянный лук в меховом колчане – несомненная удача, так как лука такой сохранности до сих пор не удавалось обнаружить в комплексах пазырыкской культуры. Конечно, фрагменты луков в могилах со льдом находили, а вот целый – найден впервые. Более всего захоронение напоминает погребения, раскопанные мною на Укоке, на могильнике Верх-Кальджин-II. Вплоть до рыжего цвета волос у мужчин. Не удивлюсь, если они вообще окажутся родственниками! К тому же оба в роскошных шубах. Фотографируем детали, делаем рисунки и описание.

26 июля 2006 г.

А сегодня удалось целиком снять лук. Конечно, благодаря Марине Мороз. Очень талантливый реставратор! Все находки, которые легко можно снять (и даже не очень легко), мы увозили в нашу реставрационную лабораторию, где над ними трудятся реставраторы. Завтра, к приезду Президента Монголии, мы возвратим все на свои места.

28 июля 2006 г. Утром приехал молоденький лейтенант с погранзаставы, сказал, что ему приказано сообщить: вертолет будет у нас завтра, то есть раньше срока, около 10 часов утра. Вертолет пограничников, так что нам нужно быть готовыми. С одной стороны, это прекрасно, с другой, пришлось поупираться и работать,

пока было светло. Нужно переложить погребенного в шубе в специально подготовленный для этой цели ящик, отвезти и упаковать оставшиеся находки, предварительно зафотографировав и зарисовав их. Нужно было взять максимальное количество всевозможных проб, наконец, необходимо было вытащить сруб наружу, промаркировать бревна, собрать его наверху и снова разобрать. При этом нижний венец был приморожен, и пришлось изрядно потрудиться, прежде чем его удалось освободить ото льда. К тому же из бревен необходимо было взять образцы на дендрохронологический анализ. Дело это весьма трудоемкое, требующее времени.

Таким образом, все хорошо, однако на душе как-то грустно. Странное состояние какой-то опустошенности не покидает меня. Вот вроде бы все завершилось сверх-успешно, и домой уже пора, а как будто кусочек души оторвался и остается здесь, на суровом и прекрасном северо-западе Монголии.

Кульминация научного поиска, если хотите, его триумф – действие почти мгновенное, однако ведет к нему долгий, трудный, а порой и тернистый путь, который, кстати сказать, далеко не всегда этим триумфом и заканчивается... Однако мне хотелось, чтобы в этой книге прозвучала настоящая правда о наших, зачастую рутинных экспедиционных буднях, и если я что-то и убрал из своих полевых записей (каюсь, несколько раз вынужден был это сделать), то лишь по той причине, что заметки эти носили сугубо личный, а порой излишне эмоциональный, характер.

Однако следует все-таки вернуться в 2006 г. В сентябре, в столице Монголии Улан-Баторе прошла организованная Монгольской Академией наук пресс-конференция с участием руководства Академии и ее Президента академика Б. Чаадры, директора Института археологии Монголии Д. Цэвээндоржа. На пресс-конференцию были приглашены и мы с Германом Парцингером. В ней участвовали не только монгольские журналисты, но и представители зарубежной печати. Вопросов было очень много, и нам было приятно на них отвечать. В конечном итоге получалась приятная беседа, которая bukвална на следующий день была освещена на страницах монгольских СМИ. Особенно подчеркивался интернациональный характер экспедиции и мультидисциплинарный подход к решению научных задач, ну и разумеется, рассказывалось о конкретных результатах, полученных на памятнике Олон-Курин-Гол-10.

В конечном итоге все полученные материалы были благополучно доставлены в Академгородок, где в реставрационном центре нашего Института они прошли прекрасную обработку. Все предметы приобрели абсолютно музейный вид. Особенно, конечно, впечатляла роскошная меховая шуба. Верхняя ее часть была выполнена из собольего меха, нижняя – из беличьего.

Шуба была с «хвостом», то есть такого же кроя, как и когда-то найденная мною на Укоке. Конечно, реставрация и консервация полученных в Монголии предметов потребовала и существенных средств и времени. Конечно, это был нелегкий труд всех наших реставраторов. Тем не менее, уже через год практически все было закончено.

Благодаря исследованию проб, взятых на раскопе, А. Г. Ромашенко и А. С. Пилипенко были получены результаты, позволившие связать носителей пазырыкской культуры с обитателями Передней Азии. Именно отсюда происходят древнейшие в мире ковры и ткани, найденные в царских пазырыкских курганах. Впервые был обнаружен и генетический след мигрантов, смешавшихся на Алтае с местным населением.

Интереснейшая работа была проделана по изучению костюма носителей пазырыкской культуры. Хорошая сохранность одежды, обуви, головных уборов позволила Н. В. Полосьмак, с учетом уже проделанной ею работы с предметами, обнаруженными в комплексах Укока, предложить убедительную реконструкцию костюма носителя пазырыкской культуры Северо-Западной Монголии, а Д. В. Позднякову сделать великолепную графическую реконструкцию.

Литература:

Молодин В. И. *Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия.* Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2000. 192 с.

Молодин В. И., Парцингер Г. *Ледяной воин Алтая // National Geographic Россия, 2007. № 6. С. 58–71.*

Molodin V., Parzinger H., Cevendorz D. *Das Krigergrab von Olon-Kurin Gol // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Konigsgraber der Skythen. Munchen-Berlin-London-New York, 2007. S. 148–155.*

Молодин В. И. *Исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции на северо-западе Монголии летом 2006 г. // Российская археология, 2007. № 4. С. 42–50.*

Полосьмак Н. В. *Всадники Укока.* Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2001. 336 с.

Parzinger H., Molodin V., Cevendorz D. *Der skythenseitliche kriegler aus dem eis: Neue entdeckungen im Mongolischen Altai. Amsterdam, 2008. S. 66.*

Автор и редакция благодарят д. и н. В. П. Мильникова и к. и. н. И. Ю. Слюсаренко за помощь в подготовке публикации

В статье использованы фото В. П. Мильникова, прорисовки В. Ковторова и Н. Ермаковой

В публикации использованы иллюстрации и прорисовки из подготовленной к публикации книги «Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема.» (Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д.),

АРХЕОЛОГИ – народ бродячий...

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 04 В. И. Молодин**
Демидовская премия:
«...содействовать преуспеянию наук
словесности и промышленности
в своем Отечестве»
- 08 А. И. Соловьев**
Новосибирский – Илимский –
Западно-Сибирский
- 26 А. С. Пилипенко**
«Раскопки» в чистой зоне,
или Палеогенетика в новосибирском
Академгородке
- 38 С. А. Комиссаров, М. А. Кудинова**
«Город и псы» (La ciudad y los perros):
китайский вариант
- 52 В. И. Молодин**
Странствующий рыцарь.
*Загадочный воин сложил голову
на территории Барабы*
- 62 В. И. Молодин**
Меч каролингов
- 76 В. И. Молодин**
Илимское распятие
- 86 В. И. Молодин**
За перевалом Сайлюгем...

*«...Айдашинская пещера. Последний год наших
совместных работ на этом удивительном
памятнике. После одного из трудовых дней
мы стоим около бокового входа в пещеру.
Слева направо: Владимир Бобров, Олег Сентябов,
Игорь Овчинников и автор. 1977 г.»*

*В. И. Молодин «Меч каролингов»,
ИНФОЛИО, Новосибирск, 2006*

«...Меч только что извлекли из земли. Он — в руках у Кости Самойлова, рядом справа — автор. Вокруг — студенты, счастливые участники событий»

В. И. Молодин «Меч каролингов», «НАУКА из первых рук», № 1(4), 2005

На обложке:

*Портрет академика РАН В. И. Молодина.
Художник А. Г. Толстиков. 2011. Холст, масло*